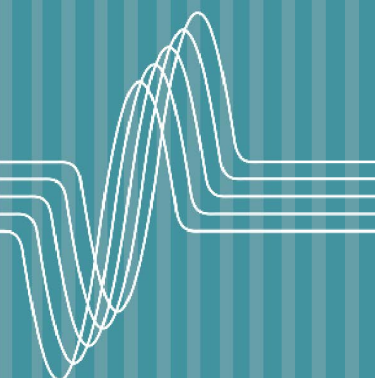

ISSN 2313-5646

1' 2023

ВЕСТНИК

БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА МВД РОССИИ
ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА

ВЕСТНИК БЕЛГОРОДСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА МВД РОССИИ ИМЕНИ И.Д. ПУТИЛИНА. 2023. № 1.

Учредитель и издатель:
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации СМИ серия ПИ № ФС77-80715 от 9 апреля 2021 года.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА:

Главный редактор – Александров А.Н., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Заместитель главного редактора – Дизер О.А., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Гусев В.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Омск)
Десятов М.С., доктор юридических наук, доцент (Россия, Омск)
Камышанский В.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)
Карагодин А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Катаева О.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Кириллов М.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Чебоксары)
Колмаков П.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Сыктывкар)
Кудрявцев А.В., доктор юридических наук, доцент (Россия, Владимир)
Кузнецов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)
Максименко А.В., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Махина С.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Нижник Н.С., доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Новикова Е.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Нудненко Л.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)
Петрянин А.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)
Пономарева В.В., доктор юридических наук, профессор (Россия, Красноярск)
Россинский С.Б., доктор юридических наук, доцент (Россия, Москва)
Самсонов В.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Белгород)
Солдатов А.П., доктор юридических наук, профессор (Россия, Краснодар)
Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Россия, Воронеж)
Степкин Р.М., кандидат юридических наук (Россия, Белгород)
Ткачук Т.А., доктор юридических наук, профессор (Россия, Владимир)
Туранин В.Ю., доктор юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Хужин А.М., доктор юридических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Черняков С.А., кандидат юридических наук, доцент (Россия, Белгород)
Шаров В.И., доктор юридических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук

Заведующий редакцией: Маркова Ю.В.
Редактор: Тулина О.Н.
Дизайн и компьютерная верстка: Зиновьева И.И.
Сдано в набор 23.02.2023
Подписано к печати 27.02.2023
Дата выхода в свет 28.02.2023

Формат 60x84/8
Объем 11,8 усл. печ. л.
Набор компьютерный. Бумага офисная.
Печать цифровая. Заказ № 10.
Цена: бесплатно. Тираж: 43
16+

Отпечатано в отделении полиграфической и оперативной печати Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.

Адрес редакции, издателя, типографии: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Горького, 71.
Контактный телефон: (4722) 51-71-35; факс: (4722) 55-53-31; E-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru
Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» – 39493

VESTNIK OF PUTILIN BELGOROD LAW INSTITUTE OF MINISTRY OF THE INTERIOR OF RUSSIA. 2023. № 1.

The founder and the publisher:
Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia
The Journal is registered in The Federal Service for Supervision of Communications Information Technology
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate PI № FS77-80715 of April 9, 2021.

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL:

Editor-in-Chief – Alexey N. Alexandrov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Deputy Editor-in-Chief – Oleg A. Dizer, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Vladimir A. Gusev, Doctor of Law, Professor (Omsk, Russia)
Mikhail S. Desyatov, Doctor of Law, Associate Professor (Omsk, Russia)
Vladimir P. Kamyshansky, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Alexander V. Karagodin, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Olga V. Kataeva, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Mikhail A. Kirillov, Doctor of Law, Professor (Cheboksary, Russia)
Peter A. Kolmakov, Doctor of Law, Professor (Syktyvkar, Russia)
Alexey V. Kudryavtsev, Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir, Russia)
Alexander P. Kuznetsov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Alexander V. Maksimenko, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Svetlana N. Makhina, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Nadezhda S. Nizhnik, Doctor of Law, Professor (St. Petersburg, Russia)
Ekaterina A. Novikova, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Lydia A. Nudnenko, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)
Alexey V. Petryanin, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Valeria V. Ponomareva, Doctor of Law, Professor (Krasnoyarsk, Russia)
Sergey B. Rossinsky, Doctor of Law, Associate Professor (Moscow, Russia)
Valery N. Samsonov, Doctor of Law, Professor (Belgorod, Russia)
Alexander P. Soldatov, Doctor of Law, Professor (Krasnodar, Russia)
Yuri N. Starilov, Doctor of Law, Professor (Voronezh, Russia)
Roman M. Stepin, Candidate of Law (Belgorod, Russia)
Tatiana A. Tkachuk, Doctor of Law, Professor (Vladimir, Russia)
Vladislav Yu. Turanin, Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Alfir M. Huzhin, Doctor of Law, Associate Professor (Nizhny Novgorod, Russia)
Sergey A. Chernyakov, Candidate of Law, Associate Professor (Belgorod, Russia)
Victor I. Sharov, Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publication of basic results of candidate and doctoral theses

Head of the Editorial Staff: Julia V. Markova
Editor: Olga N. Tulina
Design and computer make-up: Irina I. Zinovieva
It is handed over in a set 23.02.2023
It is passed for the press 27.02.2023

Format 60x84/8
Volume 11,8 printer's sheets
Typing. Office paper. Digital printing.
Order № 10. Price: free of charge.
Printed copies: 43
16+

It is printed in the Polygraphic and Operative Press Department of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. 71, Gorkyj street, Belgorod, 308024.

The address of the publisher and edition: 308024, Belgorod, Gorkyj street, 71.
Contact phone: (4722) 51-71-35; Fax: (4722) 55-53-31; E-mail: vestnik.belui@mvd.ru; rio.belui@mvd.ru
Subscription index in Unified catalogue "Press of Russia" – 39493

© Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 2023
© Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- ДИЗЕР О.А., НАДЕЖИНА И.В.**
РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О
РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, ДОПУСКАЮЩИХ
НЕМЕДИЦИНСКОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ
НАРКОТИКОВ
- САМСОНОВ В.Н., МУЛЕНКО Н.В.**
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДВОЙНОГО
ГРАЖДАНСТВА В РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
- СТЕПКИН Р.М., КАРАГОДИН А.В.**
ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДОРОЖНО-
ТРАНСПОРТНЫХ ПРОИСШЕСТВИЙ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ
МВД РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ

- 4 DIZER O.A., NADEZHINA I.V.**
DEVELOPMENT OF THE LEGISLATION OF
THE RUSSIAN FEDERATION ON THE RE-
SOCIALIZATION OF PERSONS WHO ALLOW
NON-MEDICAL DRUG USE
- 11 SAMSONOV V.N., MULENKO N.V.**
ACTUAL PROBLEMS OF DUAL CITIZENSHIP IN
THE RUSSIAN FEDERATION
- 17 STEPKIN R.M., KARAGODIN A.V.**
ISSUES OF ROAD VEHICLE ACCIDENTS
PREVENTION BY DIVISIONS OF STATE
AUTOMOBILE INSPECTORATE OF THE MIA OF
RUSSIA: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

CRIMINAL LAW SCIENCES

- СИТНИКОВА А.И.**
ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ФИКЦИИ
ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ
НА ЖИЗНЬ ДВУХ ИЛИ БОЛЕЕ ЛИЦ
(П. «А» Ч.2 СТ.105 УК РФ)
- СОКОЛОВА А.В.**
СПЕЦИФИКА УЧЕТА СЕМЕЙНЫХ
ОТНОШЕНИЙ ПОДСУДИМОГО ПРИ
НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ
- ВВЕДЕНСКИЙ А.Ю.**
НЕЗАКОННОЕ ОБНАЛИЧИВАНИЕ
ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ КАК УГРОЗА
ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ И ПРОБЛЕМА
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ
- БЕЛЕЦКИЙ И.А., КАРПОВ К.Н.**
УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА
ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ С
ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»
- ХАРЛАМОВА А.А., ТОКАРЕВ Д.С.**
ПРОИЗВОДСТВО, ПРИОБРЕТЕНИЕ,
ХРАНЕНИЕ, ПЕРЕВОЗКА ИЛИ СБЫТ
ТОВАРОВ И ПРОДУКЦИИ БЕЗ
МАРКИРОВКИ И (ИЛИ) НАНЕСЕНИЯ
ИНФОРМАЦИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОЙ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ (СТ. 1711 УК РФ):
ОСОБЕННОСТИ КРИМИНООБРАЗУЮЩИХ
ПРИЗНАКОВ И ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

- 22 SITNIKOVA A.I.**
LAW ENFORCEMENT FICTIONS IN THE
QUALIFICATION OF ENCROACHMENT ON
THE LIFE OF TWO OR MORE PERSONS
(PARAGRAPH «A» OF PART 2 OF ARTICLE 105
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION)
- 27 SOKOLOVA A.V.**
SPECIFICITY OF TAKING INTO ACCOUNT THE
FAMILY RELATIONS OF THE DEFENDANT
WHEN IMPOSING CRIMINAL PENALTIES
- 32 VVEDENSKY A.YU.**
UNLAWFUL CASHING OUT AS THE THREAT TO
ECONOMIC GROWTH AND THE PROBLEM OF
CRIMINAL OFFENCE CHARACTERIZATION
- 36 BELETSKIY I.A., KARPOV K.N.**
CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF ILLEGAL
TRAFFICKING OF PORNOGRAPHIC MATERIALS
USING THE INTERNET
- 42 KHARLAMOVA A.A., TOKAREV D.S.**
PRODUCTION, PURCHASE, STORAGE,
TRANSPORTATION OR SALE OF GOODS
AND PRODUCTS WITHOUT MARKING AND
(OR) INFORMATION PROVIDED FOR BY THE
LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
(ARTICLE 1711 OF THE CRIMINAL CODE OF
THE RUSSIAN FEDERATION): SIGNS OF A
CRIME AND QUESTIONS OF QUALIFICATION

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

- ПРОКОПЕНКО А.Н., СТРАХОВ А.А.** 50
ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛУЧЕНИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
ПОСРЕДСТВОМ ОСМОТРА И ИЗЪЯТИЯ
ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ
- УШАКОВ А.Ю., КИРЯНИНА И.А.** 57
О ВВЕДЕННОЙ В УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЗАКОН НОРМЕ,
ПОЗВОЛЯЮЩЕЙ ПРОВОДИТЬ ОТДЕЛЬНЫЕ
СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОСРЕДСТВОМ
ДИСТАНЦИОННЫХ РЕСУРСОВ
- ФЕДОСЕЕВ А.Э., АРХИПЦЕВ И.Н.** 63
ФОРЕНЗИКА КАК КОМПОНЕНТ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ
- МАСЛОВА Л.А.** 70
КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП И
ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД
НА ОТГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ
- ГЛУШКОВ Е.Л.** 76
ТИПОЛОГИЯ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ
КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВ
ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ
- МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ**
- КОБЕЦ П.Н.** 83
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ:
ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ
- ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО**
- БЕРДНИКОВ В.Л.** 90
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОРМЫ ОБ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
ФАЛЬСИФИКАЦИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ:
ПРОБЛЕМА РАСШИРЕНИЯ КРУГА
СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
- КВАСНИКОВ Е.С.** 97
СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА
НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ ТРУДА
- PROKOPENKO A.N., STRAKHOV A.A.**
LEGAL GROUNDS FOR OBTAINING
ELECTRONIC EVIDENCE BY MEANS OF
INSPECTION AND SEIZURE OF ELECTRONIC
MEDIA
- USHAKOV A.YU., KIRYANINA I.A.**
ABOUT THE NORM INTRODUCED INTO THE
CRIMINAL PROCEDURE LAW, WHICH ALLOWS
CONDUCTING SEPARATE INVESTIGATIVE
ACTIONS THROUGH REMOTE RESOURCES
- FEDOSEEV A.E., ARKHIPTSEV I.N.**
FORENSICS AS A COMPONENT OF
COUNTERING HIGH-TECH CRIME
- MASLOVA L.A.**
COMMERCIAL BRIBERY AND BRIBERY: A
MODERN VIEW ON COMPOSITION DEFINITION
- GLUSHKOV E.L.**
TYPOLOGY OF WAYS OF COMMITTING
CRIMINAL BANKRUPTCIES OF ENTERPRISES
AND ORGANIZATIONS
- INTERNATIONAL EXPERIENCE**
- KOBETS P.N.**
IMPROVING INTERSTATE COOPERATION IN
THE FIELD OF INFORMATION SECURITY: THE
BASIS FOR COUNTERING INTERNATIONAL
CYBERCRIME
- TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST**
- BERDNIKOV V.L.**
PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF
THE NORM ON CRIMINAL LIABILITY FOR
FALSIFICATION OF EVIDENCE: THE PROBLEM
OF EXPANDING THE CIRCLE OF SUBJECTS
OF CRIME
- KVASNIKOV E.S.**
SOCIAL CONDITIONALITY OF CRIMINAL
LIABILITY FOR VIOLATION OF LABOR
PROTECTION REQUIREMENTS

**РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О
РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЦ, ДОПУСКАЮЩИХ НЕМЕДИЦИНСКОЕ
УПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИКОВ****DEVELOPMENT OF THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN
FEDERATION ON THE RE-SOCIALIZATION OF PERSONS WHO
ALLOW NON-MEDICAL DRUG USE**

УДК 342.9/343.9

О.А. ДИЗЕР,доктор юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
dizer77@mail.ru**OLEG A. DIZER,**Doctor of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)**И.В. НАДЕЖИНА**(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
lady.nadezhina2018@yandex.ru**INNA V. NADEZHINA**(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: объектом исследования стали общественные отношения, возникающие в связи с прохождением наркозависимым лицом процедуры ресоциализации в рамках комплексной программы реабилитации наркопотребителей. В статье рассматриваются вопросы правовых основ ресоциализации наркозависимых, являющейся в свою очередь важным этапом возвращения в общество полноценного гражданина. Проводится анализ развития норм отечественного законодательства, регламентирующего указанные вопросы. Предлагается различать мероприятия по ресоциализации в зависимости от содержания восстановительных мероприятий. Особое внимание уделяется анализу существовавших законопроектов о реабилитационных мероприятиях наркозависимых. В работе представлен опыт органов публичной власти субъектов Российской Федерации по созданию моделей ресоциализации лиц, допускающих немедицинское употребление наркотиков, изучение которого позволило сформулировать основные проблемы при их создании и соблюдении ряда условий для их внедрения и эффективного функционирования. Делается вывод, что стратегия противодействия наркоугрозе на сегодняшний день в России реализуется в рамках нескольких направлений, одним из которых является оказание помощи лицам, имеющим опыт или допускающим немедицинское употребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов. При этом в реализации программ комплексной реабилитации и ресоциализации наркопотребителей законодатель видит не только способ снижения уровня наркотизма, но и значительную социальную функцию, имеющую значение для поддержания баланса в обществе.

Ключевые слова: комплексная реабилитация, ресоциализация, антинаркотическая политика, наркопотребители, реабилитационные мероприятия.

Для цитирования: Дизер О.А., Надежина И.В. Развитие законодательства российской федерации о ресоциализации лиц, допускающих немедицинское употребление наркотиков // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 4–10.

Abstract: the object of the study was the social relations arising in connection with the passage of a drug-dependent person of the resocialization procedure within the framework of a comprehensive rehabilitation program for drug users. The article deals with the issues of the legal basis for the resocialization of drug addicts, which in turn is an important stage in the return of a full-fledged citizen to society. The analysis of the development of the norms of domestic legislation regulating these issues is carried out. It is proposed to distinguish between resocialization measures depending on the content of rehabilitation measures. Particular attention is paid to the analysis of existing draft laws on rehabilitation measures for drug addicts. The paper presents the experience of public authorities of the subjects of the Russian Federation in creating models of resocialization of persons who allow non-medical drug use, the study of which allowed to formulate the main problems in their creation and compliance with a number of conditions for their implementation and effective functioning. It is concluded that the strategy of countering the drug threat is currently being implemented in Russia within the framework of several directions, one of which is to provide assistance to persons who have experience or allow non-medical use of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues. At the same time, in the implementation of comprehensive rehabilitation and re-socialization programs for drug users, the legislator sees not only a way to reduce the level of drug addiction, but also a significant social function that is important for maintaining balance in society.

Keywords: comprehensive rehabilitation, resocialization, anti-drug policy, drug users, rehabilitation measures.

For citation: Dizer O.A., Nadezhina I.V. Development of the legislation of the Russian Federation on the re-socialization of persons who allow non-medical drug use // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 4–10.

Одним из главных условий, предопределяющих успех государственной антинаркотической политики, является закрепление на законодательном уровне содержания и пределов реабилитации больных наркоманией.

В Концепции государственной антинаркотической политики Российской Федерации, утвержденной ФСКН России 16 октября 2009 г.¹, говорится о медико-социальной реабилитации больных наркоманией.

В Федеральном законе от 8 января 1998 г. «О наркотических средствах и психотропных веществах» реабилитация больных наркоманией определяется как комплекс мероприятий медицинского, психологического и социального характера, направленных на полное или частичное восстановление нарушенных вследствие потребления наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача функций пораженного органа либо системы организма и (или) компенсацию утраченных функций, а также максимально возможное восстановление и (или) формирование социальных навыков и навыков психологической устойчивости. Глава VII данного нормативного правового акта называется «Наркологическая помощь больным наркоманией и их социальная реабилитация». Анализ ее статей позволяет сделать вывод, что фактически речь идет о медицинских мерах реабилитации [1, с. 134].

¹ URL: www.fskn.gov.ru.

Кроме того, в законодательстве в настоящее время используется термин «ресоциализация больных наркоманией»².

Этот термин отражает стремления, появившиеся в 60-е гг. XX в. в ряде западноевропейских стран, использовать ресоциализацию больных наркоманией в качестве одного из главных инструментов борьбы против нее [2, с. 23].

Понятие ресоциализации является относительно новым для отечественной антинаркотической политики, несмотря на, казалось бы, значительный опыт в реализации государством антинаркотических мер. Данный термин официально был закреплен относительно недавно в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 года

² По вопросу определения в субъектах Российской Федерации органа исполнительной власти, уполномоченного на организацию комплексной реабилитации и ресоциализации лиц, потребляющих наркотические средства и психотропные вещества в немедицинских целях: письмо Минздрава России от 11 сентября 2015 г. № 14-2/1531 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении протокола ведения больных «Реабилитация больных наркоманией (Z50.3)»: приказ Минздрава России от 22 октября 2003 г. № 500 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении плана мероприятий по созданию государственной системы профилактики немедицинского потребления наркотиков и совершенствованию системы наркологической медицинской помощи и реабилитации больных наркоманией (на 2012–2020 годы): распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 февраля 2012 г. № 202-р // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 8. – Ст. 1084.

№ 733 (далее – Стратегия антинаркотической политики)³.

Указанный документ содержит важные концептуальные решения, которые позволяют рассмотреть антинаркотическую политику России с нового ракурса. В частности, действующая Стратегия антинаркотической политики в сравнении с предыдущей предусмотрела ряд новых понятий, среди которых, например, антинаркотическая идеология. Кроме того, впервые в содержательном смысле разграничены понятия медицинской и социальной реабилитации. Под медицинской реабилитацией больных наркоманией понимается «вид наркологической помощи, осуществляемой в соответствии с законодательством Российской Федерации о наркотических средствах и психотропных веществах и об охране здоровья граждан». Социальная реабилитация же определяется как «совокупность мероприятий социального и психологического характера, осуществляемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о наркотических средствах и психотропных веществах, о профилактике правонарушений и о социальной помощи и направленных на полное или частичное восстановление социальных связей и функций, утраченных вследствие потребления наркотиков»⁴.

И если в вопросе организации реабилитационных мероприятий с точки зрения их медицинского содержания в контексте оказания наркологической помощи населению еще наблюдается относительное единство, обеспечиваемое за счет необходимого нормативно-правового регулирования данной сферы правоотношений, то в вопросе организации ресоциализации, ее порядка, методик ее осуществления, субъектов ее реализации и критериев эффективности приходится констатировать необходимость соответствующих разъяснений законодателя в данном направлении.

Ввиду того, что понятие «ресоциализации наркопотребителей» только начинает постепенно внедряться в правовое поле и сам процесс оказания услуг по ресоциализации лиц, имеющих зависимость от наркотических веществ, психотропных веществ или их аналогов, только начинает приобретать достаточные правовые основания, вопрос о сущности и специфике данного явления особенно актуален в контексте только формирующейся в данном направлении правовой базы.

Относительно новое понятие «ресоциализация наркопотребителей» определяется как «комплекс

мероприятий (услуг), осуществляемых в соответствии с законодательством Российской Федерации о профилактике правонарушений и о социальной помощи и направленных на восстановление у наркопотребителей утраченных социально полезных связей, на укрепление позитивных моделей поведения и ценностных установок, а также на содействие таким лицам в получении правовой и социальной помощи, помощи в трудоустройстве».

В отдельных документах еще до 2022 г. уже проводилась дифференциация между медицинской и социальной реабилитацией наркопотребителей. Тогда категории «социальная реабилитация» и «ресоциализация» употреблялись в качестве взаимосвязанных. В частности, в методических рекомендациях, подготовленных ранее существовавшей Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (далее – ФСКН России), социальная реабилитация и ресоциализация описывались как «система социальных, психологических, педагогических и трудовых мер, направленных на восстановление физического, психического и духовного здоровья лица, ранее допуславшего немедицинское употребление наркотиков, его личностного и социального статуса, а также способностей к полноценной интеграции в общество, внесению позитивного вклада в социальное, экономическое и культурное развитие территорий России» [3, с. 4].

Ресоциализация рассматривалась как одна из реабилитационных социальных услуг, и ее содержательная часть раскрывалась в ГОСТ Р 54990-2018 «Реабилитационные социальные услуги лицам, имеющим опыт злоупотребления наркотическими средствами, психотропными веществами и алкоголем»⁵.

В научной литературе термин «ресоциализация» использовался чаще всего наряду с категорией «реабилитация». Под последней исследователи преимущественно подразумевали комплекс мероприятий медицинского характера, направленных на излечение лиц, больных наркоманией. Используя термины реабилитации и ресоциализации, исследователи тем самым подчеркивали комплексный характер реабилитационных мероприятий, сочетающих в себе и наркологическую, и социальную помощь наркопотребителям [4, с. 6; 5, с. 153; 6, с. 106].

Помимо прочего, законодательному же закреплению ресоциализации в Стратегии антинаркотической политики до 2030 года предшествовали долгие годы последовательной реализации государством антинаркотических мер.

Изначально о необходимости реализации пост-

³ Указ Президента Российской Федерации от 23 ноября 2020 года № 733 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 48. – Ст. 7710.

⁴ Там же.

⁵ ГОСТ Р 54990-2018 «Реабилитационные социальные услуги лицам, имеющим опыт злоупотребления наркотическими средствами, психотропными веществами и алкоголем» // URL: <https://base.garant.ru/72067274/> (дата обращения: 26.07.2022).

реабилитационных социальных мероприятий в отношении лиц, получивших наркологическую помощь, в рамках отечественного правового поля заговорили в 2011 году, когда по итогам заседания президиума Государственного совета Российской Федерации от 18 апреля 2011 года «О мерах по усилению противодействия потреблению наркотиков среди молодежи» Президент Российской Федерации дал поручение Правительству Российской Федерации совместно с органами власти субъектов Российской Федерации организовать с привлечением негосударственных реабилитационных центров национальную систему медико-социальной реабилитации и ресоциализации лиц, в том числе несовершеннолетних, прошедших курс лечения от наркотической зависимости [7].

Существенным и важным элементом социальной реабилитации наркозависимых граждан является участие в ней религиозных объединений. Для выработки согласованных действий в области социальной реабилитации наркозависимых в декабре 2010 года было подписано Соглашение о взаимодействии между Государственным антинаркотическим комитетом и Русской Православной Церковью. В июне 2011 года в Марфо-Мариинской обители состоялся первый Всероссийский съезд руководителей реабилитационных центров под названием «Создание национальной системы реабилитации и ресоциализации наркозависимых» [8, с. 9].

Существенным шагом к созданию необходимых правовых основ, регулирующих комплексную систему реабилитации и ресоциализации наркопотребителей, стала разработка в 2013 году государственной межведомственной программы «Комплексная реабилитация и ресоциализация потребителей наркотических средств и психотропных веществ»⁶, которая представила собой документ стратегического планирования, подготовленный во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 21 ноября 2012 года № Пр-3132⁷.

Государственная межведомственная программа развивала, уточняла и конкретизировала Стратегию государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от

9 июня 2010 года № 690⁸. Реализация программы предусматривала 3 последовательных этапа (2013-2014 гг.; 2015-2017 гг.; 2018-2020 гг.), на каждом из которых определялись вполне конкретные задачи. При этом ключевой целью программы должно было стать существенное сокращение спроса на наркотические средства и психотропные вещества путем создания Национальной системы комплексной реабилитации и ресоциализации потребителей наркотических средств и психотропных веществ.

В последующем в качестве реализации задач первого этапа программы началась трансформация федерального законодательства путем создания необходимых правовых основ социальной реабилитации и ресоциализации лиц, больных наркоманией.

Федеральный закон № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации», принятый 28 декабря 2013 года, прямо не предусмотрел наличие у лица наркотической зависимости в качестве обстоятельства, позволяющего признать гражданина нуждающимся в социальном обслуживании, хотя при обсуждении законопроекта в пользу этого высказались главы 45 субъектов Российской Федерации. Но в то же время положительным аспектом, закрепленным в законе, является возможность отнесения потребителей наркотиков к категориям получателей социальных услуг правовыми актами субъектов Российской Федерации (п. 8 ст. 15 Закона о социальном обслуживании)⁹.

Федеральным законом от 25 ноября 2013 года № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹⁰ были внесены существенные изменения в Федеральный закон от 8 января 1998 года № 3-ФЗ «О наркотических

⁸ Указ Президента Российской Федерации от 9 июня 2010 года № 690 «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 24. – Ст. 3015.

⁹ Федеральный закон от 28 декабря 2013 года № 442-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 52 (часть 1). – Ст. 7007.

¹⁰ Федеральный закон от 25 ноября 2013 года № 317-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 48. – Ст. 6165.

⁶ Проект Государственной межведомственной программы «Комплексная реабилитация и ресоциализация потребителей наркотических средств и психотропных веществ» // URL: http://social-orthodox.info/materials/5_11_gosudarstvennaya_mezhved_prog.pdf (дата обращения: 26.07.2022).

⁷ Поручение Президента Российской Федерации от 21 ноября 2012 года № Пр-3132 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/items/closed> (дата обращения: 26.07.2022).

средствах и психотропных веществах»¹¹, на основании которых:

- раскрыто содержание наркологической помощи, включающей в себя профилактику, диагностику, лечение и медицинскую реабилитацию больных наркоманией;
- социальная реабилитация определяется как следующий этап за оказанием наркологической помощи больным наркоманией;
- расширился круг субъектов оказания наркологической помощи путем признания правосубъектности, в части оказания социальных услуг по реабилитации, медицинских организаций, не являющихся учреждениями здравоохранения;
- на нормативно-правовом уровне произведена дифференциация форм оказания медицинскими организациями наркологической помощи в стационарных и амбулаторных условиях и т.д.

Произведенная на законодательном уровне стратификация субъектов комплексной системы реабилитации и ресоциализации наркопотребителей наделила широкими полномочиями региональные звенья, а вместе с тем расширила пределы ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации в части формирования системы частно-государственного партнерства в сфере борьбы с наркотизацией населения. В этой связи в период с 2013 по 2016 гг. была сформирована модель координации реабилитационной деятельности, которая предполагала организацию работы по комплексной реабилитации и ресоциализации наркопотребителей специально созданными в территориальных органах ФСКН подразделениями.

Согласно Решению Совета по проблемам профилактики наркомании при Совете Федерации по итогам заседания на тему «Создание и развитие реабилитационных центров для наркозависимых лиц в системе комплексной реабилитации и ресоциализации. Проблемы и перспективы», состоявшегося 16 декабря 2016 года, по состоянию на конец 2016 года в стране функционировало 4 государственных реабилитационных центра и около 500 негосударственных реабилитационных центров, которые возвращали в социум от 30 до 80% обратившихся к ним за помощью [9].

Кроме того, в данный период, ввиду децентрализации и расслоения субъектов Национальной системы реабилитации и ресоциализации наркозависимых (на общенациональные и региональные; на государственные и негосударственные некоммерческие реабилитационные центры), остро встал вопрос о стандартизации социальных услуг по ре-

абилитации и ресоциализации лиц, страдающих наркотической зависимостью. В связи с данным запросом Ханты-Мансийский автономный округ – Югра выступил в качестве экспериментальной площадки по разработке и апробации региональной системы стандартизации социальной реабилитации и ресоциализации наркозависимых.

В российском законодательстве подходы к стандартизации и сертификации качества услуг определяются Федеральным законом от 27 декабря 2002 года № ФЗ-184 «О техническом регулировании»¹², на основании которого были приняты несколько государственных стандартов по социальному обслуживанию в части оказания услуг по социальной реабилитации и ресоциализации лиц, страдающих наркотической зависимостью.

На сегодняшний день в части ресоциализации наркозависимых лиц ведущую роль играют социальные службы и некоммерческие организации, оказывающие услуги по социальному обслуживанию лиц, нуждающихся в комплексной реабилитации и ресоциализации вследствие немедицинского потребления наркотиков. И, несмотря на то, что государством были предприняты серьезные шаги на пути создания Национальной системы комплексной реабилитации и ресоциализации наркопотребителей, в сущности, системного характера в реализации программ реабилитации и ресоциализации наркозависимых лиц, стратегических документов добиться не удалось ввиду того, что опыт отдельных регионов в организации системы реабилитации и ресоциализации наркопотребителей на уровне субъекта Российской Федерации получился слишком неравнозначным.

Проблемы, с которыми столкнулись региональные власти, с одной стороны, в части реализации предоставленных им полномочий по формированию регионального звена Национальной системы реабилитации и ресоциализации наркозависимых, с другой стороны, обеспечения необходимого уровня качества предоставляемых поставщиками социальных услуг в части комплексной реабилитации и ресоциализации наркозависимых лиц, нашли свое отражение, в частности, в проекте законодательной инициативы № 7-1122 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам комплексной реабилитации и ресоциализации лиц, допускающих незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ, и больных наркоманией», подготовленной Самарской Губернской Думой, исходя из многолетнего опыта организации на уровне субъекта Российской Федерации эффективной и функ-

¹¹ Федеральный закон от 8 января 1998 года № 3-ФЗ (ред. от 08.12.2020) «О наркотических средствах и психотропных веществах» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 2. – Ст. 219.

¹² Федеральный закон от 27 декабря 2002 года № 184-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О техническом регулировании» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5140.

ционирующей системы реабилитации и ресоциализации наркопотребителей¹³. Следует отметить, что одноименный законопроект был инициирован в 2015 году ФСКН России, который так и не был внесен для рассмотрения в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации.

В результате рассмотрения законопроекта Комиссия Совета законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации по вопросам социальной политики решила не вносить на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации указанный законопроект ввиду того, что он нуждается в доработке, несмотря на то, что Председатели Новгородской областной Думы, Парламента Кабардино-Балкарской Республики и Законодательного Собрания Камчатского края поддержали проект без замечаний.

В качестве обоснования решения Комиссии сообщалось, что Министерством здравоохранения Российской Федерации в рамках исполнения перечня поручения Президента Российской Федерации от 22 декабря 2018 года № Пр-2452 по вопросам противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ и их незаконному потреблению уже подготовлен проект поправок Правительства Российской Федерации к

проекту Федерального закона № 672181-7 «О внесении изменений в статьи 1 и 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах»¹⁴, который до сих пор не принят, т.к. находится на этапе рассмотрения законопроекта во втором чтении.

В этой связи, говоря о ресоциализации наркопотребителей в контексте ее правового регулирования в современной России, необходимо отметить, что имеется потребность в создании достаточных правовых оснований для реализации мер по комплексной реабилитации и ресоциализации наркозависимых лиц, а именно: в уточнении отдельных дефиниций, используемых законодателем в сфере реализации антинаркотической политики; в конкретизации нормативных положений, определяющих структуру системы комплексной реабилитации и ресоциализации потребителей наркотических средств и больных наркоманией; в четком разделении предметов ведения и функциональных полномочий между федеральными и региональными субъектами комплексной реабилитации и ресоциализации наркопотребителей; в обеспечении за счет достаточного правового регулирования рассматриваемой сферы необходимых социально-экономических условий, стимулирующих инициативное прохождение наркозависимыми лицами процедуру ресоциализации после медикаментозного лечения и прохождения реабилитационных программ, и т.д.

¹³ Проект законодательной инициативы № 7-1122 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам комплексной реабилитации и ресоциализации лиц, допускающих незаконное потребление наркотических средств или психотропных веществ, и больных наркоманией» (зарегистрирован 5 декабря 2019 года в Совете законодателей Российской Федерации) // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/7-1122#bh_hron (дата обращения: 26.07.2022).

¹⁴ Проект федерального закона № 672181-7 «О внесении изменений в статьи 1 и 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных веществах» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/672181-7> (дата обращения: 26.07.2022).

Литература

1. **Дизер О.А.** Административно-правовая защита общественной нравственности: дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.14 – Омск, 2019. С. 134.
2. Правовое регулирование деятельности правоохранительных органов в сфере противодействия незаконному обороту наркотических средств и психотропных веществ: учеб. пособие / под общ. ред. В.В. Важенина. 2-е изд., перераб. и доп. – Краснодар, 2015. С. 23.
3. Методические рекомендации по организации региональной системы социальной реабилитации и ресоциализации лиц, страдающих алкоголизмом, наркоманией и иными формами зависимости. – URL: http://www.yamolod.ru/sites/default/files/metod_rekomendacii_101-12-04_982_26-07-2012.pdf. (Дата обращения: 26.07.2022).
4. **Староверов С.С.** Проблемы наркопреступности в Российской Федерации // Законность и правопорядок. – 2020. – № 3 (27). – С. 4–7.
5. **Тепляшин П.В.** Состояние наркопреступности в Российской Федерации: основные криминологические показатели и тенденции // Lex russica (Русский закон). – 2017. – № 10 (131). – С. 147–157.
6. **Ефлова М.Ю.** Инклюзия наркопотребителей: опыт российских общественных организаций // Власть. – 2015. – № 1. – С. 105–108.
7. Заседание президиума Госсовета, посвященное борьбе с распространением наркотиков среди молодежи Дмитрий Медведев провел заседание президиума Государственного совета «О мерах по усилению противодействия потреблению наркотиков среди молодежи». – URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/10986> (дата доступа: 26.07.2022).
8. Правовая наркология. Концепция реформы системы наркологической помощи. – Москва: РБФ НАН, 2011. – 56 с.
9. Решение Совета по проблемам профилактики наркомании при Совете Федерации по итогам заседания на тему «Создание и развитие реабилитационных центров для наркозависимых лиц в системе комплексной реабилитации и ресоциализации. Проблемы и перспективы». – Москва. – 16 декабря 2016 года.
10. **Дизер О.А., Водяная М.Ю.** Перспективы применения принудительного лечения от алкоголизма // Вестник Воронежского института МВД России. – 2016. – № 1. – С. 158–165.

References

1. **Dizer O.A.** Administrativno-pravovaya zashchita obshchestvennoj nravstvennosti: dis. ... d-ra. yurid. nauk: 12.00.14 – Omsk, 2019. S. 134.
2. Pravovoe regulirovanie deyatel'nosti pravoohranitel'nyh organov v sfere protivodejstviya nezakonnemu obrotu narkoticheskikh sredstv i psihotropnyh veshchestv: ucheb. posobie / pod obshch. red. V.V. Vazhenina. 2-e izd., pererab. i dop. – Krasnodar, 2015. S. 23.
3. Metodicheskie rekomendacii po organizacii regional'noj sistemy social'noj rehabilitacii i resocializacii lic, stradayushchih alkogolizmom, narkomaniej i inymi formami zavisimosti. – URL: http://www.yamolod.ru/sites/default/files/metod_rekomendacii_101-12-04_982_26-07-2012.pdf. (Data obrashcheniya: 26.07.2022).
4. **Staroverov S.S.** Problemy narkoprestupnosti v Rossijskoj Federacii // Zakonnost' i pravoporyadok. – 2020. – № 3 (27). – S. 4–7.
5. **Tepliyashin P.V.** Sostoyanie narkoprestupnosti v Rossijskoj Federacii: osnovnye kriminologicheskie pokazateli i tendencii // Lex russica (Russkij zakon). – 2017. – № 10 (131). – S. 147-157.
6. **Eflova M.Yu.** Inklyuziya narkopotrebitelej: opyt rossijskikh obshchestvennyh organizacij // Vlast'. – 2015. – № 1. – S. 105–108.
7. Zasedanie prezidiuma Gossoвета, posvyashchennoe bor'be s rasprostraneniem narkotikov sredi molodezhi Dmitrij Medvedev provel zasedanie prezidiuma Gosudarstvennogo soveta «O merah po usileniyu protivodejstviya potrebleniyu narkotikov sredi molodezhi». – URL: <http://www.kremlin.ru/events/state-council/10986> (data dostupa: 26.07.2022).
8. Pravovaya narkologiya. koncepciya reformy sistemy narkologicheskoy pomoshchi. – Moskva: RBF NAN, 2011. – 56 s.
9. Reshenie Soveta po problemam profilaktiki narkomanii pri Sovete Federacii po itogam zasedaniya na temu «Sozdanie i razvitie reabilitacionnyh centrov dlya narkozavisimyh lic v sisteme kompleksnoj rehabilitacii i resocializacii. Problemy i perspektivy». – Moskva. – 16 dekabrya 2016 goda.
10. **Dizer O.A., Vodyanaya M.Yu.** Perspektivy primeneniya prinuditel'nogo lecheniya ot alkogolizma // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2016. – № 1. – S. 158–165.

(статья сдана в редакцию 24.01.2023)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДВОЙНОГО ГРАЖДАНСТВА В
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**
**ACTUAL PROBLEMS OF DUAL CITIZENSHIP IN THE RUSSIAN
FEDERATION**

УДК 342.95

В.Н. САМСОНОВ,

доктор юридических наук, профессор
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
ekatersamson@yandex.ru

VALERY N. SAMSONOV,

Doctor of Law, Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Н.В. МУЛЕНКО

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
nadezhda.mulenko@yandex.ru

NADEZHDA V. MULENKO

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: на современном этапе в отечественном праве получил признание институт двойного гражданства, однако ни в одном нормативном правовом акте не получило закрепления понятие двойного гражданства, что приводит к дискуссионности его трактовки. Сам институт двойного гражданства для граждан несет как положительные аспекты, так и влечет ряд ограничений. Есть множество преимуществ и недостатков двойного гражданства. В настоящее время вопросы двойного гражданства регулируются Конституцией Российской Федерации и законом «О гражданстве Российской Федерации». Если Российская Федерация признает двойное гражданство и наделяет граждан России и иностранных граждан таким правом, то для решения этих проблем Российская Федерация обязана обеспечить урегулированное законодательством для исполнения гражданами данного права. Ведь на данном этапе представляется, что Российская Федерация хоть и закрепила в законе принцип двойного гражданства, на практике этот принцип противоречит нормам, касающимся приобретения российского гражданства иностранцами, которые обязаны предоставить заявление о выходе из прежнего гражданства, а также нормам о гражданах Российской Федерации, которые при наличии иностранного гражданства признаются Россией исключительно как граждане Российской Федерации.

Ключевые слова: гражданство, двойное гражданство, второе гражданство, иное гражданство, правовой статус, граждане Российской Федерации, иностранные граждане.

Для цитирования: Самсонов В.Н., Муленко Н.В. Актуальные проблемы двойного гражданства в Российской Федерации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 11–16.

Abstract: at the present stage, the institution of dual citizenship has been recognized in domestic law, however, the concept of dual citizenship has not been consolidated in any normative legal act, which leads to the discussion of its interpretation. The very institution of dual citizenship for citizens carries both positive aspects and entails a number of restrictions. There are many advantages and disadvantages of dual citizenship. Currently, issues of dual citizenship are regulated by the Constitution of the Russian Federation and the Federal Law «On Citizenship of the Russian Federation». If the Russian Federation recognizes dual citizenship and grants Russian citizens and foreign citizens such a right, then in order to solve these problems, the Russian Federation is obliged to provide regulated legislation for citizens to exercise this right. After all, at this stage it seems that although the Russian Federation has enshrined the principle of dual citizenship in law, in practice this principle contradicts the norms concerning the acquisition of Russian citizenship by foreigners who are required to submit an application for renunciation of their former citizenship, as well as the norms on citizens of the Russian Federation who, if they have foreign citizenship, are recognized by Russia exclusively as citizens of the Russian Federation.

Keywords: citizenship, dual citizenship, second citizenship, other citizenship, legal status, citizens of the Russian Federation, foreign citizens.

For citation: Samsonov V.N., Mulenko N.V. Actual problems of dual citizenship in the Russian Federation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 11–16.

Гражданство является одним из главных элементов правового статуса лица, а также это устойчивая связь лица с государством, которая выражается во взаимных правах, обязанностях и ответственности. Для гражданина, находящегося за рубежом, также сохраняются права и обязанности, состоящие из гражданства распространяются на всех лиц как на территории государства, так и за ее пределами. Помимо суверенной государственной власти, именно на государство возлагается обязанность защищать и помогать своим гражданам [1, с. 136].

Рассматривая законодательное определение гражданства, стоит указать, что согласно Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» гражданство является устойчивой правовой связью лица с Российской Федерацией (далее – РФ), которая выражается в совокупности их взаимных прав и обязанностей.

Основными чертами правового статуса граждан являются их политические полномочия, то есть право избирать и быть избранными в государственные и муниципальные органы власти.

Также, как правило, только гражданин может находиться на государственной службе и работать в правоохранительных органах страны, гражданином которой он является.

В противном случае правовой статус гражданина РФ ничем не отличается от статуса иностранца или лица без гражданства. Это может зависеть только от специфики законодательства конкретной страны [2, с. 25].

Права и обязанности лиц с двойным гражданством определяются на основании международных договоров. Получение двойного гражданства гражданином РФ возможно лишь при наличии определенных условий:

- наличия со страной, гражданство которой намеревается приобрести данный гражданин, договора о двойном гражданстве;
- обращения гражданина с ходатайством в полномочные органы РФ о предоставлении ему двойного гражданства;
- разрешения указанных органов о предоставлении данному гражданину права приобрести двойное гражданство.

В этом случае недостатки наличия второго паспорта исключаются: лицо не подлежит двойному налогообложению, может самостоятельно выбрать страну для прохождения военной службы и т. д. [3, с. 63].

Гражданин имеет наибольшее количество прав, в то время как иностранные граждане и лица без гражданства, расположенные на территории РФ, имеют гораздо меньший набор прав. Одним из прав, которые принадлежат только гражданам этого государства, является право участвовать в политической жизни страны, определять ее правовую структуру.

Если подробно рассмотреть ст. 62 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и ст. 6 ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», можно обнаружить нечто общее, что логично, так как Конституция представляет из себя Основной закон страны, и иные законы и правовые акты не должны ей противоречить [4, с. 114]. Часть первая ст. 62 данного закона гласит, что для граждан РФ допускается иметь гражданство иностранного государства, в соответствии с международным договором РФ и её федеральным законом, что поднимает вопрос о высокой мере политкорректности отечественного законодательства [5, с. 31]. Часть вторая сообщает нам о том, что наличие у гражданина РФ иностранного гражданства ни в коем случае не умаляет его прав и свобод и уж тем более не освобождает его от обязанностей, которые вытекают из российского гражданства, но оговорено, что вышеизложенное следует только в том случае, если иное не предусмотрено международным договором РФ или федеральным законом государства. Последняя (на данный момент времени) часть в ст. 62 Основного закона РФ отображает ситуацию, актуальную до сих пор, а именно вопрос о людях, не имеющих российского гражданства, но в то же время проживающих на территории России. Эта часть гласит, что иностранные граждане и лица без гражданства, проживающие в РФ, несут свои обязанности и пользуются правами наравне с теми людьми, которые обладают гражданством РФ. Также оговорено, что вышеизложенное лишь тогда верно, если иное не установлено международным договором РФ или федеральным законом. Важно заметить, что в каждой части ст. 62 Конституции РФ мы имеем дело с тем, что написанное верно только в том случае, если не противоречит международному договору и федеральному закону [6, с. 282].

Следует сказать, что статья данного Федерального закона по своему объёму кратно превосходит объём статьи, предложенной в Конституции. Например, часть 1 гласит о том, что гражданин РФ, который помимо гражданства России имеет гражданство другой страны, рассматривается РФ исключительно как гражданин РФ, за исключением

случаев, предусмотренных международным договором РФ или федеральным законом. Это говорит о том, что наличие у гражданина РФ, проживающего в России, гражданства иной страны, не освобождает его от соблюдения законов РФ. Также здесь необходимо отметить и то, что совершенное им правонарушение повлечет ответственность, предусмотренную нормативно-правовыми актами РФ. Отмечать данный аспект необходимо, ведь эта часть в статье Федерального закона устанавливает равенство человека, имеющего одно гражданство, и бипатрида.

Во второй части Федерального закона также есть ответ на данный «общественный вопрос». Такая формулировка уместна в связи с тем, что проблема двойного гражданства действительно является актуальной. Часто люди задаются вопросом о том, изменит ли получение гражданства другого государства их статус как гражданина РФ, т.е. смогут ли они иметь гражданство другого государства, не отказываясь при этом от гражданства России. Этот аспект отражен во второй части Федерального закона, которая устанавливает то, что приобретение гражданином РФ гражданства другой страны не влечёт за собой прекращение гражданства РФ [7, с. 114].

Следует выделить регламентацию части восьмой ст. 6 Федерального закона, заключающуюся в том, что перечисляется функционал федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел, касающийся вопроса двойного гражданства. Конкретизируя, необходимо выделить, что данному органу дано право устанавливать порядок подачи уведомлений, речь о которых идёт выше, а также формы этих уведомлений.

Как было обозначено выше, если вопрос о двойном гражданстве расписан так подробно, значит он имел под собой и, возможно, имеет, ряд нерешённых вопросов. Так как если бы всё было понятно по этому вопросу, на нём бы не акцентировали внимание, а поправки в Конституцию 2020 года непосредственно затрагивают вопрос о двойном гражданстве. Это подтверждает актуальность темы нашей статьи. Теперь нам предстоит разобраться с поправками.

В начале мы остановимся на ст. 71 Конституции РФ, изменения в которой были одобрены в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г. В ней указывается то, что в ведении РФ находится установление ограничений, которые связаны с наличием гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства. В ст. 77 Конституции РФ в части третьей мы можем наблюдать, что существуют ограничения для высшего должностного лица субъекта РФ. Нас

интересует вопрос двойного гражданства. Сказано, что гражданин должен постоянно проживать на территории России, и ему не разрешается иметь гражданство иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина РФ на территории иностранного государства.

Факт совершенствования и дополнения законодательства в области регулирования вопросов института двойного гражданства свидетельствует о том, что данная проблема действительно актуальна. Отмечаем (учитывая изменения в Конституции в 2020 году), что отдельным субъектом данной проблемы является государственный служащий. Для него предусмотрены ограничения в области приобретения двойного гражданства. На наш взгляд, данные ограничения обусловлены тем, что приоритетом государственного служащего является именно его страна, а основной целью – охранять безопасность своего государства. Он должен думать, в первую очередь, о своём государстве, а не о других странах, и не о том, как бы получить гражданство в государстве с более благоприятным климатом, именно тогда процесс развития нашей страны пойдёт более быстрыми темпами [8, с. 112]. Ограничения при наличии двойного гражданства касаются не только замещения поста государственного служащего, но также и некоторых иных аспектов:

- быть избранным в органы власти всех уровней;
- ограничения по государственной службе (не могут быть, например, членами Счетной палаты, судьями, прокурорами);
- не вправе выступать учредителями телеканалов, радиоканалов, теле-, радио-, видео-программ, не вправе учреждать организации (юридические лица), осуществляющие вещание, зона уверенного приема передач, которых охватывает половину и далее половины субъектов Российской Федерации либо территорию, на которой проживает половина и более половины численности населения Российской Федерации;
- не могут осуществлять частную охранную и детективную деятельность (только на основании международного договора).

Учитывая синтез гражданства и двойного гражданства при их рассмотрении в качестве элемента конституционного строя, а также принимая во внимание то, что гражданство позволяет лицу стать полноправным участником конституционно-правовых отношений, на данном этапе исследования рационально обратиться к проблематике конституционного строя.

Наличие конституционного строя создает гарантии обеспечения прав и свобод личности, закрепляемые на уровне Основного закона. В главе 1 «Основы конституционного строя»

Конституции РФ вопросам гражданства посвящена статья 6. В указанной статье отсутствуют какие-либо ограничения прав и свобод лиц в связи с наличием двойного (множественного) гражданства. Поэтому в систему, составляющую основы конституционного строя, входят единые принципы регулирования вопросов гражданства и двойного (множественного) гражданства.

Таким образом, можем отметить, что в связи с упразднением условия о необходимости оформления выхода из гражданства иностранного государства при натурализации в настоящее время политика России в сфере регулирования вопросов гражданства придерживается либерального направления несмотря на то, что согласно положениям части 1 статьи 6 действующего Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации»: «гражданин Российской Федерации, имеющий также иное гражданство, рассматривается Российской Федерацией только как гражданин Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных международным договором Российской Федерации или федеральным законом». О возможности иметь более одного гражданства также свидетельствуют гарантии, закрепленные в статье 62 Конституции Российской Федерации.

Несмотря на то, что институт двойного гражданства получил признание в отечественном праве, его понятие не получило закрепления в нормативно-правовых актах, что создает поле для дискуссий правоведов в сфере трактовки понятия и содержания двойного гражданства [9, с. 961].

На современном этапе в России заключен только один международный договор, регулирующий вопросы двойного гражданства – с Таджикистаном. В свое время Туркменистан в одностороннем порядке отказался от продления международного договора, заключенного между Россией и Туркменистаном в 1993 году¹.

Уход от института двойного гражданства во многом обусловлен тем, что он воспринимается как угроза государственному суверенитету [10, с. 18].

Однако в России проживает большое количество лиц, для которых важен правовой статус двойного гражданства. К их числу можно отнести:

- граждан бывших советских республик;
- граждан РФ в силу их семейного положения, работы;
- потомков иммигрантов;
- представителей межнациональных семей [11, с. 43].

¹ Договор между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан об урегулировании вопросов двойного гражданства: [ратифицирован Федеральным законом РФ от 15 декабря 1996 года № 152-ФЗ] // СПС «КонсультантПлюс».

Чреда экономических кризисов привела к тому, что жители отдельных государств вынуждены искать работу в России, во многих случаях эти заработки носят постоянный характер, многие из иностранных граждан находят постоянную работу, однако их семьи находятся в другом государстве.

Рассматривая институт двойного гражданства, необходимо отметить ряд проблем и ограничений, которое оно несет. Как уже указывалось выше, получение двойного гражданства влечет не только получение двойных прав, но и обязанностей, на практике это может означать, что лицо, подлежащее призыву в вооруженные силы, должно выполнить эту обязанность и в одном, и в другом государстве.

Нельзя не отметить и тот факт, что гражданин, имеющий двойное гражданство, несет двойные налоговые обязанности.

В России лица, имеющие двойное гражданство, не имеют права занимать должности на гражданской службе, быть избранными на службу на выборные должности государственной власти [12, с. 88]. Граждане России, получившие второе гражданство, обязаны уведомить об этом миграционную службу. Несоблюдение о получении двойного гражданства по истечении 60 дней с момента его получения влечет наступление административной, а в отдельных случаях и уголовной ответственности.

В качестве одного из перспективных направлений развития института двойного гражданства в России сегодня рассматривается возможность введения двойного или единого гражданства в рамках Евразийского экономического союза. Перспективным представляется заключение такого договора с Белоруссией, так как фундамент таких взаимоотношений был заложен созданием Союзного государства [13, с. 209].

Если обратимся к статье 6 Федерального Закона «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62-ФЗ, то в ней содержится положение, касающееся возможности наличия у лица двойного гражданства. Термины «двойное гражданство» и «второе гражданство» не тождественны друг другу. В юридической науке выделяют несколько подходов к определению понятия «второе гражданство». Второе гражданство – это когда лицо наделяется гражданством нескольких государств при отсутствии между государствами заключенного договора. Из этого определения вытекает необходимость закрепления понятия отдельного самостоятельного правового статуса в ФЗ «О гражданстве РФ». Необходимо разграничить правовые режимы между двумя понятиями, определить права и обязанности лиц – обладателей двойного гражданства или второго.

Следующим спорным моментом является частое употребление в Федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации» понятия

«иное гражданство», под которым в соответствии со статьей 3 данного закона понимается гражданство иного государства [14, с. 36].

В законе отсутствуют какие-либо положения, определяющие статус гражданина с иным гражданством, не закреплены его права и обязанности. Это порождает неопределенность в правовом статусе лица, обладающего иным гражданством. При двойном гражданстве международный договор между странами четко прописывает детали особого правового режима. Например, страны четко прописывают, куда уплачиваются налоги, где человек отбывает воинскую повинность и другие. Если речь идет о втором гражданстве, то каждое государство исходит из того, что лицо является именно гражданином этого государства [15, с. 62].

Вышеуказанные положения отражают пробелы законодательства в регулировании института двойного гражданства, ввиду этого видится необходимым:

1. Определить и закрепить в Федеральном законе «О гражданстве Российской Федерации» понятия «двойное гражданство», «второе гражданство» и «иное гражданство». Как пример, дать следующие виды определений понятиям: под двойным гражданством понимается наличие у гражданина РФ гражданства иностранного государства, с которым заключен международный договор; второе гражданство – наличие у гражданина РФ гражданства иностранного государства, с которым у РФ не заключен международный договор о двойном гражданстве.

2. Разграничить правовой статус лиц – граждан РФ, имеющих двойное или второе гражданство.

3. Привести в соответствие статьи, регулирующие двойное гражданство, исключить все неопределенности в правовом регулировании института двойного гражданства, вынести в отдельную статью регулирование статуса лиц, обладающих вторым гражданством.

Что касается лиц, обладающих двойным гражданством, то их правовое положение осложнено

наличием правовой связи не только с государством РФ, но и иностранным государством, что в свою очередь порождает двойные обязанности. Если обратимся к работам ученых, то из их положений можно сделать вывод, что в РФ наиболее актуальной проблемой института двойного гражданства является сложное правовое положение лица, обладающего гражданством двух или более государств, так как у гражданина возникают как двойные права, так и двойные обязанности [17, с. 17]. Лица, обладающие двойным гражданством, находятся в более сложном правовом статусе, так как при использовании законодательства по ряду вопросов могут образовываться пробелы в регулировании имеющихся прав гражданина и в исполнении обязанностей, стоящих перед лицом, как гражданина России, так и по отношению к иностранному государству.

Становление и развитие института двойного гражданства в российском праве представляет собой важный этап в развитии института прав и свобод гражданина и является большим достижением современной демократии. Несмотря на нормативно-правовое регулирование института двойного гражданства Федеральным законом Российской Федерации «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 № 62–ФЗ в правовой системе остается ряд нерешенных вопросов и ряд неурегулированных положений.

Таким образом, можно отметить, что на современном этапе в отечественном праве получил признание институт двойного гражданства, однако ни в одном нормативном правовом акте не получило закрепления понятие двойного гражданства, что приводит к дискуссионности его трактовки. Сам институт двойного гражданства для граждан несет как положительные аспекты, так и влечет ряд ограничений. Так, получение двойного гражданства приводит не только к расширению спектра прав, но и обязанностей, и их исполнение в одном государстве не освобождает от исполнения в другом.

Литература

1. **Антоненко Т.А., Миляевская Ю.В., Смоленский М.Б.** Конституционное право России в схемах и таблицах. – Москва: Феникс, 2018. – 240 с.
2. **Лосьяков А.В.** Конституционно-правовые проблемы отмены решения о приеме в гражданство Российской Федерации // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. – 2021. – № 1 (60). – С. 24–27.
3. **Гришина В.К.** Приобретение и прекращение гражданства Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2020. – № 6–3 (45). – С. 62–65.
4. **Солодова П.А., Балашова Е.С.** История и актуальные проблемы конституционного права Российской Федерации / Vita metoiaae: Теория и практики исторических исследований. – Нижний Новгород, 2019. С. 113–115.
5. **Балашова Е.С., Мальцева С.М., Бурков А.Д.** Политкорректность в современном мире: социокультурный аспект // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – Т. 1. – № 7 (33). – С. 29–33.
6. **Кузнецов А.А., Бережная Е.О.** О некоторых проблемах двойного гражданства в Российской Федерации // Евразийское Научное Объединение. – 2021. – № 5–4 (75). – С. 281–283.
7. **Бабкова А.Ю.** Краткий обзор решения проблем двойного гражданства в законодательстве Российской Федерации // NovalInfo.Ru. – 2020. – № 120. – С. 113–115.

8. **Гнетова Л.В., Сундеева М.О.** Приоритет прав человека как принцип конституционного строя России / Юридическая наука и практика на рубеже эпох: уроки прошлого, взгляд в будущее (к 135-летию со дня рождения профессора Юрия Петровича Новицкого): Всероссийская научно-практическая конференция. – Кострома, 2018. С. 109–114.
9. **Костина К.А.** Правовая природа института двойного гражданства в российской федерации // Аллея науки. – 2018. – Т. 5. – № 5 (21). – С. 959–962.
10. **Овчаров С.А.** Проблема реализации гражданами РФ права на двойное гражданство / Роль государства в обеспечении прав и свобод человека: эволюция и перспективы развития: материалы регионального научно-практического круглого стола 14 декабря 2017 г. – Симферополь, 2017. С. 17–19.
11. **Каменева А.Н., Письменов В.Н., Савилов Р.А.** Особенности и проблемы реализации правового статуса беженцев на территории Российской Федерации / Восьмая Всероссийская научно-практическая конференция: сборник научных статей. – Курск, 2019. С. 41–45.
12. **Письменов В.Н., Письменов Ю.В.** К вопросу о выборах и избирательной системе в Российской Федерации / Актуальные проблемы конституционного, муниципального и международного права: сборник научных статей Регионального научного круглого стола. – Курск, 2020. С. 86–90.
13. **Сафонова К.Р.** Проблемы двойного гражданства в РФ // Государство и право: проблемы и перспективы совершенствования. – 2020. – С. 208–211.
14. **Багдасарян С.Д.** Институт двойного гражданства в российском законодательстве: проблемы и перспективы // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2019. – № 1. – С. 34–38.
15. **Паулов П.А.** Проблемы правового регулирования двойного гражданства в Российской Федерации // Дневник науки. – 2020. – № 12 (48). – С. 62.
16. **Офицерова М.И.** Пути усовершенствования законодательства о двойном гражданстве Российской Федерации // Юридическая наука. – 2019. – № 6. – С. 15–20.

References

1. **Antonenko T.A., Miljavskaja Yu. V., Smolenskij M.B.** Konstitucionnoe pravo Rossii v shemah i tablicah. – Moskva: Feniks. 2018. – 240 s.
2. **Losjakov A.V.** Konstitucionno-pravovye problemy otmeny reshenija o prieme v grazhdanstvo Rossijskoj Federacii // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. – 2021. – № 1 (60). – С. 24–27.
3. **Grishina V.K.** Priobretenie i prekrashhenie grazhdanstva Rossijskoj Federacii // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2020. – № 6–3 (45). – С. 62–65.
4. **Solodova P.A., Balashova E.S.** Istorija i aktual'nye problemy konstitucionnogo prava Rossijskoj Federacii // Vita memoriae: Teorija i praktiki istoricheskikh issledovanij. – Nizhny Novgorod, 2019. S. 113–115.
5. **Balashova E.S., Mal'ceva S.M., Burkov A.D.** Politkorrektnost' v sovremennom mire: sociokul'turnyj aspekt // Innovacionnaja jekonomika: perspektivy razvitiija i sovershenstvovanija. – 2018. – Т. 1. – № 7 (33). – С. 29–33.
6. **Kuznecov A.A., Berezhnaja E.O.** O nekotoryh problemah dvojnogo grazhdanstva v Rossijskoj Federacii // Evrazijskoe Nauchnoe Ob#edinenie. – 2021. – № 5–4 (75). – С. 281–283.
7. **Babkova A.Yu.** Kratkij obzor reshenija problem dvojnogo grazhdanstva v zakonodatel'stve Rossijskoj Federacii // NovalInfo.Ru. 2020. № 120. S. 113–115.
8. **Gnetova L.V., Sundeeva M.O.** Prioritet prav cheloveka kak princip konstitucionnogo stroja Rossii / Juridicheskaja nauka i praktika na rubezhe jepoh: uroki proshlogo, vzglyad v budushhee (k 135-letiju so dnja rozhdenija professora Jurija Petrovicha Novickogo): Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija. – Kostroma, 2018. S. 109–114.
9. **Kostina K.A.** Pravovaja priroda instituta dvojnogo grazhdanstva v rossijskoj federacii // Alleja nauki. – 2018. – Т. 5. – № 5 (21). – С. 959–962.
10. **Ovcharov S.A.** Problema realizacii grazhdanami Rossijskoj Federacii prava na dvojnoe grazhdanstvo / Rol' gosudarstva v obespechenii prav i svobod cheloveka: jevoljucija i perspektivy razvitiija: materialy regional'nogo nauchno-prakticheskogo kruglogo stola 14 dekabrja 2017 g. – Simferopol', 2017. S. 17–19.
11. **Kameneva A.N., Pis'menov V.N., Savilov R.A.** Osobennosti i problemy realizacii pravovogo statusa bezhencev na territorii Rossijskoj Federacii / Vos'maja Vserossijskaja nauchno-prakticheskaja konferencija: sbornik nauchnyh statej. – Kursk, 2019. S. 41–45.
12. **Pis'menov V.N., Pis'menov Yu.V.** K voprosu o vyborah i izbiratel'noj sisteme v Rossijskoj Federacii // Sbornik: Aktual'nye problemy konstitucionnogo, municipal'nogo i mezhdunarodnogo prava / Sbornik nauchnyh statej Regional'nogo nauchnogo kruglogo stola. – Kursk, 2020. S. 86–90.
13. **Safonova K.R.** Problemy dvojnogo grazhdanstva v Rossijskoj Federacii // Gosudarstvo i pravo: problemy i perspektivy sovershenstvovanija. – 2020. – С. 208–211.
14. **Bagdasarjan S.D.** Institut dvojnogo grazhdanstva v rossijskom zakonodatel'stve: problemy i perspektivy // Severo-Kavkazskij juridicheskij vestnik. – 2019. – № 1. – С. 34–38.
15. **Paulov P.A.** Problemy pravovogo regulirovanija dvojnogo grazhdanstva v RF // Dnevnik nauki. – 2020. – № 12 (48). – С. 62.
16. **Oficerova M.I.** Puti usovershenstvovanija zakonodatel'stva o dvojnomo grazhdanstve Rossijskoj Federacii // Juridicheskaja nauka. – 2019. – № 6. – С. 15–20.

(статья сдана в редакцию 24.05.2022)

**ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНЫХ
ПРОИСШЕСТВИЙ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ
МВД РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ**

**ISSUES OF ROAD VEHICLE ACCIDENTS PREVENTION BY DIVISIONS
OF STATE AUTOMOBILE INSPECTORATE OF THE MIA OF RUSSIA:
PROBLEMS OF LEGAL REGULATION**

УДК 342.9/343.9

Р.М. СТЕПКИН,

кандидат юридических наук
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
stepkinr@list.ru

ROMAN M. STEPKIN,

Candidate of Law
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

А.В. КАРАГОДИН,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
ann_karagodina@mail.ru

ALEXANDER V. KARAGODIN,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассматривается профилактика дорожно-транспортных происшествий как необходимый метод действия государства по снижению случаев с участием водителей и пешеходов. Обеспечение безопасности дорожного движения является одним из самых важных и актуальных направлений деятельности любого государства. Безопасность дорожного движения может быть достигнута путем приведения их в соответствие с установленными требованиями, охватываемыми службой, объектами, надлежащим техническим состоянием и оснащением транспортных средств, а также умелым управлением дорожным движением и неукоснительным соблюдением всеми участниками дорожного движения законов, нормативно-правовых актов, а также правил движения на дорогах. Профилактика дорожно-транспортных происшествий является основной задачей Российской Федерации, направленной на уменьшение уровня дорожно-транспортных происшествий. В статье рассмотрены вопросы профилактики дорожно-транспортных происшествий Госавтоинспекцией МВД России как основным субъектом предотвращения аварий на дорогах. Предлагаются изменения в нормативные правовые акты, регулирующие безопасность дорожного движения. Основным методом, который использовался при написании научной статьи, является метод анализа статистических данных. Госавтоинспекции МВД России принадлежит ключевое место в процессе, связанном с повышением уровня безопасности на дорогах, а также профилактикой нарушений правил дорожного движения для улучшения уровня правосознания и правовой культуры населения в сфере дорожного транспорта, снижения количества дорожно-транспортных происшествий в этой сфере.

Ключевые слова: Госавтоинспекция МВД России, правила дорожного движения, ГИБДД, дорожно-транспортное происшествие, профилактика, дорожное движение, мероприятия, административная ответственность, безопасность.

Для цитирования: Степкин Р.М., Карагодина А.В. Вопросы профилактики дорожно-транспортных происшествий подразделениями госавтоинспекции МВД России: проблемы правового регулирования // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 17–21.

Abstract: the article discusses the prevention of road traffic accidents as a necessary method of state influence to reduce cases involving drivers and pedestrians. Ensuring road safety is one of the most important and relevant activities of any state. Prevention of road accidents is the main task of the Russian Federation, aimed at reducing the level of road accidents. Road safety can be achieved by bringing them in accordance with the established requirements covered by the service, facilities, proper technical condition and equipment of vehicles, as well as skillful traffic management and strict compliance by all road users with laws, regulations, and as well as traffic rules. The article deals with the issues of road accidents prevention by the State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal

Affairs of Russia as the main subject for the accidents on the roads prevention. Changes to the normative legal acts regulating road safety are proposed. The main research method is the method of statistical data analysis. The State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia plays a key role in the process of the road safety level increasing, as well as in the traffic rules violations prevention in order to improve the level of legal awareness and legal culture of the citizens in the field of road transport, and reduce the number of traffic accidents in this area.

Keywords: State Traffic Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of Russia, traffic rules, State Road Traffic Safety Inspectorate, road vehicle accidents, prevention, road traffic, affairs, administrative liability, safety.

For citation: Stepkin R.M., Karagodin A.V. Issues of road vehicle accidents prevention by divisions of state automobile inspectorate of the MIA of Russia: problems of legal regulation // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 17–21.

Для исследования понятийного аппарата необходимо определить с понятием «профилактика дорожно-транспортных происшествий». В научной литературе указывается, что в понятие «предупреждение правонарушений» входит понятие «профилактика правонарушений» [1, с. 64].

По мнению Савченко А.А., под профилактикой можно понимать деятельность по выявлению причин правонарушений, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, а также по выявлению лиц, способных совершить правонарушения, и проведению с ними мероприятий, удерживающих их от совершения правонарушений [2, с. 113].

Исследуя понятие «Предупреждение дорожно-транспортных происшествий», следует отметить мнение, что это непростой и многогранный процесс, для которого органы государственной власти должны объединить свои усилия и широко использовать пропаганду и агитацию, пробудить сознательные отношения между массами для борьбы с различными происшествиями [3, с. 3].

Основным мотивом для разработки и реализации мер по предупреждению дорожно-транспортных происшествий, в том числе направленных на повышение уровня правосознания и правовой культуры участников, являются органы внутренних дел Российской Федерации. Одним из ключевых направлений деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации [4] по предупреждению указанных происшествий является управление дорожным движением, эффективное осуществление деятельности по распространению знаний, связанных с безопасностью участников дорожного движения. Указанные обязанности отражены в нормативных правовых актах, регулирующих деятельность Госавтоинспекции. В подп. «т» п. 11 Положения о Госавтоинспекции МВД России сказано о «выявлении причин и условий, способствующих совершению ДТП, нарушений ПДД, иных противоправных действий, влекущих угрозу без-

опасности дорожного движения, принятие мер по их устранению. В п. 7.5 приложения № 1 к приказу МВД России от 23.08.2017 № 664 определено, что сотрудники Госавтоинспекции обязаны выявлять причины административных правонарушений на транспорте и в области дорожного движения, а также условия, способствующие их совершению, принимать в пределах своих полномочий меры по их устранению.

На сегодняшний день есть ряд проблемных вопросов в области профилактики дорожно-транспортного травматизма, требующие в том числе изучения и решения на ведомственном, межведомственном и государственном уровне.

Приоритеты в работе службы Госавтоинспекции МВД России складываются на основе детального анализа [5].

Всего на федеральных автомобильных дорогах за I квартал зафиксировано 3147 дорожно-транспортных происшествий, в сравнении с аналогичным периодом 2021 года количество ДТП снизилось на 8,3%, количество погибших – на 10,6% и раненых – на 9,4% [6].

За 8 месяцев 2022 года на территории Белгородской области совершено 625 дорожно-транспортных происшествий, в результате которых 89 человек погибли и 828 получили ранения различной степени тяжести. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года отмечено снижение общего количества зарегистрированных ДТП на 9,8% и количества раненых на 7%. Однако увеличилось количество погибших на 12,7%. Тяжесть последствий ДТП увеличилась с 8,2 до 9,7% [5].

Несмотря на снижение основных показателей аварийности целевой показатель национального проекта «Безопасные качественные дороги» не достигнут, транспортный риск составил 0,41, при прогнозируемом значении не более 0,29.

Основными видами ДТП являются столкновения транспортных средств и наезды на пешеходов.

В научной литературе указывается, что для снижения уровня таких происшествий необходимо вести серьезную работу, направленную на снижение тяжести их последствий, в пер-

вую очередь на борьбу с причинами их возникновения [7, с. 18].

Статистика показывает, что к основным причинам ДТП относится несоблюдение водителями Правил дорожного движения, в частности скоростного режима, это фиксируется более чем в 80% случаев дорожно-транспортных происшествий [6].

В Белгородской области за 8 месяцев 2022 г. основными причинами ДТП стали несоответствие скорости конкретным условиям – 147 ДТП (-1,3%; 40 погибли, +48,1%; 173 ранено, +0,6%); несоблюдение очередности проезда перекрестков – 133 ДТП (-23,6%; 10 погибли, стаб.; 202 ранено, -22%); нарушение правил проезда пешеходных переходов – 63 ДТП (-4,5%; 4 погибли, стаб.; 66 ранено, +1,5%); несоблюдение безопасной дистанции – 53 ДТП (-15,9%; 5 погибли, стаб.; 83 ранено, -12,6%) и выезд на полосу встречного движения – 32 ДТП (+6,7%; 14 погибли, +40%; 56 ранено, +14,3%) [5].

Пунктом 10.2 ПДД предусмотрено, что в населенных пунктах разрешается движение ТС со скоростью не более 60 км/ч, а в жилых зонах, велосипедных зонах и на дворовых территориях – не более 20 км/ч.

В первую очередь кратко остановимся на внесении изменений в ПДД Российской Федерации, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 23.10.1993 № 1090.

В данном пункте целесообразно внести дополнения в виде ограничения скорости при подъезде к нерегулируемым пешеходным переходам, обозначенным знаками 5.19.1 – 5.19.2 до 40 км/ч.

Кроме того, часто встречаются разногласия между органами предварительного расследования в области обеспечения безопасности дорожного движения в части определения момента возникновения опасности для водителей автомобиля при переходе пешеходом проезжей части «справа налево» относительно движения автомобиля [8].

В пункте 14.1 ПДД указано: водитель ТС, приближающегося к пешеходному переходу, обязан уступить дорогу пешеходам, переходившим или вступающим на проезжую часть для осуществления перехода.

В данной ситуации не совсем понятно и неоднозначно трактуется часть пункта, определяющая необходимость уступить дорогу пешеходам. Отсутствие конкретного понятия в части «пешеход, переходящий проезжую часть» дает возможность органам предварительного расследования маневрировать в части установления момента опасности для движения автомобиля, что приводит к неверному расчету удаления автомобиля от пешеходного перехода в момент выхода на него пешехода и, соответственно, влияет на конечный вывод по определению на-

личия технической возможности при наличии технических экспертиз.

Считаем, что пункт ПДД необходимо изложить в следующей редакции: «Водитель ТС, приближающегося к нерегулируемому пешеходному переходу, обязан уступить дорогу пешеходам, вступившим на проезжую часть или находящимся на проезжей части, в случае если траектории движения автомобиля и пешехода пересекутся в границах пешеходного перехода».

За 8 месяцев 2022 года в Белгородской области зарегистрировано 58 ДТП по вине водителей, находившихся в состоянии опьянения, в которых 19 человек погибли (+11,8%) и 68 получили ранения (+7,9%) [5].

Немаловажной проблемой объективности статистики здесь являются факты нарушений приказа Минздрава России от 18.12.2015 № 933н сотрудниками медицинских организаций, в части несоставления актов освидетельствования на состояние опьянения в отношении пострадавших лиц в ДТП после предоставления соответствующих протоколов направления на медосвидетельствование сотрудниками ГИБДД (регулируется постановлением Правительства Российской Федерации № 475 от 26.06.2008). В результате биологический объект – кровь – отбирается с нарушением порядка медосвидетельствования, который рассматривается судебными инстанциями. По результатам ХТИ представляется количественный показатель наличия алкоголя, без определения наличия опьянения [5].

Полученные таким образом доказательства не отвечают принципам достоверности, достаточности и допустимости. Что, в свою очередь, является обстоятельством, освобождающим виновных от ответственности как административной, так и уголовной.

Кроме того, согласно примечаниям к ст. 12.8 КоАП РФ определено, что ответственность наступает в случае наличия абсолютного этилового спирта в концентрации 0,3 и более грамма на литр крови. А медицинские работники при доставлении пострадавших в учреждение ориентированы на первоочередные меры реанимации (оказание помощи).

В связи с этим считаем необходимым законодательно закрепить особый порядок привлечения лиц к ответственности, у которых изъятие крови произошло без составления медосвидетельствования, в связи с состоянием здоровья, требующим незамедлительного оказания медицинской помощи.

За 2022 год в целом по стране с участием детей в возрасте до 16 лет зарегистрировано 115118 ДТП, из них погибло – 12753, ранено – 144754 [9].

В регионах ситуация не менее тревожная, так, за 8 месяцев 2022 г. с участием детей зареги-

стрировано 76 ДТП, в результате которых 8 детей погибли и 82 получили травмы. В сравнении с аналогичным периодом 2021 года количество ДТП с участием несовершеннолетних и раненых в них детей снизилось на 8,4% и 7,8% соответственно, количество погибших детей увеличилось на 100% [5].

Для выявления объективных причин происшествий с несовершеннолетними проведены проверки. Особого внимания заслуживает происшествие с погибшим 9-летним пешеходом в одном из районов региона. После изучения характеристики несовершеннолетнего установлено, что он обучался по программе детей с ограниченными возможностями здоровья и при возникновении опасностей, в силу своих психофизиологических особенностей, не отреагировал. С учетом ДТП, в рамках рабочей встречи, инициированной УГИБДД УМВД по Белгородской области, с представителями Министерства образования области, рассмотрен вопрос о создании специальных образовательных программ по безопасности дорожного движения для детей с расстройствами аутистического спектра. Экспертами отмечено, что данные программы нерентабельны, так как должны составляться индивидуально, под каждого конкретного несовершеннолетнего, имеющего соответствующее заболевание. В числе прочего, таким детям требуется обязательная помощь сопровождающего.

Расстройство аутистического спектра (РАС) – расстройство, возникающее вследствие нарушения развития головного мозга и характеризующееся выраженным и всесторонним дефицитом социального взаимодействия и общения, а также ограниченными интересами и повторяющимися стереотипными действиями [10, с. 111].

Указанная проблематика требует более детального изучения, подготовки соответствующего регламента диагностирования детей с РАС, специальных программ и внесения изменений в правила учета дорожно-транспортных происшествий (Постановление Правительства Российской Федерации от 19.09.2020 № 1502 «Об утверждении Правил учета ДТП, об изменении и признании утратившими силу некоторых правовых актов Правительства Российской Федерации»), в части переквалификации характерных фактов ДТП в разряд «несчастных случаев».

Вместе с тем внесение данной категории детей как «особенной категории» позволит исключить нарушение правоприменительной практики в отношении родителей несовершеннолетних, которые в силу заболевания не могут перевозиться автомобильным транспортом без нарушения действующего законодательства (ч. 3 ст. 12.23 КоАП РФ, для детей с ОВЗ, а также детей-инвалидов должны быть предусмотрены исключения использования детских удерживающих устройств).

Во время реализации комплексных мер, связанных с повышением безопасности дорожного движения, информированием граждан о недопустимости противоправных действий, Госавтоинспекция МВД России систематически организует взаимодействие всех субъектов дорожного движения, а также взаимодействие с правоохранительными органами, средствами массовой информации и общественными организациями.

В заключение хотелось бы отметить, что Госавтоинспекция МВД России принадлежит ключевое место в процессе, связанном с повышением уровня безопасности на дорогах, профилактикой нарушений правил дорожного движения, а также внесением предложений в нормативные правовые акты различного уровня, регулирующие безопасность дорожного движения.

Литература

1. Молчанов П.В. Профилактика правонарушений в области дорожного движения // Административное право и процесс. – 2019. – № 5. – С. 63–68.
2. Савченко А.А. Соотношение понятий профилактики преступлений и предупреждения преступлений в современной юридической доктрине // Современное право. – 2010. – № 3. – С. 112 – 114.
3. Антонов С.Н., Кузин В.В., Левченко А.Л., Якимов А.Ю. Законодательство Российской Федерации в области обеспечения безопасности дорожного движения (состояние и перспективы развития) // Административное право и процесс. – 2007. – № 4. – С. 2–6.
4. Мидловец М.В. Система мер по профилактике и предупреждению дорожно-транспортных преступлений // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – Москва, 2015.
5. Характеристика состояния аварийности на территории Белгородской области за 8 месяцев 2022 года [Электронный ресурс]. – URL: <http://stat.gibdd.ru/>.
6. В I квартале 2022 года на треть сократилось число ДТП, связанных с состоянием дорожного покрытия федеральных трасс [Электронный ресурс]. – URL: <https://rosavtodor.gov.ru/eye/page/53/521121>.
7. Лохбаум В.А. Пропаганда безопасности дорожного движения в деятельности Госавтоинспекции как эффективное средство административно-правового воздействия по предупреждению дорожно-транспортных происшествий // Труды Академии управления МВД России. – 2020. – № 1 (53). – С. 18–22.
8. Статистика ДТП [Электронный ресурс]. – URL: <https://bel-pobeda.ru/news/proisshestviya/2022-08-29/60-dtp-proizoshlo-s-uchastiem-detey-v-belgorodskoy-oblasti-za-sem-mesyatsev-2022-goda-289383?ysclid=la-9z4lhvgs962981151>.
9. Показатели состояния безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]. – URL: <http://stat.gibdd.ru/>.
10. Божкова Е.Д., Баландина О.В., Коновалов А.А. Расстройство аутистического спектра: современное состояние проблемы (обзор) // Современные технологии в медицине. – 2020. – Том 12. – С. 111.

References

1. **Molchanov P.V.** Profilaktika pravonarushenij v oblasti dorozhnogo dvizheniya // *Administrativnoe pravo i process.* – 2019. – № 5. – S. 63–68.
2. **Savchenko A.A.** Sootnoshenie ponyatij profilaktiki prestuplenij i preduprezhdeniya prestuplenij v sovremennoj yuridicheskoj doktrine // *Sovremennoe pravo.* – 2010. – № 3. – S. 112 – 114.
3. **Antonov S.N., Kuzin V.V., Levchenko A.L., Yakimov A.Yu.** Zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii v oblasti obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya (sostoyanie i perspektivy razvitiya) // *Administrativnoe pravo i process.* – 2007. – № 4. – S. 2–6.
4. **Midlovec M.V.** Sistema mer po profilaktike i preduprezhdeniyu dorozhno-transportnyh prestuplenij // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki.* – Moskva, 2015.
5. Harakteristika sostoyaniya avarijnosti na territorii Belgorodskoj oblasti za 8 mesyacev 2022 goda [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://stat.gibdd.ru/>.
6. V I kvartale 2022 goda na tret' sokratilos' chislo DTP, svyazannyh s sostoyaniem dorozhnogo pokrytiya federal'nyh trass [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://rosavtodor.gov.ru/eye/page/53/521121>.
7. **Lohbaum V.A.** Propaganda bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v deyatel'nosti Gosavtoinspekcii kak effektivnoe sredstvo administrativno-pravovogo vozdejstviya po preduprezhdeniyu dorozhno-transportnyh proisshestvij // *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii.* – 2020. – № 1 (53). – S. 18–22.
8. Statistika DTP [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://bel-pobeda.ru/news/proisshestviya/2022-08-29/60-dtp-proizoshlo-s-uchastiem-detey-v-belgorodskoj-oblasti-za-sem-mesyatsev-2022-goda-289383?ysclid=la-9z4lhvgs962981151>.
9. Pokazateli sostoyaniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://stat.gibdd.ru/>.
10. **Bozhkova E.D., Balandina O.V., Kononov A.A.** Rasstrojstva autisticheskogo spektra: sovremennoe sostoyanie problemy (obzor) // *Sovremennye tekhnologii v medicine.* – 2020. – Tom 12. – S. 111.

(статья сдана в редакцию 31.01.2023)

**ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ФИКЦИИ
ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ
НА ЖИЗНЬ ДВУХ ИЛИ БОЛЕЕ ЛИЦ
(П. «А» Ч. 2 СТ. 105 УК РФ)**

**LAW ENFORCEMENT FICTIONS IN THE QUALIFICATION OF
ENCROACHMENT ON THE LIFE OF TWO OR MORE PERSONS
(PARAGRAPH «A» OF PART 2 OF ARTICLE 105 OF THE CRIMINAL
CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION)**

УДК 343.61

А.И. СИТНИКОВА,
доктор юридических наук, доцент
(Юго-Западный государственный университет,
Россия, Курск)
orcrimpravo@yandex.ru

ALEKSANDRA I. SITNIKOVA,
Doctor of Law, Associate Professor
(Southwest State University,
Kursk Russia)

Аннотация: об актуальности темы свидетельствуют трудно разрешимые проблемы квалификации посягательств на жизнь двух или более лиц. Предметом исследования являются доктринальные подходы и правоприменительный вариант квалификации деяний, не полностью подпадающих под признаки п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Соответственно, целью данной работы выступает обоснование квалификации посягательства при полной и частичной реализации умысла на жизнь двух или более лиц с применением принципа дифференцированной квалификации. В качестве методологической основы использован диалектический подход в совокупности с инструментальными методами познания. В результате исследования квалификации посягательства на жизнь двух или более лиц выявлено: во-первых, наличие трех степеней реализации умысла – полной, минимально частичной и максимально частичной; во-вторых, полная реализация умысла позволяет квалифицировать содеянное по п «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ при наличии прямого или косвенного умысла и при сочетании двух видов умысла. При одновременном убийстве мотивы могут быть разными, при разновременном убийстве должен быть один мотив; в-третьих, при минимально частичной реализации умысла имеются три варианта доктринальной квалификации содеянного; в-четвертых, при максимально частичной реализации умысла имеет место множественное посягательство с различным сочетанием убитых и раненых. Вывод: принцип дифференцированной квалификации и правоприменительный прием, основанный на использовании фикции, позволяет учесть направленность умысла на убийство двух или более лиц, сочетание полной и частичной реализации преступного намерения в содержательном отношении и фактически наступившие последствия, особенно при множественном посягательстве. Полученные результаты могут быть использованы в научной и учебной сферах, а также при разработке рекомендаций Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Ключевые слова: множественное посягательство, правоприменительная фикция, квалификационная фикция.

Для цитирования: Ситникова А.И. Правоприменительные фикции при квалификации посягательства на жизнь двух или более лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 22–26.

Abstract: the relevance of the topic is evidenced by the difficult-to-solve problems of qualification of attacks on the lives of two or more persons. The subject of the study is doctrinal approaches and the law enforcement version of the qualification of acts that do not fully fall under the signs of paragraph «a» of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation. Accordingly, the purpose of this work is to substantiate the qualification of encroachment with the full and partial realization of intent on the life of two or more persons using the principle

of differentiated qualifications. The dialectical approach in combination with instrumental methods of cognition is used as a methodological basis. As a result of the study of the qualification of encroachment on the life of two or more persons, it was revealed: firstly, the presence of three degrees of intent-complete, minimally partial and maximally partial; secondly, the full realization of intent allows you to qualify what you have done under Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation in the presence of direct or indirect intent and when a combination of two types of intent. With simultaneous murder, the motives may be different, with a multi-time murder there must be one motive; thirdly, with a minimal partial realization of the intent, there are three options for the doctrinal qualification of the deed; fourth, with the maximum partial realization of the intent, there is multiple encroachment with a different combination of killed and wounded. Conclusion: the principle of differentiated qualifications and a law enforcement technique based on the use of fiction allows us to take into account the direction of intent to kill two or more persons, the combination of full and partial realization of criminal intent in terms of content and the actual consequences that have occurred, especially with multiple encroachments. The results obtained can be used in scientific and educational fields, as well as in the development of recommendations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Keywords: multiple encroachment, law enforcement fiction, qualification fiction.

For citation: Sitnikova A.I. Law enforcement fictions in the qualification of encroachment on the life of two or more persons (paragraph «a» of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 22–26.

Предписание об ответственности за множественное убийство закреплено в двух отечественных уголовных законах: УК РСФСР 1960 г. (п. «з» ст. 102 УК) и УК РФ 1996 г. (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК). Проблемными вопросами в советской и современной доктрине уголовного права признавались объективные и субъективные признаки состава посягательства на жизнь двух и более лиц: время, место, наступившие последствия, намерение виновного, мотив и цель убийства. Так, повышенную общественную опасность посягательства на жизнь двух и более лиц Н.И. Загородников связывал с одновременностью лишения жизни потерпевших [6, с. 171–172]. Главенствующим признаком состава множественного убийства М.К. Аниязц признавал единство намерения, которое определялось совершением убийства двух и более лиц одновременно и в одном месте [1, с. 45–46]. Представителями советской школы уголовного права предпринята попытка расширить сферу применения п. «з» ст. 102 УК РСФСР за счет признания двух темпоральных факторов: одновременность совершения множественного убийства и причинение смерти двум и более потерпевшим при минимальном разрыве во времени между двумя и более преступными действиями¹. Такой подход был поддержан другими учеными-криминалистами, которые признавали юридически незначимым разрыв во времени между убийствами [7, с. 13]. Признание возможности отнесения одновременного убийства двух и более лиц к единому преступлению вызвало дискуссию о возможности трансформации умысла и стабильности мо-

тива. В частности, в литературе изложена точка зрения, в соответствии с которой до совершения первого убийства виновный не имел намерения причинить смерть другому человеку. Однако умысел на убийство второго потерпевшего возник после совершения первого убийства (симптом Раскольникова – (АИС)) [4, с. 33]. Л.А. Андреева уточняет проблему квалификации одновременных преступных действий на жизнь нескольких потерпевших при трансформации умысла за счет признания единого мотива совершенного посягательства [2, с. 4].

Важное значение для справедливой уголовно-правовой оценки посягательства на жизнь двух и более лиц имеет учет степени реализации умысла в сочетании с фактически наступившими последствиями. С учетом реализации умысла при множественных посягательствах можно выделить три степени таковой: полную реализацию, минимально частичную и максимально частичную. Дифференциация частичной реализации единого умысла при посягательстве на жизнь двух и более лиц на минимальную и максимальную обусловлена различным сочетанием убитых и раненых, а также исключением косвенного умысла при совершении неоконченного преступления в виде покушения на жизнь.

Полная реализация умысла имеет место в ситуации, когда виновный совершает окончательное одновременное либо одновременное умышленное убийство двух и более лиц. При этом умысел в отношении потерпевших может быть как прямым, так и косвенным, а также возможно сочетание видов прямого и косвенного умысла. Квалификация содеянного не вызывает затруднений и осуществляется по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В этом случае

¹ Научный комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. М.И. Ковалева, Е.А. Фролова, М.А. Ефимова. Свердловск, 1964. С. 259.

необходимо наличие единого умысла на убийство и фактически наступившие последствия в виде смерти двух и более лиц. При одновременном причинении смерти двум и более лицам мотивы могут быть разными, а при разновременном убийстве виновный должен руководствоваться одним мотивом.

При *минимально частичной реализации прямого умысла* имеет место неоконченное посягательство в виде покушения, поскольку жизнь двух и более потерпевших сохранена даже при причинении тяжкого вреда их здоровью. Подобное посягательство признается покушением на жизнь двух и более лиц и квалифицируется по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Если при посягательстве на жизнь двух лиц имело место сочетание прямого умысла в отношении одного потерпевшего, а в отношении второго наличествовал косвенный умысел, то содеянное не подлежит квалификации как покушение на убийство двух и более лиц.

В доктрине уголовного права сформированы три подхода к квалификации действий виновного [12, с. 99; 9, с.55–56], имевшего прямой умысел на убийство двух лиц, но причинившего смерть одному потерпевшему, а второму – вред здоровью различной степени тяжести:

первый подход – деяние квалифицируется как оконченное убийство двух лиц (п. «а» ч. 2 ст. 105 УК);

второй подход – как покушение на убийство двух лиц (ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК);

третий подход – как простое убийство и покушение на убийство двух лиц (ч. 1 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК).

Следует признать небезупречными варианты доктринальной квалификации посягательства на жизнь двух потерпевших, один из которых убит, а другой ранен:

1. При квалификации действий виновного в качестве оконченного убийства двух лиц учитывается содержание и направленность прямого умысла, который реализован частично. Такая оценка содеянного упускает из вида фактически наступившие последствия в виде смерти одного потерпевшего и причинения вреда здоровью другого лица, то есть причиненный вред здоровью фактически отождествляется со смертью потерпевшего.

2. Уголовно-правовая оценка посягательства на жизнь двух потерпевших в качестве покушения на убийство двух лиц вызывает сомнение, поскольку не учтена полная реализация умысла, последствием которого стало лишение жизни одного потерпевшего, а в отношении второго имеет место частичная реализация преступного намерения.

3. Неточность уголовно-правовой оценки прослеживается и в предложении квалифицировать посягательство на жизнь двух лиц при реальном

причинении смерти одному потерпевшему по ч. 1 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Предложенный вариант можно назвать избыточным [9, с. 8], так как из квалификационной записи усматривается наличие трех потерпевших, один из которых лишен жизни, а двое подверглись посягательству на жизнь в виде покушения.

История правоприменительной практики также свидетельствует о разных вариантах квалификации посягательств на жизнь двух и более лиц. Впервые 4 июня 1960 г. Верховный Суд СССР принял постановление «О судебной практике по делам об умышленных убийствах» № 4, в котором были сформулированы правила квалификации действий виновного, посягнувшего на жизнь человека. Однако нижестоящим судам не было дано никаких разъяснений по поводу применения п. «з» ст. 102 УК РСФСР. В этой связи в судебной практике возникли сложности при посягательстве на жизнь двух и более лиц. Через три года Пленум Верховного Суда СССР принял постановление «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве» № 9 от 3 июля 1963 г., в котором дал рекомендации по квалификации покушения на убийство двух или более лиц и отграничению посягательства на жизнь двух или более лиц от неоднократно совершенного убийства. Согласно п. 10 данного постановления при наличии умысла «на лишение жизни двух или более лиц убийство одного человека и покушение на жизнь другого следует квалифицировать как оконченное преступление по ст. 102, п. «з» УК РСФСР и по соответствующим статьям других союзных республик»². Позднее в постановлении № 4 от 27 июня 1975 г. Пленум Верховного Суда СССР изменил свою позицию и предложил кардинально иное правило квалификации: «Убийство одного человека и покушение на жизнь другого не может рассматриваться как оконченное преступление – убийство двух или более лиц, поскольку преступное намерение убить двух лиц не было осуществлено по причинам, не зависящим от воли виновного. В этих случаях содеянное следует квалифицировать по ст.ст. 103 или 102 и ст. 15 и п. «з» ст. 102 УК РСФСР...»³. Приведенная формулировка была включена и в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК)» № 1 от 27 января 1999 г. (в ред. от 3 марта 2015 г.). Пункт 5 постановления гласит: «Убийство одного человека и покушение на убийство другого

² Бюллетень Верховного Суда СССР. 1963. № 4.

³ Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР /отв. ред. Трубников П.Я. и другие. 1924-1977. Ч. 2. – Москва: Известия, 1964. С. 169–177.

не может рассматриваться как оконченное преступление – убийство двух лиц. В таких случаях независимо от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ».

Фактически в обоих постановлениях (1975 и 1999 гг.) Верховные Суды СССР и Российской Федерации признали невозможность квалифицировать убийство одного потерпевшего и покушение на жизнь другого лица как оконченное преступление и рекомендовали нижестоящим судам и следствию минимизировать трудности квалификации посягательства на жизнь двух лиц при наличии одного убитого и одного раненого путем использования позитивной правоприменительной фикции, отражающей частично реализованный умысел и реально наступившие последствия.

В общем виде под правоприменительной фикцией следует понимать юридическое решение проблемы, возникающей при частичной реализации умысла *в содержательном отношении* и в неполном достижении желаемого преступного результата. Квалификационная фикция, сформулированная в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, является правоприменительной фикцией с положительной направленностью, так как выступает как правоприменительный инструмент для решения сложных проблемы квалификации и имеет социально оправданный характер.

Современные исследователи данной проблемы однозначно критикуют разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации и признают неприемлемым применение правила совокупности в виде оконченного и неоконченного преступления. Так, Т.В. Кондрашова предлагает Верховному Суду Российской Федерации уточнить рекомендацию и признать неудавшееся убийство двух лиц при наличии одного убитого покушением на убийство двух лиц [8, с. 55–56]. Подобная точка зрения высказана и другими авторами [6, с. 65–67]. Современные комментаторы Уголовного кодекса не формулируют авторский взгляд на решение указанной квалификационной проблемы, а лишь калькируют материалы постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации⁴.

Разрешить проблему уголовно-правовой оценки посягательства на жизнь двух и более лиц возможно при применении дифференцированного принципа квалификации, основанного на использовании квалификационной фикции, предложен-

ной Верховным Судом Российской Федерации. Данный правоприменительный прием позволяет адекватно квалифицировать посягательство на жизнь двух или более лиц в ряде случаев: во-первых, при сочетании полной и частичной реализации прямого умысла в его содержательном отношении, во-вторых, при наличии прямого умысла в отношении одного лица и косвенного умысла применительно к другому (другим) потерпевшему (потерпевшим).

Первая ситуация – субъект, совершая посягательство на жизнь двух лиц, причинил смерть одному потерпевшему, а второй был ранен. В такой ситуации имеет место сочетание полной и частичной реализации прямого умысла, в результате чего наступают разные последствия в виде смерти и причинения вреда здоровью. Пленум рекомендует квалифицировать подобное посягательство по ч. 1 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Поскольку эта рекомендация сформулирована на основе правоприменительной фикции, в квалификационной записи фигурируют трое потерпевших, один из которых убит, а на двух совершено покушение, что не отражает в полной мере фактически наступивших последствий. Основываясь на принципе дифференцированной квалификации с использованием правоприменительной фикции, содеянное следует квалифицировать по ч. 1 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ. Предлагаемая квалификационная запись учитывает *направленность* прямого умысла на убийство двух лиц, сочетание полной и частичной реализации преступного намерения *в содержательном отношении*, а также *фактически наступившие* последствия.

Вторая ситуация – при сочетании прямого и косвенного умысла последствиями могут выступить: причинение вреда здоровью одному потерпевшему в результате реализации косвенного умысла, а в отношении другого потерпевшего – покушение на его жизнь. Принцип дифференцированной квалификации позволяет учесть все результаты преступных действий виновного, посягнувшего на жизнь двух лиц, и квалифицировать содеянное по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 и соответствующей статье о причинении вреда здоровью.

При *максимально частичной реализации* прямого умысла в отношении *«более двух лиц»* имеет место множественное посягательство, представляющее собой сочетание оконченного и неоконченного преступлений при различной пропорции убитых и раненых. Впервые термин «множественное посягательство на жизнь при различном сочетании убитых и раненых» был введен в научный оборот Г.В. Назаренко [10, с. 197–198].

Проблема квалификации посягательства на жизнь трех лиц, по справедливому утверждению

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации с постатейными разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации /отв. ред. А.И. Чучаев. – Москва: Проспект, 2022. С. 208.

А.Н. Попова, «практически не обсуждается в уголовно-правовой литературе» [11, с. 52]. Указанный автор считает оправданным квалификацию убийства двух и более потерпевших (при наличии оставшихся в живых) по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, и вменять покушение не требуется [11, с. 44]. Аналогичной точки зрения придерживается И.Я. Козаченко, который полагает, что для применения п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ «достаточно причинения смерти хотя бы двум из них»⁵.

При посягательстве на жизнь трех лиц возможны два сочетания количества убитых и раненых: один убит, двоим причинен вред здоровью; два убиты, один ранен. Принцип дифференцированной квалификации дает возможность квалифицировать множественное убийство трех лиц с уче-

том численного соотношения убитых и раненых следующим образом: при наличии одного убитого и двух раненых – по ч. 1 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ; при наличии двух убитых и одного раненого – по п. «а» ч. 2 ст. 105 и ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Использование сложных правоприменительных фикций при сочетании оконченного и неоконченного посягательства на жизнь двух или более лиц, с одной стороны, создает искусственную правовую среду, не соответствующую действительности, с другой стороны, выступает в роли правоприменительного инструментария для разрешения проблемных ситуаций. Такой правоприменительный прием в сочетании с принципом дифференцированной квалификации позволяет учесть направленность умысла, наличие в одном посягательстве полной и частичной реализации умысла и реально наступившие последствия.

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий / под ред. Л.Л. Кругликова, Э.С. Тенцова. – Ярославль, 1994. С. 208.

Литература

1. **Аниязц М.К.** Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. – Москва: Юридическая литература, 1964. – 212 с.
2. **Андреева Л.А.** Квалификация умышленных убийств, совершённых при отягчающих обстоятельствах: учебное пособие. – Санкт-Петербург, 1998. – 56 с.
3. **Бородин С.В.** Преступления против жизни. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 467 с.
4. **Беляев В.Г., Свидлов Н.М.** Вопросы квалификации убийств: учебное пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1984. – 60 с.
5. **Бочаров Е., Феоктистов М.** Квалификация убийств: некоторые вопросы теории и практики // Уголовное право. – 2000. – № 2. – С. 65–67.
6. **Загородников Н.И.** Преступления против жизни по советскому уголовному законодательству. – Москва: Госюриздат, 1961. – 278 с.
7. **Коржанский Н.И.** Квалификация следователем преступлений против личности и собственности: учебное пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1984. – 60 с.
8. **Кондрашова Т.В.** Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и половой неприкосновенности. – Екатеринбург: Гумуниверситет, 2000. – 348 с.
9. **Назаренко Г.В.** Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие. – Москва: Юрлитинформ, 2010. – 152 с.
10. **Назаренко Г.В.** Невменяемость: уголовно-релевантные психические состояния. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2002. – 205 с.
11. **Попов А.Н.** Убийства при отягчающих обстоятельствах. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2003. – 898 с.
12. **Тишкевич С.И.** Квалификация преступлений против жизни. – Минск: МВШ МВД СССР, 1991. – 80 с.

References

1. **Aniyanc M.K.** Otvetstvennost' za prestupleniya protiv zhizni po dejstvuyushchemu zakonodatel'stvu soyuznyh respublik. – Moskva: YUridicheskaya literatura, 1964. – 212 s.
2. **Andreeva L.A.** Kvalifikatsiya umyshlennyh ubijstv, sovershyonnyh pri otyagchayushchih obstoyatel'stvah: uchebnoe posobie. – Saint-Petersburg, 1998. – 56 s.
3. **Borodin S.V.** Prestupleniya protiv zhizni. – Saint-Petersburg: YUridicheskij centr Press, 2003. – 467 s.
4. **Belyaev V.G., Svidlov N.M.** Voprosy kvalifikatsii ubijstv: uchebnoe posobie. – Volgograd: VSSH MVD SSSR, 1984. – 60 s.
5. **Bocharov E., Feoktistov M.** Kvalifikatsiya ubijstv: nekotorye voprosy teorii i praktiki // Uголовное право. – 2000. – № 2. – С. 65–67.
6. **Zagorodnikov N.I.** Prestupleniya protiv zhizni po sovetскому уголовному zakonodatel'stvu. – Moskva: Gosyurizdat, 1961. – 278 s.
7. **Korzhanский N.I.** Kvalifikatsiya sledovatelem prestuplenij protiv lichnosti i sobstvennosti: uchebnoe posobie. – Volgograd: VSSH MVD SSSR, 1984. – 60 s.
8. **Kondrashova T.V.** Problemy ugolovnoj otvetstvennosti za prestupleniya protiv zhizni, zdorov'ya, polovoj svobody i polovoj neprikosnovennosti. – Ekaterinburg: Gumuniversitet, 2000. – 348 s.
9. **Nazarenko G.V.** Teoreticheskie osnovy kvalifikatsii prestuplenij: uchebnoe posobie. – Moskva: YUritinform, 2010. – 152 s.
10. **Nazarenko G.V.** Nevmenyaemost': ugolovno-relevantnye psichicheskie sostoyaniya – Saint-Petersburg: YUridicheskij centr Press, 2002. – 205 s.
11. **Popov A.N.** Ubijstva pri otyagchayushchih obstoyatel'stvah. – Saint-Petersburg: YUridicheskij centr Press, 2003. – 898 s.
12. **Tishkevich S.I.** Kvalifikatsiya prestuplenij protiv zhizni. – Minsk: MVSH MVD SSSR, 1991. – 80 s.

(статья сдана в редакцию 05.12.2022)

СПЕЦИФИКА УЧЕТА СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПОДСУДИМОГО ПРИ НАЗНАЧЕНИИ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ

SPECIFICITY OF TAKING INTO ACCOUNT THE FAMILY RELATIONS OF THE DEFENDANT WHEN IMPOSING CRIMINAL PENALTIES

УДК 343.01

А.В. СОКОЛОВА

(Владимирский юридический институт
ФСИН России,
Россия, Владимир)
sokolova.alenka@mail.ru

ALENA V. SOKOLOVA

(Vladimir Law Institute of the FSIN of Russia,
Vladimir, Russia)

Аннотация: данная статья посвящена особенностям учета семейных отношений подсудимого при назначении наказания и влиянию на условия жизни его семьи. По мнению автора, эти два фактора являются важнейшими индикаторами справедливого судопроизводства. В статье вполне обоснованно утверждается, что каждое судебное разбирательство должно быть индивидуализированным, в связи с чем главной задачей суда является исследование всех обстоятельств совершения конкретного преступления, включая личность виновного. Немаловажное значение при этом приобретает семейное положение подсудимого, наличие у него иждивенцев, его поведение в быту, отношение к близким. Именно поэтому при назначении наказаний следует уделять пристальное внимание особенностям личности виновного, связанным с его семейными отношениями, а также учитывать влияние назначенного наказания на условия жизни его семьи. В статье были проанализированы постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и судебная практика, касающаяся учета семейных отношений при назначении наказания. В результате проведенного исследования сделаны заслуживающие внимания выводы. Автор вполне аргументированно предлагает внести изменения в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Предложенное автором изменение будет способствовать всестороннему изучению роли подсудимого в семье, влияния назначаемого наказания на жизнь семьи подсудимого, а также необходимости включения данных сведений в мотивировочную часть приговора.

Ключевые слова: справедливость, приговор, семейные отношения, назначение наказания, личность виновного.

Для цитирования: Соколова А.В. Специфика учета семейных отношений подсудимого при назначении уголовного наказания // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 27–31.

Abstract: this article is devoted to the peculiarities of taking into account the family relations of the defendant when sentencing and influencing the living conditions of his family. In the author's view, these two factors are essential indicators of fair trial. The article justifiably states that each trial must be individualized, and therefore the main task of the court is to study all the circumstances of the commission of a particular crime, including the identity of the perpetrator. At the same time, the defendant's marital status, the presence of his dependents, his behavior in everyday life, and attitude towards his loved ones becomes important. That is why, when imposing sentences, careful attention should be paid to the personality of the perpetrator related to his family relations, as well as to the impact of the punishment imposed on the living conditions of his family. The article also analyzed the decisions of the Plenum of the Supreme Court, as well as judicial practice regarding the consideration of family relations in sentencing. As a result of the study, noteworthy conclusions were drawn. The author quite arguably proposes to amend paragraph 27 of the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22.12.2015 № 58 «On the practice of appointing criminal punishment by the courts of the Russian Federation.» This change will focus the attention of law enforcement officers on the need to comprehensively study the role of the defendant in the family, the impact of the punishment imposed on the life of the defendant's family, as well as the need to include him in the motivation part of the sentence.

Keywords: justice, sentence, family relations, sentencing, identity of the perpetrator.

For citation: Sokolova A.V. Specificity of taking into account the family relations of the defendant when imposing criminal penalties // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 27–31.

Назначение наказания представляет собой сложный, многогранный процесс, результатом которого является рассмотрение дела по существу и вынесение приговора. Согласно ст. 6 Конвенции о защите прав и основных свобод «каждый... имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок...»¹. Данный постулат также отражен в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 08.12.2003 № 18-П, согласно которому вынесенный приговор должен быть обоснованным и справедливым.

Понятие «справедливость», безусловно, является больше философской категорией, нежели юридической. Так, Толковый словарь С.И. Ожегова трактует справедливость как беспристрастие². Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и Н.А. Ефрона определяет справедливость как высший принцип взаимных отношений между людьми³. Краткий философский словарь дает следующее толкование понятию справедливости – «нравственный принцип, означающий наказание за зло и воздаяние за добро»⁴.

Рассматривая понятие справедливости с юридической точки зрения, мы неизбежно обращаемся к процессу правоприменения, и прежде всего к «высокопрофессиональному и нравственно безупречному рассмотрению и разрешению юридических дел, основанным на поисках истины в правоприменительной деятельности» [1, с. 7–8], а также к механизму назначения наказания.

Действительно, вопрос о назначении справедливого наказания не нов. Рассмотрением вопроса справедливости наказания занимались такие выдающиеся практики и теоретики, как А.Ф. Кони, Ф.Н. Плевако, А.Я. Вышинский и другие. К. Маркс утверждал, что «...жестокость... делает наказание совершенно безрезультатным, ибо она уничтожает наказание как результат права» [2, с. 123]. Сложно не согласиться с точкой зрения М.В. Шаргородско-

го, что причинение страдания осужденному не может быть задачей уголовного наказания. Однако необходимо понимать, что «...нет наказания, которое не причиняло бы страдания – такое наказание бессмысленно...» [3, с. 72].

Действительно, наказание, которое подсудимый считает излишне жестоким, не достигнет своей цели. Такое наказание лишь озлобит данного человека, и бессмысленно говорить о создании условий для эффективного воздействия на душу, внутренний мир осужденного, в том числе ждать его раскаяния [4, с. 153]. Точно так же не возымеет никакого смысла и излишне мягкое наказание, которое не достигнет закрепленных в законе целей, и в данном случае осужденный не вынесет «правильных» уроков. Таким образом, мы возвращаемся к принципу талиона, когда размер страданий, испытываемый осужденным, зависит от причиненного вреда и тех страданий, которые потерпевший испытывал. И здесь следует особо подчеркнуть, что «правосудие не может быть отрешено от справедливости» [5], процесс правоприменения должен стремиться к поиску истины и справедливому выбору размера наказания, в противном случае результат судопроизводства может быть оценен осужденным как «великая несправедливость».

Исходя из вышесказанного, возникает вопрос: каким образом правоприменитель может достигнуть поставленной цели? Здесь прежде всего речь идет о том, что каждое судебное разбирательство должно быть индивидуализированным, т.е. главной задачей суда является исследование всех факторов и причин совершения конкретного преступления, включая личность виновного. Так, А.Ф. Кони рассматривал личность виновного в центре «преступного состояния» в тесной взаимосвязи с «жизненным положением», состоящим из следующих компонентов: «психологического, антропологического, общественного, экономического, бытового, этнографического и патологического» [5]. Необходимо подчеркнуть, что учет личности (в том числе и состояния его семейных отношений) в механизме назначения наказания позволяет говорить о справедливости самого процесса правоприменения, а также об эффективности воздействия назначенного наказания [6, с. 69].

Ярким примером, иллюстрирующим данное утверждение, может служить серия публикаций в средствах массовой информации о решении Азовского городского суда Ростовской области от 24.12.2021, дело № 1-363/2021. Согласно общедоступной информации, Азовский городской суд

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в г. Риме 04.11.1950) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

² Толковый словарь С.И. Ожегова [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=30212>. (дата обращения: 15.02.2022).

³ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и Н.А. Ефрона [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/brockhaus/>. (дата обращения: 15.02.2022).

⁴ Краткий философский словарь [Электронный ресурс]. – URL: https://platona.net/board/filosofskij_slovar/spravedlivost/1-1-0-434. (дата обращения: 15.02.2022).

Ростовской области 24 декабря 2021 г. вынес обвинительный приговор (реальное лишение свободы на срок от пяти лет) шести рыбакам. Пять рыбаков, проживающих в Ростовской области, были осуждены по следующим статьям УК РФ: ч. 3 ст. 258.1 и ч. 3 ст. 256. Шестой фигурант уголовного дела, кроме указанных выше, был осужден по ч. 1 ст. 318 УК РФ⁵. Общая сумма ущерба, которая фигурирует в средствах массовой информации, – 3,86 млн рублей, изъятие рыбы из среды осуществлялось сетями «в части Таганрогского залива, являющейся объектом рыбохозяйственного значения Донского запретного пространства»⁶. Также упоминается, что улов составил свыше пяти тысяч особей, среди которых был обнаружен малек осетра русского весом 96 граммов.

Данный приговор вызвал общественный резонанс ввиду своей суровости. Защитник (адвокат) В.М. Шевченко, участвовавший в судебном процессе, прокомментировал решение суда следующим образом: «...Я вижу аналогию с советским указом 1930-х годов, который привел к безумной правоприменительной практике, когда людей из-за трех колосков отправляли в Магадан, а потом 60% из них реабилитировали, некоторых причём посмертно...»⁷. Также суровостью приговора была поражена и правозащитница Е.В. Гордон, которая уточнила, что смягчить приговор не помогли ни заключения специалистов о том, что орудия сети, использовавшиеся при вылове рыбы, не предназначены для ценных пород рыб, ни наличие у всех фигурантов дела малолетних детей, ни пожилой возраст и состояние здоровья пожилых родителей, ни состояние здоровья самих рыбаков. Известно, что один из них является инвалидом III группы⁸. Кроме этого, необходимо учитывать, что в прибрежных городах рыбная ловля, как правило, является одним из основных источников дохода – люди вынуждены заниматься данным ви-

дом деятельности, чтобы содержать свои семьи, так как другую работу они просто не могут найти.

При анализе правоприменительной практики и вынесенных обвинительных приговоров по ч. 3 ст. 256 УК РФ и ч. 3 ст. 258.1 УК РФ с помощью государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» было обнаружено, что подсудимым назначали наказание в виде лишения свободы в диапазоне от 5 до 6 лет. Следует отметить, что в большинстве случаев назначенное наказание, в соответствии со ст. 73 УК РФ, считалось условным с испытательным сроком от 2 до 6 лет.

Так, согласно приговору Икрянинского районного суда Астраханской области от 02.09.2021 Казаков А.А., Логовиков А.С., Ажаханов Ш.Х. совершили незаконную добычу особо ценных видов рыб, занесенных в Красную книгу России и охраняемых международными договорами. Ущерб, причиненный незаконным выловом рыбы, в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 03.11.2018 № 1321, составлял 985101 рубль. Необходимо подчеркнуть, что в экспертизе осетровых рыб (улова) были указаны 4 особи русского осетра и 1 особь белуги, которые были выловлены браконьерским способом. Данные граждане признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 256 УК РФ, и за это преступление каждому назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 2 года. Кроме этого, они признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 258.1 УК РФ, назначенное наказание за это преступление – лишение свободы на срок 5 лет. Окончательное наказание по совокупности указанных преступлений составило 5 лет и 6 месяцев лишения свободы каждому из подсудимых. Икрянинский районный суд Астраханской области определил назначенное наказание Казакову А.А., Логовинову А.С., Ажаханову Ш.Х. считать условным (в соответствии со ст. 73 УК РФ) с испытательным сроком 5 лет каждому, в течение которых каждый из осужденных должен доказать свое исправление⁹. Если посмотреть на семейное положение осужденных, то мы увидим, что малолетних и несовершеннолетних детей они не имели, совершеннолетних иждивенцев тоже, уход за пожилыми родителями не осуществляли. Анализ приговоров по аналогичным преступлениям позволил установить, что семейные отношения практически всегда учитывались правоприме-

⁵ Производство по уголовному делу № 1-363/2021 [Электронный ресурс] // Азовский городской суд Ростовской области. – URL: https://azovsky-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=175430320&case_uid=bcf228ad-20f7-42be-b546-815d6fdfe4f5&delo_id=1540006

⁶ Пять лет за малька. Чем может обернуться браконьерство [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. – URL: https://rostov.aif.ru/society/details/pyat_let_za_malka_chem_mozhet_obernutsya_brakonerstvo (дата обращения: 15.02.2022).

⁷ Пять лет за малька. Чем может обернуться браконьерство [Электронный ресурс] // Аргументы и факты. – URL: https://rostov.aif.ru/society/details/pyat_let_za_malka_chem_mozhet_obernutsya_brakonerstvo (дата обращения: 15.02.2022).

⁸ Рыбаки обратились к Президенту Владимиру Путину [Электронный ресурс] // Официальный сайт юридической компании «Гордон и сыновья». – URL: <https://gordonsons.ru/rybaki-obratilis-k-prezidentu-vladimiru-putinu/> (дата обращения: 15.02.2022).

⁹ Приговор Икрянинского районного суда Астраханской области от 02.09.2021, дело № 1-78/2021 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html> (дата обращения: 15.02.2022).

нителем в механизме назначения наказания¹⁰. Кроме этого, суд, исходя из личности виновного, его семейных отношений, определял, возможно ли исправление подсудимого без изоляции от общества. Логично предположить, что подсудимый, который заботится и принимает активное участие в воспитании малолетних и несовершеннолетних детей, помогает своим пожилым родителям, имеет крепкую семью, менее склонен к совершению рецидива и всем своим поведением будет доказывать свое исправление без реального отбытия наказания в течение испытательного срока.

В связи с изложенным возникает вопрос о справедливости назначенного наказания в случае с ростовскими рыбаками, так как все они имеют крепкие семейные связи, пожилых родителей, являются родителями малолетних детей, некоторые в ходе предварительного следствия стали молодыми родителями. Логично, что приговор Азовского городского суда Ростовской области от 24.12.2021, дело № 1-363/2021 считают необоснованно суровым и несправедливым не только сами осужденные, правозащитники, но и члены их семей. Лишение свободы – наказание, которое наносит отпечаток на всех членов семьи осужденного, и которое по сути своей является отрезком, вычеркнутым из жизни человека. Еще А.Ф. Кони утверждал (и мы полностью поддерживаем его точку зрения), что «...арест есть вычет из жизни, пополнить который не в состоянии никакая сила человеческая...» [5].

Отсюда вытекает следующий индикатор справедливости судопроизводства – учет влияния назначаемого наказания на жизнь семьи подсудимого при вынесении решения, особенно при назначении наказания в виде лишения свободы. При назначении и исполнении наказания страданиям и лишениям, как правило, подвергаются члены семьи подсудимого, и то, насколько приговор будет юридически грамотно составлен с анализом

последствий не только для осужденного, но и для членов его семьи, позволит сделать судопроизводство прозрачным и понятным для всех участвующих субъектов.

Нами были проанализированы 450 уголовных приговоров по самым распространенным составам УК РФ за период с 2015 по 2021 год. Анализ показал, что лишь в 10% приговоров суд раскрывает влияние назначаемого наказания на семью осужденного. В качестве примера можно привести приговор Красновишерского районного суда Пермского края от 30.01.2020, в котором указано, что процессуальные издержки за участие адвоката на предварительном следствии подлежат взыскать с осужденной. Следует отметить, что суд не принял во внимание утверждение защиты, что взыскание окажет существенное негативное влияние на материальное положение малолетних детей, которые находятся на иждивении у виновной. При этом суд установил сам факт наличия на иждивении у 3-х малолетних детей, «однако в настоящий момент дети 3-х находятся на государственном обеспечении, следовательно, взыскание процессуальных издержек с 3-х не сможет каким-либо образом отразиться на их материальном положении»¹¹. В большинстве случаев суды ограничиваются цитированием стандартной фразы ч. 3 ст. 60 УК РФ.

При изучении данных приговоров возникают вопросы: как судья учитывал влияние приговора на жизнь членов семьи осужденного? какие именно обстоятельства были решающими для судьи при выборе между «изоляционным» наказанием и наказанием без изоляции от общества? Для осужденного, а также для его близких используемая стандартная фраза, как правило, не дает понимания, что при вынесении приговора были учтены все обстоятельства, связанные с семьей подсудимого. Наша точка зрения совпадает с мнением М.Н. Становского, который считает, что в судебном решении должно быть четко изложено, каким образом назначенное наказание влияет на семью осужденного, именно это и будет способствовать «прозрачности» назначения тех или иных уголовно-правовых мер воздействия [7, с. 270].

Нами были проанализированы документы Верховного Суда Российской Федерации, которые разъясняли позицию правоприменителя по изучаемому вопросу в различные периоды времени. Так, действующее постановление Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58 рекомендует судам учитывать, в силу ч. 3 ст. 60 УК РФ, такие обстоятельства, как «...возможная утрата членами семьи осужденного средств к су-

¹⁰ Приговор Первомайского районного суда г. Новосибирска от 30.10.2020, дело № 1-389/2020 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>; Приговор Комсомольского районного суда Хабаровского края от 02.07.2018, дело № 1-83/2018 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>; Приговор Икрянинского районного суда Астраханской области от 22.04.2021, дело № 1-6/2021(1-185/2020) [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>; Приговор Омского районного суда Омской области от 12.08.2020, дело № 1-170/2020 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>; Приговор Саргатского районного суда Омской области от 13.11.2020, дело № 1-60/2020 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>; Приговор Нариманского районного суда Астраханской области (данные о дате и месте изъятия), дело № 1-143/2020 [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 15.02.2022).

¹¹ Приговор Красновишерского районного суда Пермского края от 30.01.2020, дело № 1-5/2020 (1-114/2019) [Электронный ресурс] // ГАС РФ «Правосудие». – URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html> (дата обращения: 21.02.2022).

ществованию в силу возраста, состояния здоровья, при этом могут быть приняты во внимание и фактические семейные отношения». Данный перечень открытый, что, с одной стороны, дает правоприменителю возможность подходить к каждому случаю индивидуально, а с другой стороны – может приводить к буквальной трактовке данного пункта. Ранее действовавшее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.1999 № 40 также содержало разъяснение влияния назначаемого наказания на условия жизни семьи подсудимого: «выяснение, является ли подсудимый единственным кормильцем в семье; есть ли иждивенцы несовершеннолетние дети, престарелые родители; установление фактов, свидетельствующих об отрицательном поведении подсудимого в семье (пьянство, жестокое обращение с членами семьи, отрицательное влияние на воспитание детей и др.)». Здесь более детально указаны основные моменты, на которые должен обратить внимание правоприменитель при вынесении наказания. На наш взгляд, данная формулировка более удачная. Считаем, необходимо внести изменения в п. 27 действующего постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2015 № 58, изложив этот пункт в следующей редакции: «В силу части 3 статьи 60 УК РФ при назначении наказания судам наряду с характером и степенью общественной опасности преступления, данными о личности виновного,

обстоятельствами, смягчающими и отягчающими наказание, также надлежит учитывать влияние назначенного наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи (например, возможную утрату членами семьи осужденного средств к существованию в силу возраста, состояния здоровья; установление его роли в семье (жестокое обращение с членами семьи, отрицательное либо положительное влияние на воспитание детей, оказание материальной помощи ребенку, оказание посильной помощи пожилым родителям и др.)), при этом могут быть приняты во внимание и фактические семейные отношения...».

Данное изменение позволит акцентировать внимание правоприменителей на необходимости всестороннего изучения роли подсудимого в семье, влияния назначаемого наказания на жизнь семьи подсудимого, а также включения данных сведений в мотивировочную часть приговора.

Подводя итог вышесказанному, необходимо отметить, что механизм назначения наказания должен содержать совокупный учет всех требований общих начал назначения наказания. Особенно важен не только учет семейных отношений подсудимого при выборе размера и вида наказания, но и влияние назначенного наказания на условия жизни его семьи. Именно совокупность этих двух составляющих является своего рода индикатором справедливости назначенного наказания как для самого осужденного, так и для близких ему людей.

Литература

1. **Вопленко Н.Н.** Понятие и виды юридической справедливости // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2011. – № 2 (15). – С. 7–17.
2. **Маркс К., Энгельс Ф.** Сочинения: в 30 т. – 2-е изд. – Москва: Госполитиздат, 1954. Т. 1. – 698 с.
3. **Шаргородский М.Д.** Наказание по уголовному праву: в 2 т. Т. 1: Наказание по уголовному праву эксплуататорского общества. – Москва, 1957. – 304 с.
4. **Корсаков К.В.** Религиозный подход к преступлению и наказанию: от принципа талиона и кровной мести к доктрине покаяния // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2015. – Т. 15. – № 3. – С. 147–159.
5. Правовые воззрения А.Ф. Кони / под общей редакцией В.Г. Базанова, Л.Н. Смирнова, К.И. Чуковского [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/22372/ogl.shtml>. (дата обращения: 15.02.2022).
6. **Соколова А.В.** Особенности учета семейных отношений при назначении мер уголовно-правового воздействия: сравнительно-правовой анализ // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2021. – № 3 (29). – С. 68–72.
7. **Становский М.Н.** Назначение наказания. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 1999. – 480 с.

References

1. **Voplenko N.N.** Ponyatie i vidy yuridicheskoi spravedlivosti // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudentsiya. – 2011. – № 2 (15). – S. 7–17.
2. **Marks K., Engel's F.** Sochineniya: v 30 t. – 2-e izd. – Moskva: Gospolitizdat, 1954. T. 1. – 698 s.
3. **Shargorodskii M.D.** Nakazanie po ugovolnomu pravu: v 2 t. T. 1: Nakazanie po ugovolnomu pravu ekspluatatorskogo obshchestva. – Moskva, 1957. – 304 s.
4. **Korsakov K.V.** Religioznyy podkhod k prestupleniyu i nakazaniyu: ot printsipa taliona i krovnoi mesti k doktrine pokayaniya // Nauchnyy ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. – 2015. – T. 15. – № 3. – S. 147–159.
5. Pravovye vozzreniya A.F. Koni / pod obshchei redaktsiei V.G. Bazanova, L.N. Smirnova, K.I. Chukovskogo [Elektronnyy resurs]. – URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/22372/ogl.shtml>. (data obrashcheniya: 15.02.2022).
6. **Sokolova A.V.** Osobennosti ucheta semeinykh otноshenii pri naznachenii mer ugovolno-pravovogo vozdeistviya: sravnitel'no-pravovoi analiz // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii. – 2021. – № 3 (29). – S. 68–72.
7. **Stanovskii M.N.** Naznachenie nakazaniya. – Sankt-Peterburg: Yurid. tsentr Press, 1999. – 480 s.

(статья сдана в редакцию 14.03.2022)

НЕЗАКОННОЕ ОБНАЛИЧИВАНИЕ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ КАК УГРОЗА ЭКОНОМИЧЕСКОМУ РОСТУ И ПРОБЛЕМА УГОЛОВНО- ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

UNLAWFUL CASHING OUT AS THE THREAT TO ECONOMIC GROWTH AND THE PROBLEM OF CRIMINAL OFFENCE CHARACTERIZATION

УДК 343.7

А.Ю. ВВЕДЕНСКИЙ,

кандидат юридических наук, доцент
(Приволжский филиал Российского государ-
ственного университета правосудия,
Нижний Новгород, Россия)
vvedensky.an@yandex.ru

ANDREY YU. VVEDENSKY,

Candidate of Law, Associate Professor
(Privolzhsky branch of Russian
State University of Justice,
Russia, Nizhny Novgorod)

Аннотация: незаконное обналичивание денежных средств выступает одним из инструментов по использованию противоправного вывоза их за рубеж, широко используется для уклонения от уплаты налогов, легализации денежных средств, нажитых преступным путем, создания наличных денежных средств, не отраженных в бухгалтерских документах хозяйствующего субъекта, для подпитки криминальной среды, формируется теневой сектор экономики, сопровождаемый как общеуголовными, так и экономическими преступлениями. В результате государству наносится значительный ущерб в виде недополученных налогов и сборов, подрываются основы рыночных отношений, стабильность денежной системы. Ущерб от такой деятельности исчисляется миллиардными суммами. Такие действия представляют опасность для экономического роста, а значит, и для всей национальной экономики. Они толкают на совершение других преступлений экономической направленности. Несовершенство уголовного законодательства приводит к определенным трудностям при квалификации такой категории дел, что сказывается на следственно-судебной практике. Она показывает различные точки зрения на идентичные ситуации, что говорит об отсутствии единообразия в правоохранительной деятельности, связанной с противодействием обналичиванию денежных средств, а это сказывается на работе как оперативных, так и следственных органов. В этой ситуации необходимо осмысление и принятие соответствующей уголовно-правовой нормы за незаконное обналичивание денежных средств, что позволит правильно квалифицировать такого рода преступления и улучшить работу правоохранительных органов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений. Внесено предложение по совершенствованию уголовного законодательства.

Ключевые слова: уголовно-правовая квалификация, уголовная ответственность, незаконное обналичивание денежных средств, национальная экономика.

Для цитирования: Введенский А.Ю. Незаконное обналичивание денежных средств как угроза экономическому росту и проблема уголовно-правовой квалификации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 32–35.

Abstract: illegal cashing of funds is one of the tools for using their illegal export abroad, which is widely used to evade taxes, legalize money acquired by criminal means, create «black cash» to feed the criminal environment, the shadow sector of the economy is being formed, accompanied by both ordinary and economic crimes. As a result, the state suffers significant damage in the form of lost taxes and fees, the foundations of market relations are undermined, and the stability of the monetary system is undermined. The damage from such activities is estimated in billions of dollars. Such actions pose a danger to economic growth, and therefore to the entire national economy. They push to commit other economic crimes. The imperfection of the criminal legislation leads to certain difficulties in qualifying this category of cases, which affects the investigative and judicial practice. It shows different points of view on identical situations, which indicates a lack of uniformity in law enforcement activities related to combating the cashing of funds, and this affects the work of both operational and investigative bodies. In this situation, it is necessary to comprehend and adopt the relevant criminal law for illegal cashing of funds, which will correctly qualify such crimes and improve the work of law enforcement agencies in detecting, detecting and investigating crimes. A proposal has been made to improve the criminal legislation.

Keywords: criminal law qualification, criminal liability, illegal cashing of funds, national economy.

For citation: Vvedensky A.Yu. Unlawful cashing out as the threat to economic growth and the problem of criminal offence characterization // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 32–35

Сегодня незаконное обналичивание денежных средств выступает одним из инструментов по использованию противоправного вывоза их за рубеж. Государству необходимо обращать особое внимание на такие сомнительные операции, так как они несут явные угрозы экономическому росту, а значит, и всей национальной экономике.

Незаконное обналичивание широко используется для уклонения от уплаты налогов, легализации денежных средств, нажитых преступным путем, создания наличных денежных средств, не отраженных в бухгалтерских документах хозяйствующего субъекта, для подпитки криминальной среды, формируется теневой сектор экономики, сопровождаемый как общеуголовными, так и экономическими преступлениями. В результате государству наносится значительный ущерб в виде недополученных налогов и сборов, подрываются основы рыночных отношений, стабильность денежной системы.

Все это негативно сказывается на инвестиционном климате и на развитии нормальной предпринимательской деятельности. Неслучайно одной из основных задач, согласно «Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»¹, является противодействие переводу безналичных денежных средств в теневой оборот наличных денежных средств и легализации доходов, полученных преступным путем от предикатных экономических преступлений. Сегодня, как отметил Президент Российской Федерации В.В. Путин, необходимо создавать «максимально благоприятные условия для развития экономики внутри страны. Эта задача государственная, общенациональная»².

Государственные структуры не в силах противодействовать этому процессу. Данный теневой «бизнес» не стоит на месте, он вышел на международный уровень. Выдвинутые со стороны США и Евросоюза санкции не способны остановить это общественно опасное явление, они смогут его только приостановить и то на некоторое время. На смену одним игрокам придут другие. Государство должно быть к этому готово.

Нелегальный отток денежных средств из национальной экономики происходит противоправными действиями путем незаконного обналичивания.

¹ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.

² Выступление на расширенном заседании коллегии МВД России Президента Российской Федерации В.В. Путина за 2018 год [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 27.02.2022).

В официальных нормативных документах сам термин «обналичивание» отсутствует, но воспринимается государством, обществом и гражданами как негативные операции с денежными средствами путем перевода безналичной в наличную форму.

Перечисленные денежные средства обналичиваются и возвращаются за минусом процентов в виде комиссионных. Лица, занимающиеся такими финансовыми операциями, за свои услуги получают от 10 и более процентов в зависимости от суммы обналичивания. Такие финансовые операции могут состоять из одного или из нескольких действий. Основной объем осуществляется по стандартной схеме с использованием фиктивных договоров. Данный способ из года в год совершенствуется и усложняется, а для осуществления преступных замыслов привлекаются все новые и новые «игроки».

Такие действия, как было отмечено выше, представляют опасность для экономического роста [1, с. 100], а значит, и для всей национальной экономики. Они толкают на совершение других преступлений экономической направленности, которые связаны с незаконным обналичиванием денежных средств. Лица, совершающие такие действия, должны нести уголовную ответственность. На протяжении длительного времени «вне поля уголовно-правового регулирования остаются различные схемы обналичивания» [2, с. 7]. Для исправления этой ситуации необходимо принять комплекс уголовно-правовых норм, которые позволили бы правильно квалифицировать такого рода преступления.

Незаконное обналичивание денежных средств объясняется тем, что оно обеспечивается совершением таких преступлений, как мошенничество (ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации³); незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ); незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ); незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица (ст. 173.1 УК РФ); незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица (ст. 173.2 УК РФ); неправомерный оборот средств платежей (ст. 187 УК РФ); получение взятки (ст. 290 УК РФ); дача взятки (ст. 291 УК РФ); посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ); мелкое взяточничество (ст. 291.2 УК РФ); служебный подлог (ст. 292 УК РФ); уклонение физического лица от уплаты налогов, сборов и (или) физического лица – плательщика страховых взно-

³ Далее – УК РФ.

сов от уплаты страховых взносов (ст. 198 УК РФ); уклонение от уплаты налогов, сборов, подлежащих уплате организацией, и (или) страховых взносов, подлежащих уплате организацией, – плательщиком страховых взносов (ст. 199 УК РФ); подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков (ст. 327 УК РФ).

Наиболее криминальной считается схема хищений бюджетных денежных средств с последующим их обналичиванием. Немаловажную роль здесь играет коррупционная составляющая. Широкое распространение такие действия получили при государственных заказах. Должностные лица перечисляют денежные средства на счет поставщика государственного заказа, те в свою очередь для сокрытия своих криминальных действий и исполнения своих «обязательств» привлекает «фирмы-однодневки» или «лжепредприятия», оформленные на подставных лиц, с использованием недействительных или поддельных паспортов.

Так, например, в 2020 году возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 и ч. 2 ст. 292 УК РФ в отношении преступной группы. В ходе предварительного расследования установлено, что председатель комитета финансов Выборгского района Ленинградской области гражданин «Б» по предварительному сговору с другими лицами, используя подложные документы о выполнении работ по капитальному и текущему ремонту зданий и помещений, которые в действительности не выполнялись, в период с января по октябрь 2019 года перечислил на банковские счета предприятий, не осуществляющих финансово-хозяйственную деятельность, денежные средства, которые в последующем были обналичены. В результате бюджету района причинен ущерб в размере более 764 млн рублей.

В Особенной части УК РФ отсутствует специальная норма, устанавливающая ответственность за подобные действия, «у ученых и правоприменителей нет общего согласия, касающегося применения той или иной уголовно-правовой нормы» [3, с. 358]. «Практика показывает различные точки зрения на идентичные ситуации, что говорит об отсутствии единообразия в правоохранительной деятельности, связанной с противодействием обналичиванию денежных средств, и бессистемности соответствующих законодательных положений» [4, с. 88].

В этой ситуации возникает закономерный вопрос: какую норму уголовного права необходимо применить при квалификации незаконного обналичивания денежных средств? Отсутствие единого подхода к юридической оценке указанных действий, бесспорно, сказывается на деятельности всей правоохранительной системы.

Будет ошибкой утверждать, что такие действия, как нелегальное или незаконное обналичивание

денежных средств, остались вне поля зрения исследователей, особенно по вопросу квалификации указанных преступлений. Да и правоприменитель ищет свои пути преодоления этой преграды, так как понимает, что таким незаконным действиям должна быть дана уголовно-правовая оценка.

На практике уголовно-правовая оценка таким действиям дается через составы преступлений, предусмотренных, как правило, ст. 171 «Незаконное предпринимательство»; ст. 172 «Незаконная банковская деятельность»; ст. 173.1 «Незаконное образование (создание, реорганизация) юридического лица»; ст. 173.2 «Незаконное использование документов для образования (создания, реорганизации) юридического лица»; ст. 174 «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных другими лицами преступным путем»; ст. 174.1 Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления»; ст. 187 «Неправомерный оборот средств платежей»; ст. 327 «Подделка, изготовление или сбыт поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей, бланков» УК РФ.

Применение такого количества уголовно-правовых норм приводит к определенным трудностям при квалификации незаконного обналичивания денежных средств, поскольку расширенное толкование или толкование в неполной мере норм уголовного права оказывает противодействие по делам такой категории. Специалисты отмечают, что «несмотря на обилие составов преступлений, предусматривающих ответственность за отдельные деяния при незаконном обналичивании, эффективность уголовно-правовых норм противодействия самому общественно вредному явлению крайне низкая. Причина – отсутствие отдельной уголовно-правовой нормы...» [5, с. 103].

Используемые преступные схемы по незаконному обналичиванию денежных средств для обхода действующего законодательства постоянно совершенствуются, что делает возможным лицам безнаказанно совершать такие преступления. Проведенный анализ позволяет сделать вывод об отсутствии единообразного подхода, связанного с квалификацией преступных действий по незаконному обналичиванию денежных средств.

Все это, бесспорно, сказывается на работе оперативных и следственных органов. В этой ситуации необходимо осмысление и принятие соответствующей уголовно-правовой нормы за незаконное обналичивание денежных средств, что позволит правильно квалифицировать такого рода преступления и улучшить работу правоохранительных ор-

ганов по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений.

С учетом существующей практики, которая складывается сегодня на примере вышеуказанных статей УК РФ, и для совершенствования уголовного законодательства необходимо предусмотреть уголовную ответственность за рассматриваемые действия и дополнить Уголовный кодекс Российской Федерации новой статьей 172.4 «Незаконное обналичивание денежных средств», которую изложить в следующей редакции: *проведение финансовых операций, совершаемых в противоправных целях и причиняющих вред законным интересам, через расчетные счета юридических и физических лиц, а также с использованием банковских карт по незаконному переводу из безналичной в наличную форму за вознаграждение в любой форме – наказывается...*

Такие действия следует рассматривать как тяжкое преступление. Если же они причинили особо крупный ущерб или совершены организованной преступной группой, то деяние должно быть отнесено к категории особо тяжких.

Принятые меры окажут существенную помощь всей правоохранительной системе, в том числе и оперативно-розыскным и следственным органам, по противодействию данному общественно опасному явлению.

Эффективность оперативной и следственной работы зависит от уголовно-правовой квалификации совершаемых действий, что позволит своевременно выдвинуть оперативные и следственные версии, а также спланировать как оперативно-розыскные мероприятия по документированию преступных действий, так и следственные действия для получения доказательств.

Литература

1. **Введенский А.Ю.** Организация оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел по обеспечению экономического роста в Российской Федерации: основы частной теории: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. В.Н. Григорьева. – Москва: Юрлитинформ, 2021. – 344 с.
2. **Абдул-Кадиров Ш.М.** Противодействие незаконному обналичиванию денежных средств // *Законность*. – 2018. – № 10. – С. 3–7.
3. **Фролов К.В.** О некоторых правовых аспектах деятельности по незаконному обналичиванию денежных средств как виду незаконной банковской деятельности // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2015. – № 1 (29). – С. 357–361.
4. **Овчинников Д.К.** Отдельные аспекты уголовно-правового противодействия незаконному обналичиванию денежных средств: проблематика и направления совершенствования // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. – 2021. – № 3 (58). – С. 86–93.
5. **Мамаев М.И.** Уголовно-правовые меры противодействия незаконному обналичиванию денежных средств в условиях инновационной экономики // *Закон и право*. – 2021. – № 7. – С. 102–104.

References

1. **Vvedenskii A. Yu.** Organizatsiya operativno-rozysknoi deyatel'nosti organov vnutrennikh del po obespecheniyu ekonomicheskogo rosta v Rossiiskoi Federatsii: osnovy chastnoi teorii: monografiya / pod red. d-ra yurid. nauk, prof. V.N. Grigor'eva. – Moskva: Yurilitinform, 2021. – 344 s.
2. **Abdul-Kadyrov Sh.M.** Protivodeistvie nezakonnomu obnalichivaniyu denezhnykh sredstv // *Zakonnost'*. – 2018. – № 10. – S. 3–7.
3. **Frolov K.V.** O nekotorykh pravovykh aspektakh deyatel'nosti po nezakonnomu obnalichivaniyu denezhnykh sredstv kak vidu nezakonnoi bankovskoi deyatel'nosti // *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii*. – 2015. – № 1 (29). – S. 357–361.
4. **Ovchinnikov D.K.** Otdel'nye aspekty ugovolno-pravovogo protivodeistviya nezakonnomu obnalichivaniyu denezhnykh sredstv: problematika i napravleniya sovershenstvovaniya // *Vestnik Volgogradskoi akademii MVD Rossii*. – 2021. – № 3 (58). – S. 86–93.
5. **Matayev M.I.** Ugolovno-pravovye mery protivodeistviya nezakonnomu obnalichivaniyu denezhnykh sredstv v usloviyakh innovatsionnoi ekonomiki // *Zakon i pravo*. – 2021. – № 7. – S. 102–104.

(статья сдана в редакцию 15.07.2022)

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ПОРНОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF ILLEGAL TRAFFICKING OF PORNOGRAPHIC MATERIALS USING THE INTERNET

УДК 343.5

И.А. БЕЛЕЦКИЙ,
кандидат юридических наук
(Омская академия МВД России,
inik@inbox.ru)

ILYA A. BELETSKIY,
Candidate of Law
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

К.Н. КАРПОВ,
кандидат юридических наук, доцент
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
kkn83@mail.ru

KIRILL N. KARPOV,
Candidate of Law, Associate Professor
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: в статье раскрываются признаки состава преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 242 УК РФ. Акцент в работе делается на уголовно-правовой оценке распространения порнографии в сети Интернет, в том числе посредством онлайн-трансляции видео порнографического содержания. Авторы приходят к выводу о том, что редакция п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ до изменения его Федеральным законом от 06.03.2022 № 38-ФЗ охватывала случаи распространения порнографии только в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), не относящихся к СМИ, что являлось следствием законодательной ошибки. Указывается, что само по себе хранение на компьютере порнографических материалов с установленной программой для их автоматической раздачи не свидетельствует об умысле на распространение таких материалов. Раскрываются признаки объективной стороны состава преступления, которые могли бы позволить установить направленность умысла виновного. Онлайн-трансляции сцен порнографического характера, к которым относится веб-кам, предлагается считать демонстрацией для целей применения ст. 242 УК РФ. Предлагается уголовно-правовая оценка действий актеров, участвовавших в создании видеотрансляции порнографии, ведущейся в режиме реального времени.

Ключевые слова: незаконный оборот порнографии, распространение порнографии, демонстрация порнографии, веб-кам, уголовная ответственность, статья 242 УК РФ.

Для цитирования: Белецкий И.А., Карпов К.Н. Уголовно-правовая оценка незаконного оборота порнографических материалов с использованием сети Интернет // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 36–41.

Abstract: the article reveals the signs of the corpus delicti, the responsibility for which is provided for in Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation. The focus of the work is on the criminal legal assessment of the spread of pornography on the Internet, including through the online broadcast of pornographic content videos. The authors come to the conclusion that the editorial board of paragraph «B» of Part 3 of art. 242 of the Criminal Code of the Russian Federation before its amendment by Federal Law No. 38-FZ of 06.03.2022 covered cases of pornography distribution only in information and telecommunication networks (including the Internet) that are not related to the media, which was a consequence of a legislative error. It is indicated that the mere storage of pornographic materials on a computer with a program installed for their automatic distribution does not indicate intent to distribute such materials. The signs of the objective side of the corpus delicti are revealed, which could make it possible to establish the direction of the perpetrator's intent. Online broadcasts of pornographic scenes, which include webcam, are proposed to be considered a demonstration for the purposes of applying Article 242 of the Criminal Code of the Russian Federation. A criminal-legal assessment of the actions of the actors involved in the creation of a video broadcast of pornography conducted in real time is proposed.

Keywords: illegal trafficking of pornography, distribution of pornography, demonstration of pornography, webcam, criminal liability, art. 242 of the Criminal Code of the Russian Federation.

For citation: Beletskiy I.A., Karpov K.N. Criminal law assessment of illegal trafficking of pornographic materials using the Internet // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 36–41.

Отечественная правовая система построена на необходимости соблюдения нравственных норм, касающихся интимного характера половых (сексуальных) взаимоотношений и пагубном влиянии на общественное сознание случаев публичной демонстрации (распространения) порнографических материалов (предметов). Уголовно-правовой охране этих отношений посвящена ст. 242 УК РФ. Наиболее распространенным является преступление, ответственность за которое предусмотрена п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ. Буквальное толкование признаков этого состава преступления в редакции до 06.03.2022 позволяет утверждать, что его применение возможно только в случае распространения, публичной демонстрации или рекламирования порнографических материалов (далее – распространение порнографии) в средствах массовой информации.

Невозможность применения рассматриваемого признака в случае распространения порнографии в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть Интернет), не относящихся к СМИ, объясняется тем, что союз «в том числе» употребляется при присоединении члена предложения, который является частью целого (о котором говорится в первой части предложения), соответствуя по значению. Из сказанного следует, что действовавшая до 06.03.2022 редакция п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ относит информационно-телекоммуникационные сети (включая сеть Интернет) к разновидности средств массовой информации.

Безусловно, такая формулировка нормы являлась неверной, содержащей логическую ошибку.

Федеральным законом от 06.03.2022 № 38-ФЗ п. «Б» ч. 3 ст. 242 УК РФ изложен в новой редакции: *с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»*. Изменение статьи принципиально повлияло как на содержание квалифицирующего признака, так и на его понимание в правоприменительной практике. Таким образом, на сегодняшний день указанная формулировка позволяет квалифицировать по этим признакам случаи распространения порнографии с использованием сети Интернет на любых сайтах, в социальных сетях, мессенджерах, даже не являющихся средствами массовой информации¹.

¹ Интересно отметить, что законопроект о внесении изменений в п. «Б» ч. 3 ст. 242 УК РФ был внесен в Государственную Думу Российской Федерации еще в 2018 году.

Указанные выше рассуждения остаются актуальными в связи с правилом, установленным в ч. 1 ст. 9 УК РФ, в случае выявления комментируемых преступлений, совершенных до вступления в силу Федерального закона от 06.03.2022 № 38-ФЗ.

Несмотря на то, что сложность применения п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ фактически снята Федеральным законом от 06.03.2022 № 38-ФЗ, и само по себе распространение порнографии с использованием сети Интернет образует преступление с квалифицирующим признаком, на практике встречаются сложности в уголовно-правовой оценке исследуемого деяния в части субъективной стороны состава – умысла на распространение.

Полагаем, что возможность/невозможность привлечения лиц к уголовной ответственности за распространение порнографии должна оцениваться по объективной стороне. Признаки субъективной стороны состава преступления сложно доказываются, тем более в ситуациях, когда распространение того или иного контента осуществляется автоматически. Полагаем, что оценке в первую очередь должны подвергаться признаки объективной стороны состава преступления, которые имеют свои особенности, а их правильная оценка позволит установить направленность умысла виновного, который объективизируется посредством его конкретных действий.

В кассационном определении от 10.07.2019 № 16-УД19-7 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации указала, что факт общедоступности порнографических материалов, скачанных подсудимым с использованием файлообменной программы, работающей по принципу СИД/ПИР, не является достаточным доказательством умысла на распространение таких материалов². Цель может быть факультативным признаком вины в исследуемом преступлении, однако установить такую цель так же сложно, как и прямой умысел на распространение порнографии. Ситуация, когда подозреваемый назовет целью хранения на своем компьютере порнографических материалов, скачанных при помощи торрент-сервиса, их распространение, является маловероятной, в связи с чем необходимо искать признаки преступления в объективной стороне.

² <https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoikollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-10072019-n-16-ud19-7/> (дата обращения: 01.10.2022)

Одним из действий, которое может свидетельствовать об умысле виновного распространять порнографию, является перемещение файла³ из одной директории в другую. В стандартной (некриминальной) ситуации файлообменная программа автоматически создает директорию на жестком диске, в которую попадают все скачанные с ее помощью файлы, и которые из этой директории становятся общедоступными. В этом случае распространения по смыслу ст. 242 УК РФ нет, что подтверждает и судебная практика.

Аналогичным образом высказалась Судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции в определении от 05.03.2020 № 77-214/2020: «Возможность скачивать файлы другими пользователями сама по себе не свидетельствует о прямом умысле осужденного на их распространение».

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации отмечает: «Помимо этого, установив, что программа «StrongDC++», являющаяся программой файлообменной сети «<...>», позволяет пользователям сети «Интернет», установившим на принадлежащих им компьютерах программу, работающую по принципу «<...>», осуществлять скачивание и передачу файлов в свободном доступе, суд не привел доказательств, свидетельствующих о том, что файлы с порнографическими изображениями, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, были распространены в результате прямого умысла Хоммика А.В., а не в результате особенностей работы программы, установленной на компьютере, которая автоматически передавала скачанные файлы»⁴. Такой подход поддержал и Верховный Суд Российской Федерации⁵.

Н.А. Колоколов отмечает, что борьба с порнографией свелась к автоматизированному поиску лиц, вина которых заключается в скачивании порнороликов и их размещении на личных страничках в интернете [1, с. 77].

Преступление следует считать оконченным с момента предоставления виновным доступа для получения порнографических материалов или

предметов группой или неограниченным кругом лиц (публичная оферта, обеспечение доступа для копирования порнографического материала в информационно-телекоммуникационной сети общего пользования и т.п.) [2, с. 44].

Так, М. признан виновным в том, что, являясь пользователем локальной файлообменной сети интернет-провайдера, умышленно хранил в целях распространения и распространял путем обеспечения общего доступа неограниченному количеству пользователей материалы с порнографическими изображениями несовершеннолетних, а также лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста. В ответ на доводы кассационной жалобы защитника о том, что осужденный не совершал активных действий по распространению порнографических материалов, а лишь создал возможность для их приобретения, поскольку люди сами принимали решение о скачивании этих материалов и самостоятельно совершали действия по их приобретению, суд кассационной инстанции указал, что действия М. по п. «б» ч. 2 ст. 242.1 УК (в ред. Федерального закона от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ) квалифицированы верно. Состав преступления, предусмотренного ст. 242.1 УК, – формальный. Распространение порнографических материалов с изображениями несовершеннолетних и лиц, не достигших четырнадцатилетнего возраста, выразилось в обеспечении осужденным открытого общего доступа неограниченному количеству пользователей к своему компьютеру, где хранились файлы с указанной информацией⁶.

Если виновный умышленно перемещает файл из директории с ограниченным доступом в директорию с общим доступом, то такие действия могут свидетельствовать о прямом умысле на распространение порнографии. Отследить такие перемещения не составит труда в рамках экспертизы.

Определенная особенность существует в распространении файлов посредством торрент-трекеров, которая заключается в том, что посредством этого клиента файл скачивается или «раздается» небольшими кусками от большого числа пользователей, у которых он есть полностью⁷. Полагаем, что в этом случае выявить признаки преступления не представляется возможным. Исключение составляет тот случай, когда торрент-файл создает виновный, другими словами, когда он является «нулевым

³ Здесь и далее имеются в виду файлы, которые содержат в себе информацию порнографического характера.

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.07.2021 № 89-УД21-8-К7.

⁵ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 04.08.2022 № 127-УД22-12-К4.

⁶ Кассационное определение Тульского областного суда от 26 октября 2011 г. № 22-2581.

⁷ Подробнее см. здесь: <https://utorrent.info/>.

пациентом»⁸, в этом случае объективные действия по созданию торрент-файла свидетельствуют об умысле лица на распространение порнографии.

Для установления умысла лица на предоставление неограниченному кругу пользователей доступа к материалам и предметам порнографического содержания необходимо в каждом конкретном случае устанавливать наличие либо отсутствие у лица особых технических знаний, проводить оценку действий, совершаемых лицом в процессе размещения файлов, определять, имело ли место их последующее удаление. В ситуациях, когда по названию файла нельзя понять его точное содержание, не следует говорить о наличии прямого умысла на хранение и дальнейшее распространение материалов и предметов порнографического содержания [3, с. 85].

В правоприменительной деятельности возникают вопросы: может ли видеотрансляция порнографии, осуществляемая с использованием интернет-ресурса (сайта) в режиме реального времени (онлайн) квалифицироваться как незаконные изготовление, публичная демонстрация или распространение порнографических материалов по ст. 242 УК РФ? [4, с. 1123].

В.В. Ровнейко и А.В. Кайшев утверждают, что существующий в форме онлайн-деятельности вид услуг сексуального характера, порицаемый с точки зрения общественной нравственности и общепринятых норм морали, не может быть квалифицирован как незаконные изготовление, публичная демонстрация или распространение порнографических материалов по ст. 242 УК РФ в связи с отсутствием фиксации происходящего онлайн-общения на материальном носителе и адресованности таких действий конкретному лицу (лицам). Они обосновывают свою позицию тем, что онлайн-трансляция не отвечает признакам предмета указанного преступления, а трансляция ограниченному (определяемому) кругу лиц не свидетельствует о распространении, а говорит скорее о «предоставлении» информации [4, с. 1124].

Считаем, что подобное толкование не является верным.

⁸ Подробнее см. здесь: <https://utorrent.info/dokumentatsiya-2/kak-sozdat-torrent/>. На всероссийской научно-методической конференции «Вопросы подготовки кадров, специализирующихся на предотвращении, выявлении, раскрытии и расследовании IT-преступлений», проходившей 25 мая 2022 года в УрЮИ МВД России, представители Института радиоэлектроники и информационных технологий Уральского федерального университета сообщили, что установление этих обстоятельств является возможным.

1. Цель запрета – ограничить оборот продукции независимо от того, получает ли возможность ее получить ограниченный круг лиц или нет, и от того, можно ли идентифицировать лиц или нет. В настоящее время вообще вряд ли можно говорить о том, что лицо, не использующее специальных знаний, может оставаться в сети Интернет не идентифицированным.

2. В самой работе указанных авторов говорится о том, что «в ч. 5 ст. 30 Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений от 25 октября 2007 г. в части запрета обращения указаны «порнографические материалы с детьми, такие, как фотографии и аудиовизуальные записи, переданные или предоставленные посредством информационно-коммуникационных технологий». Указанное определение не исключает возможность признания порнографическим материалом онлайн-аудиовизуальной записи, предоставленной посредством сети Интернет.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 25.04.2019 № 1174-О «Вопреки доводам заявителя, использованный федеральным законодателем в этой статье термин «порнографические материалы или предметы» согласуется с определением понятия «детская порнография» в пункте «с» статьи 2 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, и в пункте 2 статьи 20 Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений».

В пункте «с» статьи 2 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка детская порнография означает любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка главным образом в сексуальных целях.

Такое толкование вполне допустимо и для целей применения ст. 242 УК РФ.

Верно отмечает М.М. Заирная, что видеоролик традиционно квалифицируется как порнографический материал, а то, что он транслируется в режиме реального времени, не означает, что он не «опредмечен», поскольку доступен для восприятия и представляет собой составленную последовательность кадров [5, с. 17].

Добавим, что в отличие от реальной сексуальной сцены, то есть когда лицо может

наблюдать половой акт в месте его совершения, его онлайн-трансляция все же должна признаваться материалом для целей применения ст. 242 УК РФ. Отличие этих ситуаций заключается в том, что онлайн-трансляция – опосредована, а значит, представляет собой порнографический материал в форме видеозаписи.

3. Судебной практике известны противоправные деяния, связанные с публичной демонстрацией порнографического контента, которые получали уголовно-правовую оценку по соответствующей части ст. 242 УК РФ.

Так, И. Блинников со своего компьютера подобрал пароль к программе 3starsMedia и скопировал на сайт компании свой аудиовизуальный файл с порнофильмом, который стал транслироваться на рекламном щите. Его осудили по ч. 1 ст. 272 УК РФ (Неправомерный доступ к компьютерной информации) и ст. 242 (Незаконное распространение порнографических материалов)⁹.

В г. Санкт-Петербурге расследуется уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного соответствующей частью ст. 242 УК РФ за проведение онлайн-трансляций так называемых «веб-кам моделей»¹⁰. Аналогичное дело расследуется в УМВД России по Омской области¹¹. Действия участников квалифицированы органами предварительного расследования по ст. 242 УК РФ.

Для целей применения ст. 242 УК РФ онлайн-трансляция порнографии должна считаться демонстрацией, а не распространением. Распространение возможно только в отношении материалов «в статичной форме» [4, с. 1124]. При этом особенностью диспозиции комментируемой нормы является то, что демонстрация должна быть публичной, отсюда следует вывод о том, что по делам о публичной демонстрации порнографии в формате онлайн необходимо устанавливать возможность подключения к трансляции неограниченного числа пользователей, то есть признак публичности. Указанный признак допустимо толковать так же, как в статьях 207.1 и 207.2 УК РФ – если трансляция адресована группе или неограниченному

кругу лиц¹², в отличие от распространения¹³. В том случае, когда онлайн-трансляция осуществляется в пользу одного потребителя, указанные действия в условиях цифровизации общественных отношений могут быть расценены как получение сексуальных услуг, но не распространение и не публичная демонстрация порнографических материалов.

Таким образом, *онлайн-трансляцию порнографических материалов* необходимо рассматривать как публичную демонстрацию порнографии с использованием сети Интернет, что образует объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ.

Вместе с тем возникает вопрос о том, являются ли актеры (веб-кам модели) исполнителями преступления. По общему правилу они могут быть признаны пособниками в распространении порнографии. В том случае, если есть основания полагать, что они осознанно совершали указанные действия в составе организованной группы, тогда согласно правилу ч. 3 ст. 35 УК РФ, они несут ответственность как соисполнители без ссылки на ст. 33 УК РФ. Другими словами, необходимо устанавливать, осознавали ли актеры свое участие в совершении преступления в составе организованной группы или принимали разовое участие в единичном акте создания и (или) распространения порнографического материала. В последнем случае ответственность должна наступать за совершение преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, но со ссылкой на ч.5 ст. 33 УК РФ (как пособника).

¹² Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 апреля 2020 г.).

¹³ Распространение может толковаться так же, как в других составах, например, «Распространение сведений о частной жизни лица заключается в сообщении (разглашении) их одному или нескольким лицам в устной, письменной или иной форме и любым способом (в частности, путем передачи материалов или размещения информации с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»)» (постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)»). Под распространением таких программ понимается предоставление доступа к ним любому постороннему лицу любым из возможных способов, включая продажу, прокат, бесплатную рассылку по электронной сети, то есть любые действия по предоставлению доступа к программе сетевым или иным способом («Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации» (утв. Генпрокуратурой России)).

⁹ <https://pravo.ru/news/view/54569/> (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁰ <https://www.gazeta.ru/social/2021/04/09/13552322.shtml> (дата обращения: 01.10.2022).

¹¹ <https://ngs55.ru/text/incidents/2022/02/18/70454549/> (дата обращения: 01.10.2022).

Литература

1. **Колоколов Н.А.** Распространение порнографии: ошибки в квалификации // Уголовный процесс. – 2020. – № 9. – С. 75–78.
2. **Шарапов Р.Д.** Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов // Законность. – 2021. – № 8 (1042). – С. 43–48.
3. **Кириллова Н.М.** Размещение материалов и предметов порнографического содержания в сети «Интернет»: особенности уголовной ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2019. – № 6. – С. 83–86.
4. **Ровнейко В.В., Кайшев А.В.** Проблемы применения объективных признаков состава преступления, предусмотренного статьей 242 УК РФ // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2021. – № 6. – С. 1122–1130.
5. **Зазирная М.М.** Квалификация распространения порнографических видеоматериалов в режиме реального времени с использованием сети Интернет // Уголовное право. – 2015. – № 6. – С. 16–22.

References

1. **Kolokolov N.A.** Rasprostranenie pornografii: oshibki v kvalifikacii // Ugolovnyj process. – 2020. – № 9. – S. 75–78.
2. **Sharapov R.D.** Kvalifikaciya prestuplenij, svyazannyh s nezakonnyim oborotom pornograficheskikh materialov i predmetov // Zakonnost'. – 2021. – № 8 (1042). – S. 43–48.
3. **Kirillova N.M.** Razmeshchenie materialov i predmetov pornograficheskogo sodержaniya v seti «Internet»: osobennosti ugovolnoj otvetstvennosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo. – 2019. – № 6. – S. 83–86.
4. **Rovnejko V.V., Kajshev A.V.** Problemy primeneniya ob'ektivnyh priznakov sostava prestupleniya, predusmotrennogo stat'ej 242 UK RF // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo». – 2021. – № 6. – S. 1122–1130.
5. **Zazirnaya M.M.** Kvalifikaciya rasprostraneniya pornograficheskikh videomaterialov v rezhime real'nogo vremeni s ispol'zovaniem seti Internet // Ugolovnoe pravo. – 2015. – № 6. – S. 16–22.

(статья сдана в редакцию 10.10.2022)

**ПРОИЗВОДСТВО, ПРИОБРЕТЕНИЕ, ХРАНЕНИЕ,
ПЕРЕВОЗКА ИЛИ СБЫТ ТОВАРОВ И ПРОДУКЦИИ БЕЗ
МАРКИРОВКИ И (ИЛИ) НАНЕСЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ,
ПРЕДУСМОТРЕННОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (СТ. 171¹ УК РФ):
ОСОБЕННОСТИ КРИМИНООБРАЗУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ И
ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ**

**PRODUCTION, PURCHASE, STORAGE, TRANSPORTATION
OR SALE OF GOODS AND PRODUCTS WITHOUT
MARKING AND (OR) INFORMATION PROVIDED FOR
BY THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
(ARTICLE 171¹ OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN
FEDERATION): SIGNS OF A CRIME AND QUESTIONS OF
QUALIFICATION**

УДК 343.79

А.А. ХАРЛАМОВА,

кандидат юридических наук, доцент
(Уральский юридический институт МВД России,
Россия, Екатеринбург)
up-kafedra@mail.ru

ALENA A. KHARLAMOVA,

Candidate of Law, Associate Professor
(Ural Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Yekaterinburg, Russia)

Д.С. ТОКАРЕВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Российский государственный
профессионально-педагогический университет,
Россия, Екатеринбург)
tokarev@uralweb.ru

DENIS S. TOKAREV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Russian State Vocational
Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia)

Аннотация: статья посвящена проблемным вопросам уголовной ответственности за производство, приобретение, хранение, перевозку или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации. На основе сложившихся в науке уголовного права доктринальных положений и практики применения представлено толкование объективных и субъективных признаков составов преступлений, сформулированных в ст. 171¹ УК РФ, определено их влияние на квалификацию, выявлены проблемы, возникающие у правоприменителей при юридической оценке. Освещены ключевые положения нормативных актов, регулирующих оборот различного рода товаров, в том числе алкогольной продукции и табачных изделий, и порядок их маркировки. Приведены разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выдержки из решений судов по конкретным уголовным делам, а также статические данные, отражающие применение имеющихся мер ответственности. Проведено разграничение со смежными деяниями и рассмотрены вопросы квалификации по совокупности с иными преступлениями, в частности, в случаях, когда оборот товаров и продукции сопряжен с использованием поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия или когда предметом оборота является продукция, не отвечающая требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей.

Ключевые слова: уголовная ответственность, оборот алкогольной продукции, оборот табачной продукции, оборот без маркировки, производство, приобретение, хранение, перевозка, сбыт, экономические преступления.

Для цитирования: Харламова А.А., Токарев Д.С. Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 171¹ УК РФ): особенности криминообразующих признаков и вопросы квалификации // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2022. – № 4. – С. 42–49.

Abstract: the article is devoted to the problematic issues of criminal liability for the production, acquisition, storage, transportation or sale of goods and products without marking and (or) application of information provided for by the legislation of the Russian Federation. On the basis of the doctrinal provisions and practice of application that have developed in the science of criminal law, an interpretation of the objective and subjective features of the offenses formulated in Art. 171¹ of the Criminal Code of the Russian Federation, their influence on qualifications is determined, problems that arise for law enforcement officers in the course of legal assessment are identified. The key provisions of normative acts regulating the circulation of various types of goods, including alcoholic beverages and tobacco products, and the procedure for their labeling are highlighted. Explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, excerpts from court decisions on specific criminal cases, as well as statistical data reflecting the application of existing measures of responsibility are given. A distinction is made with related acts and the issues of qualification in conjunction with other crimes are considered, in particular, in cases where the circulation of goods and products is associated with the use of counterfeit excise stamps, special stamps or conformity marks, or the subject of circulation is products that do not meet the requirements of life safety or consumer health.

Keywords: criminal liability, circulation of alcoholic products, circulation of tobacco products, circulation without labeling, production, acquisition, storage, transportation, sale, economic crimes.

For citation: Kharlamova A.A., Tokarev D.S. Production, purchase, storage, transportation or sale of goods and products without marking and (or) information provided for by the legislation of the Russian Federation (Article 171¹ of the Criminal Code of the Russian Federation): signs of a crime and questions of qualification // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 42–49.

В целях обеспечения законного оборота товаров, защиты прав потребителей и предупреждения действий, вводящих их в заблуждение, а также охраны жизни и здоровья человека в Российской Федерации установлена обязанность хозяйствующих субъектов (или их групп) осуществлять маркировку отдельных товаров средствами идентификации¹. Контроль выполнения этой обязанности осуществляется, в том числе, уголовно-правовыми средствами. В частности, в систему норм Уголовного кодекса Российской Федерации² включена ст. 171¹ УК РФ «Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации».

Расположение указанной нормы свидетельствует о её направленности на охрану общественных отношений в сфере экономической деятельности, связанной с оборотом продукции, требующей обязательной маркировки. Совокупность таких отношений и выступает основным непосредственным объектом рассматриваемых преступлений.

Необходимо обратить внимание, что ст. 171¹ УК РФ объединяет несколько самостоятельных составов преступлений, различающихся, прежде всего, предметом посягательства. Так, в ч. 1, 1¹ и 2

названной нормы в качестве предмета фигурируют продукция и товары без маркировки и (или) нанесения информации либо имеющие заведомо поддельные средства идентификации для маркировки. В ч. 3 и 4 этой же статьи речь идет о продовольственных товарах, которые также не содержат маркировки или необходимой информации либо содержат поддельные средства идентификации. Уголовная ответственность возможна лишь в тех случаях, когда маркировка или нанесение информации является обязательным. Для квалификации по ч. 5 и 6 ст. 171¹ УК РФ деяния должны осуществляться в отношении немаркированной алкогольной продукции или немаркированных табачных изделий.

Минимальные требования к содержанию информации о товаре закреплены ст. 10 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»³. Объем этой информации достаточно широк и включает сведения: об основных потребительских свойствах товаров, а в отношении продуктов питания – о составе (в том числе, наименование использованных в процессе изготовления продуктов питания пищевых добавок, биологически активных добавок, информация о наличии компонентов, полученных с применением генно-инженерно-модифицированных организмов), пищевой ценности, назначении, об условиях применения и хранения, о способах изготовления готовых блюд, весе (объеме), дате и месте изготовления и упаковки (расфасовки), а также о противопоказаниях для их применения при отдельных заболеваниях и т.д.

¹ Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 № 63-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (далее по тексту УК РФ).

³ О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

Правительством Российской Федерации утверждается перечень товаров, информация о которых должна содержать противопоказания для их применения при отдельных заболеваниях.

Вся указанная информация наносится на товар путем маркировки на этикетке или иным способом, в зависимости от вида товара или продукции.

Перечень правовых актов, регламентирующих правила и объем сведений, которые должны быть отражены в маркировке, достаточно широк⁴. В процессе юридической оценки применительно к каждому товару должно быть установлено, какие именно требования не соблюдены лицом, осуществляющим реализацию товаров и продукции со ссылкой на пункт, часть, статью соответствующего документа.

Отметим, что продукция, содержащая в маркировке информацию, не соответствующую действительным характеристикам, свойствам, составу маркированного товара, должна приравниваться к товару без маркировки и, соответственно, также является предметом данного преступления.

Так, Волжским городским судом Волгоградской области Д. признан виновным в приобретении, перевозке, хранении в целях сбыта продукции без маркировки, предусмотренной законодательством Российской Федерации, совершенных в крупном размере. Органами предварительного расследования установлено, что Д. в г. Москве приобрел у неустановленного лица продукцию легкой промышленности, а именно одежду, которая не имела маркировки, обязательной для нанесения в соответствии с требованиями законов и правил Российской Федерации, на сумму 16 835 248 руб. рыночной стоимости. Всю эту продукцию Д. перевез на автомобиле из г. Москвы в г. Волжский Волгоградской области и разместил для продажи в магазине «Планета одежды и обуви». Спустя месяц немаркированная продукция была изъята сотрудниками полиции, а после приговора суда уничтожена как контрафактная⁵.

⁴ См., например: О принятии технического регламента Таможенного союза «Пищевая продукция в части ее маркировки»: Решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 881 (вместе с «ТР ТС 022/2011. Технический регламент Таможенного союза. Пищевая продукция в части ее маркировки») [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О техническом регламенте Евразийского экономического союза «О безопасности рыбы и рыбной продукции»: Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 18 октября 2016 г. № 162 (вместе с «ТР ЕАЭС 040/2016. Технический регламент Евразийского экономического союза. О безопасности рыбы и рыбной продукции») [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс»; О качестве и безопасности пищевых продуктов: Федеральный закон от 2 января 2000 г. № 29-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Приговор Волжского городского суда Волгоградской области от 10 декабря 2018 г. по делу № 1-1252/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

Под продовольственными товарами следует понимать продукты в переработанном или натуральном виде, которые находятся в обороте и употребляются в пищу человеком (включая продукты диетического и детского питания), бутилированная питьевая вода, безалкогольные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на его основе, жевательная резинка, биологически активные и пищевые добавки⁶.

Как уже упоминалось выше, алкогольная продукция является предметом составов преступлений, предусмотренных ч. 5 и 6 ст. 171¹ УК РФ, однако лишь та, которая подлежит обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками. Под алкогольной продукцией понимается пищевая продукция, произведенная с использованием или без использования этилового спирта (из пищевого сырья), и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5% объема готовой продукции, за исключением пищевой продукции в соответствии с перечнем, установленным Правительством Российской Федерации⁷. Видами алкогольной продукции являются: спиртные напитки, вино, крепленое вино, игристое вино (включая российское шампанское), виноградосодержащие напитки, плодовая алкогольная продукция, плодовые алкогольные напитки, пиво и напитки, изготавливаемые на основе пива, сидр, пуаре, медовуха⁸. Перечень алкогольной продукции, подлежащей маркировке, а также правила нанесения

⁶ О Методических рекомендациях по отнесению промышленной и сельскохозяйственной продукции к товарам народного потребления: Письмо Минэкономики Российской Федерации № МЮ-636/14-151, Госкомстата Российской Федерации № 10-0-1/246 от 27 июля 1993 г. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Об утверждении перечня пищевой продукции в соответствии с Общероссийским классификатором продукции по видам экономической деятельности, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции, не относящейся к алкогольной продукции, а также перечня пищевой продукции в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза, которая произведена с использованием или без использования этилового спирта, произведенного из пищевого сырья, и (или) спиртосодержащей пищевой продукции, с содержанием этилового спирта более 0,5 процента объема готовой продукции, не относящейся к алкогольной продукции: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2020 г. № 3650-р [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции: Федеральный закон от 22 ноября 1995 г. № 171-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

такой маркировки регулируются Правительством Российской Федерации⁹. Исходя из положений законодательства, не подлежит маркировке алкогольная продукция в виде пива, пивных напитков, сидра, пуаре, медовухи, а также алкогольная продукция, поставляемая на экспорт.

Стоит упомянуть, что с января 2021 г. акцизные марки не выдаются, а оборот алкогольной продукции с акцизными марками, выданными по заявлениям до 31.12.2020, допускается до истечения срока годности¹⁰.

Табачными изделиями являются продукты, частично или полностью изготовленные из табачного листа в качестве сырьевого материала, приготовленного таким образом, чтобы использовать для курения, нюхания, жевания или сосания¹¹. Вся табачная продукция, которая вводится в оборот на территории Российской Федерации, подлежит маркировке за некоторым исключением¹².

В научной литературе встречается мнение, что к предмету ст. 171¹ УК РФ нельзя относить продукцию, которая не отвечает ГОСТам [см., например: 1, с. 74]. Однако более убедительным представляется тезис В. Н. Винокурова о том, что уголовное право охраняет и такие отношения, которые не урегулированы нормами иных отраслей права, а указанная норма распространяет свое действие на всю продукцию и товары без маркировки и (или) нанесенной информации, произведенные как легальным, так и нелегальным способом как соответствующие качествам, свойствам, характеристикам аналогичных маркированных товаров, так и не соответствующие им [2, с. 107]. По такому же пути идет и судебная практика.

Объективная сторона рассматриваемых составов преступлений включает несколько аль-

тернативных деяний: производство, приобретение, хранение, перевозка, сбыт. Применительно к алкогольной и табачной продукции вместо термина «сбыт» законодатель использовал термин «продажа».

Под производством следует понимать результат создания ранее не существующего предмета преступления, независимо от способа его создания. Деяние следует считать оконченным, когда товары и продукция, подлежащие обязательной маркировке специальными марками, не прошли этой операции и подготовлены к выпуску из соответствующей организации в крупном размере [3, с. 114].

Так, Суд апелляционной инстанции Краснодарского краевого суда в апелляционном постановлении по уголовному делу в отношении Ю., П., А., обвиняемых в совершении преступлений, предусмотренных ч. 6 ст. 171¹ УК РФ, указал, что «способ изготовления, количество использованного этилового спирта и других примесей в данном конкретном случае не является главенствующим признаком преступления»¹³.

Приобретение означает получение лицом немаркированных товаров и продукции путем покупки, обмена, возврата долга, займа, получения в дар, присвоения найденного и т. д. Принимая во внимание, что законодателем отдельно не установлена ответственность за хищение и вымогательство предмета данного преступления, как это имеет место применительно к предметам, изъятым или ограниченным в гражданском обороте (оружие, боеприпасы, наркотические средства и т. д.), противоправная форма приобретения немаркированных товаров и продукции также образует объективную сторону рассматриваемого преступления.

Хранение – делящаяся форма совершения преступления, образуется при действиях лица, направленных на обеспечение невозможности бесконтрольного доступа к немаркированной продукции и товарам, находящимся в его владении. Выражается в размещении предмета преступления на охраняемых территориях, площадках, в помещениях.

Так, Трусовским районным судом г. Астрахани Л. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 171¹ УК РФ. Согласно материалам дела Л., реализуя преступный умысел, направленный на хранение рыбной продукции – филе рыбы вида судак, общим весом 25 528 кг, без соответствующей маркировки в целях искажения срока её годности и последующего сбыта под видом свежепроизведенного продовольственного товара поместил рыбу в холодильную камеру, где она находилась

⁹ О маркировке алкогольной продукции федеральными специальными марками: Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2020 г № 2348 (вместе с «Правилами маркировки федеральными специальными марками алкогольной продукции», «Требованиями к образцам федеральных специальных марок») [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ О внесении изменений в некоторые акты: Правительства Российской Федерации Постановление Правительства Российской Федерации от 16 август 2021 г. № 1343 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ Технический регламент на табачную продукцию: Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 268-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹² Об утверждении Правил маркировки табачной продукции средствами идентификации и особенностях внедрения государственной информационной системы мониторинга за оборотом товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации, в отношении табачной продукции: постановление Правительства Российской Федерации от 28 февраля 2019 г. № 224 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Апелляционное постановление Краснодарского краевого суда от 30 октября 2019 г. по делу № 22-6724/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

до выявления сотрудниками УФСБ России по г. Астрахани¹⁴.

Перевозка – это перемещение товаров и продукции из одного местонахождения в другое с использованием транспортных средств, в том числе в пределах одного населенного пункта. Под перевозкой следует понимать и перемещение предмета рассматриваемого преступления в отсутствие лица путем пересылки.

Московский районный суд города Санкт-Петербурга признал Р. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «б» ч. 4 ст. 171¹ УК РФ, за приобретение в целях сбыта продовольственных товаров без маркировки и нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации, в случае, когда такая маркировка и нанесение такой информации обязательны, в особо крупном размере, и перевозку указанных продовольственных товаров с места приобретения к месту хранения – складу. Данные товары в виде зернистой икры кеты, общей стоимостью не менее 6 359 692,80 руб., в период с 26.03.2018 по 23.11.2018 Р. хранил на территории складского помещения в целях последующего сбыта¹⁵.

Под сбытом следует понимать любую форму отчуждения имущества, в том числе продажу, дарение, обмен, уплату в качестве долга, оплату оказанных услуг и т.д. Передача предмета преступления во временное пользование другого лица не образует сбыта, поскольку право собственности передающего лица не прекращается. Сбыт окончен с момента фактической передачи предмета преступления. В тех случаях, когда сбыт немаркированной продукции и товаров был пресечен сотрудниками правоохранительных органов в результате проведения гласных оперативно-розыскных мероприятий, деяние квалифицируется как оконченное преступление.

Так, Кочубеевский районный суд Ставропольского края признал Д. виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 6 ст. 171¹ УК РФ. Факт незаконного сбыта товаров (алкогольной продукции), не имеющих маркировки федеральными специальными марками, с его стороны зафиксирован сотрудниками отдела ОЭБ и ПК отдела МВД России по Кочубеевскому району в ходе гласного оперативно-розыскного мероприятия «Проверочная закупка», проводимого в соответствии с Федеральным законом от 12.08.1995

¹⁴ Приговор Трусковского районного суда г. Астрахани от 28 сентября 2018 г. по делу № 1-138/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

¹⁵ Приговор Московского районного суда города Санкт-Петербурга от 18 августа 2020 г. по делу № 1-181/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

№ 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Д., выступая как продавец нелегальной торговой точки, расположенной в подсобном помещении – гараже, продал за денежное вознаграждение бутылки с жидкостью коричневого цвета и надписью на этикетке «Багратион Легзинка коньяк российский выдержанный «КВ» сотрудникам ОЭБ и ПК, выступающим в роли покупателей¹⁶.

Исходя из содержания § 2 главы 30 ГК РФ «Розничная купля-продажа» и Федерального закона от 28.12.2009 № 381-ФЗ «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»¹⁷, продажа представляет собой осуществляемую в рамках предпринимательской деятельности возмездную передачу товаров для личного, семейного, домашнего или иного использования (не связанного с предпринимательской деятельностью).

По конструкции объективной стороны все рассмотренные выше составы преступлений являются формальными. Момент окончания будет зависеть от вида совершаемого виновным деяния. Вместе с тем для наступления уголовной ответственности деяние должно быть совершено в крупном размере. При определении размера стоимости немаркированных товаров и продукции для квалификации по ч. 1, 1¹ и 2 ст. 171¹ УК РФ следует руководствоваться примечанием к ст. 170² УК РФ, из которого следует, что крупный размер составляет стоимость указанных товаров и продукции, превышающую 2 250 000 руб. Применительно к ч. 3 и 4 ст. 171¹ УК РФ крупным размером признается стоимость немаркированных продовольственных товаров, превышающая 400 000 руб., а для целей ч. 5 и 6 ст. 171¹ УК РФ – стоимость продукции и изделий, превышающая 100 000 руб.

Если деяние совершено в меньших размерах, то ответственность при наличии к тому оснований наступает по соответствующей части ст. 15.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹⁸.

С субъективной стороны преступление характеризуется виной в виде прямого умысла. Виновное лицо осознает, что совершает деяние, указанное в диспозиции рассматриваемой статьи, и желает его совершения в крупном размере. Для деяний в виде

¹⁶ Приговор Кочубеевского районного суда Ставропольского края от 10 сентября 2019 г. по делу № 1-280/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

¹⁷ Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 декабря 2009 г. № 381-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (далее по тексту – КоАП РФ).

производства, приобретения хранения и перевозки немаркированных товаров, продукции, изделий обязательное значение приобретает цель последующего сбыта. Мотивы и эмоции не влияют на квалификацию, однако анализ судебной практики дает основание утверждать, что преимущественно виновные лица руководствуются корыстными побуждениями, желая получить незаконную прибыль.

Субъект преступления общий – физическое вменяемое лицо, достигшее возраста шестнадцати лет. При этом необходимо обратить внимание, что субъектом при совершении деяния в виде приобретения, является лицо, на средства которого приобретались немаркированные товары и продукция, при производстве – за счет средств которого производились товары и продукция, а в случае сбыта или продажи – лицо, которому принадлежал предмет преступления на праве собственности.

Квалифицированными становятся все основные составы рассмотренных преступлений в случае, если деяния совершены в особо крупном размере либо группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

Особо крупный размер для ч. 2, 4 и 6 ст. 171¹ УК РФ составляет стоимость продукции, товаров, изделий, превышающая 9 000 000, 1 000 000 и 1 000 000 руб., соответственно.

Для вменения признака «совершенное группой лиц по предварительному сговору» следует установить, что сговор участников, объединенных единым умыслом на совершение преступлений, предусмотренных ст. 171¹ УК РФ, возник до начала выполнения объективной стороны состава преступления, а также что два и более лица, обладающих признаками субъекта, непосредственно совершали одно и (или) несколько деяний, закрепленных в диспозиции рассматриваемой статьи.

О наличии организованной группы может свидетельствовать, в частности, стабильность состава группы и продолжительность ее существования, согласованность действий её членов и тесная взаимосвязь между ними, постоянство применяемых методов и способов, количество совершенных преступлений и т. п.

Так, Железнодорожный районный суд г. Воронежа признал виновными Д., Б., В. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 6 ст. 171¹ УК РФ. Суд указал, что об устойчивости созданной Д. организованной группы свидетельствовали подбор и вербовка Д. соучастников, выразившиеся в том, что участники вовлекались в ее состав на основании их жизненного и профессионального опыта, в соответствии с их личными морально-деловыми качествами, готовностью подчинения интересам группы и выполнения четко отведенной им преступной роли. Сплоченность, наличие постоянных связей меж-

ду ее участниками проявлялись в том, что Д., Б. и В. имели постоянные и тесные связи между собой, основанные на личном знакомстве, совместной деятельности по хранению, перевозке в целях сбыта и продаже алкогольной продукции. Кроме того, судом было учтено планирование и тщательная подготовка преступления, распределение ролей между соучастниками, что выражалось в однотипности заранее оговоренных действий каждого участника организованной преступной группы при совершении данного преступления, взаимосвязь и согласованность действий участников организованной группы. Об организованности также свидетельствовали совершение преступления на протяжении длительного времени, техническая оснащенность – автомобили для перевозки немаркированной алкогольной продукции, мобильные телефоны, сим-карты, зарегистрированные на иных лиц, общие цели и задачи, для достижения которых была создана организованная преступная группа – получение преступного дохода от осуществления незаконных действий. Умыслом каждого члена организованной группы охватывались обстоятельства, относящиеся не только к собственному преступному деянию, но и к деяниям, совершаемым другими участниками группы, так как деятельность и прибыль организованной группы напрямую зависела от действий каждого из её членов: Д. приобретал алкогольную продукцию в тех объемах, которые могли быть реализованы всеми участниками организованной группы. Прибыль, полученная от незаконного оборота алкогольной продукции, являлась основным доходом всех участников организованной группы. При осуществлении преступной деятельности соучастники осознавали возможность ее осуществления лишь при совместных и согласованных действиях, рассчитывая на поддержку друг друга и четкое исполнение каждым из соучастников своей роли¹⁹.

При юридической оценке деяний лица, осуществляющего оборот немаркированной продукции, зачастую приходится разрешать вопрос о необходимости дополнительной квалификации по ст. 171 УК РФ «Незаконное предпринимательство», ст. 171³ УК РФ «Незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции», ст. 238 УК РФ «Производство, хранение, перевозка либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности», ст. 327¹ УК РФ «Изготовление, сбыт

¹⁹ Приговор Железнодорожного районного суда г. Воронежа от 22 мая 2020 г. по делу № 1–74/2020 [Электронный ресурс]. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия либо их использование».

В п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18.11.2004 № 23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве» указывается, что если в процессе незаконной предпринимательской деятельности осуществляются производство, приобретение, хранение, перевозка в целях сбыта или сбыт немаркированных товаров и продукции, подлежащих обязательной маркировке марками акцизного сбора, специальными марками или знаками соответствия, защищенными от подделок, совершенные в крупном или особо крупном размере, действия лица надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 171 и 171¹ УК РФ²⁰. Однако с учетом того, что в систему норм уголовного законодательства была включена ст. 171³ УК РФ (специальная по отношению к ст. 171 УК РФ²¹ [см. также 4, с. 37; 5, с. 46]) представляется, что в настоящий момент деяния лица надлежит квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 171³ и 171¹ УК РФ. Вменение ст. 171 УК РФ уже не требуется.

Вместе с тем имеется потребность в разъяснении особенностей юридической оценки на уровне высшей судебной инстанции, так как подходы правоприменительных органов неодинаковы.

Например, из материалов дела, рассмотренного Промышленным районным судом г. Самары, следует, что П., не являясь индивидуальным предпринимателем и руководителем какого-либо юридического лица, в связи с чем не обладая возможностью получить лицензию на занятие видами деятельности, связанными с оборотом спиртосодержащей продукции, реализовывал алкогольную продукцию с акцизными марками республики Казахстан и без акцизных марок Российской Федерации. П. осознавал, что реализуемая им продукция подлежит обязательной маркировке специальными федеральными марками. Вместе с тем суд признал П. виновным только в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 171³ УК РФ²².

²⁰ О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2004 г. № 23 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²¹ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 50030-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²² Приговор Промышленного районного суда г. Самары от 21 февраля 2019 г. по делу № 1-53/19 [Электронный ресурс]. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

По другому уголовному делу Автозаводским районным судом г. Тольятти Самарской области К. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 5 ст. 171¹, ч. 1 ст. 171³ УК РФ, при следующих обстоятельствах. Будучи осведомленным об отсутствии у него лицензии на легальный оборот алкогольной продукции и каких-либо разрешительных документов на данную продукцию, в августе 2017 г., находясь на рынке, приобрел у неустановленного лица алкогольную продукцию различного наименования, а впоследствии организовал деятельность, направленную на осуществление незаконного приобретения, хранения, перевозки в целях сбыта и продажи немаркированной алкогольной продукции, подлежащей обязательной маркировке акцизными марками либо федеральными специальными марками, в крупном размере²³.

Что же касается уголовно-правовой оценки производства, приобретения, хранения, перевозки в целях сбыта или сбыта товаров и продукции с использованием поддельных акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия, то по результатам мониторинга приговоров по уголовным делам нам не удалось выявить противоречий. Содеянное, при наличии к тому оснований, квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 171¹ и 327¹ УК РФ, и научное сообщество такую позицию поддерживает [см., например 6, с. 81].

Так, приговором Ардонского районного суда Республики Северная Осетия–Алания А. признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 238, ч. 4 ст. 327¹, ст. 171¹ УК РФ. А. приобрел оборудование, необходимое для розлива алкогольной продукции, которое установил в помещении одной из заброшенных бывших ферм, а также приобрел необходимое сырье и комплектующие. Затем А. нанял на производственные линии розлива несколько работников, не знавших о его преступных намерениях. Осознавая, что каждая бутылка водки должна быть оклеена федеральной специальной маркой (далее – ФСМ) и не желая нести дополнительные расходы, А. приобрел у неустановленного следствием лица подложные ФСМ и нанес их на производимую им алкогольную продукцию для последующего её сбыта по выгодной для него цене. Произведенную кустарным способом алкогольную продукцию, не имеющую сертификатов качества и не соответствующую требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, в целях последующего сбыта А. перегрузил в а/м «КАМАЗ-53212» и повез в Республику Дагестан. Однако по дороге в Республику Северная

²³ Приговор Автозаводского районного суда г. Тольятти Самарской области от 31 июля 2018 г. по делу № 1-394/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

Осетия–Алания сотрудниками полиции вся алкогольная продукция в виде 16 644 бутылок с различными наименованиями была обнаружена и изъята²⁴.

Раскрывая вопросы квалификации ст. 238 УК РФ, Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что незаконное производство и (или) оборот этилового спирта, алкогольной или спиртосодержащей продукции, стоимость которой превышает 100 000 руб., если эта продукция являлась опасной для жизни или здоровья человека, образуют совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями ст. 171³ и ст. 238 УК РФ²⁵. Однако в постановлении не раскрывается вопрос о квалификации указанных действий в случаях, когда эта же продукция не имеет маркировки.

Представляется, что если под видом алкогольной продукции производится, приобретается, хранится, перевозится в целях сбыта или сбывается спиртосодержащая продукция, не отвечающая требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, содеянное следует квали-

фицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 171¹, 171³ и 238 УК РФ.

Данная позиция практикой поддерживается. Так, Кумторкалинский районный суд Республики Дагестан квалифицировал действия М. по ч. 1 ст. 238 и ч. 5 ст. 171¹ УК РФ. Суд в описательно-мотивировочной части приговора указал, что М., имея умысел на извлечение материальной выгоды, в г. Хасавюрт Республики Дагестан приобрел у неустановленного лица 9 040 бутылок не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей немаркированной алкогольной продукции различного наименования, подлежащей обязательной маркировке федеральными специальными марками, на общую сумму 542 400 руб., которую планировал в последующем сбыть в г. Дербент Республики Дагестан²⁶.

В заключение хотелось бы сказать, что преступление, предусмотренное ст. 171¹ УК РФ, относится к числу наиболее распространенных среди преступлений Главы 22 УК РФ. По данным ГИАЦ МФД России в 2017 г. было зарегистрировано 1 051 соответствующих деяний, в 2018 – 1 387, в 2019 – 1 728, в 2020 – 1 917, в 2021 – 2 139. При этом основной массив регистрируемых деяний сопряжен с немаркированной алкогольной продукцией.

²⁴ Приговор Ардонского районного суда Республики Северная Осетия–Алания от 29 марта 2019 г. по делу № 1-40/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

²⁵ О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 18 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Приговор Кумторкалинского районного суда Республики Дагестан от 18.12.2018 по делу № 1-89/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из ГАС РФ «Правосудие».

Литература

1. **Тюнин В.И.** Производство, хранение или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 171.1 УК РФ) // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 74–79.
2. **Винокуров В.Н.** Объект преступления: доктринально-прикладное исследование: монография. 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2022. – 368 с.
3. Уголовное право России. Часть особенная. 3-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – Москва: Волтерс Клувер, 2005. – 839 с.
4. **Жилкин М.** Вопросы квалификации преступлений в сфере производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции // Уголовное право. – 2019. – № 1. – С. 29–37.
5. **Гладких В.И.** Оборот немаркированных товаров и продукции (ст. 171.1 УК РФ) как вид незаконной предпринимательской деятельности: теория и практика применения // Безопасность бизнеса. – 2021. – № 3. – С. 40–48.
6. Уголовно-правовая охрана финансово-бюджетной сферы: научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, Е.В. Горенская и др.; отв. ред. И.И. Кучеров, О.А. Зайцев, С.Л. Нудель. – Москва: КОНТРАКТ, 2021. – 284 с.

References

1. **Tjunin V.I.** Proizvodstvo, hranenie ili sbyt tovarov i produkcii bez markirovki i (ili) nanesenija informacii, predusmotrennoj zakonodatel'stvom Rossijskoj Federacii (st. 171.1 UK RF) // Ugolovnoe pravo. – 2015. – № 3. – S. 74–79.
2. **Vinokurov V.N.** Obe'kt prestuplenija: doktrinal'no-prikladnoe issledovanie: monografija. 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Prospekt, 2022. – 368 s.
3. Ugolovnoe pravo Rossii. Chast' osobennaja. 3-e izd., pererab. i dop. / otv. red. L.L. Kruglikov. – Moskva: Volters Kluver, 2005. – 839 s.
4. **Zhilkin M.** Voprosy kvalifikacii prestuplenij v sfere proizvodstva i oborota jetilovogo spirta, alkohol'noj i spiritosoderzhashhej produkcii // Ugolovnoe pravo. – 2019. – № 1. – S. 29–37.
5. **Gladkih V.I.** Oborot nemarkirovannyh tovarov i produkcii (st. 171.1 UK RF) kak vid nezakonnoj predprinimatel'skoj dejatel'nosti: teorija i praktika primenenija // Bezopasnost' biznesa. – 2021. – № 3. – S. 40–48.
6. Ugolovno-pravovaja ohrana finansovo-bjudzhetnoj sfery: nauchno-prakticheskoe posobie / V.Ju. Artemov, N.A. Golovanova, E.V. Gorenskaja i dr.; otv. red. I.I. Kuchеров, O.A. Zajcev, S.L. Nudel'. – Moskva: KONTRAKT, 2021. – 284 s.

(статья сдана в редакцию 21.11.2022)

ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛУЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОСРЕДСТВОМ ОСМОТРА И ИЗЪЯТИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ НОСИТЕЛЕЙ

LEGAL GROUNDS FOR OBTAINING ELECTRONIC EVIDENCE BY MEANS OF INSPECTION AND SEIZURE OF ELECTRONIC MEDIA

УДК 343.1

А.Н. ПРОКОПЕНКО,

кандидат технических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
Alex_prokop@rambler.ru

ALEXEY N. PROKOPENKO,

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

А.А. СТРАХОВ

(Московский университет МВД России
имени В.Я. Кикотя,
Россия, Москва)
cokr@mail.ru

ANDREY A. STRAKHOV

(Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Moscow, Russia)

Аннотация: в статье рассматривается правовое регулирование уголовно-процессуальным законодательством вопросов получения электронных доказательств. Указывается, что понятие доказательств или информации в электронном виде не используется в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, а применяется дефиниция «электронные носители информации». Авторы анализируют изменения, внесенные в законодательство в 2012 и 2018 годах, направленные на уменьшение количества изъятых электронных носителей, которое оказывало негативное влияние на деятельность бизнеса. Особое внимание уделяется рассмотрению необходимости присутствия специалиста при изъятии электронных доказательств как при изъятии электронного носителя информации, так и при копировании информации на другой носитель. Делается вывод, что внесенные изменения не позволили законодательно устранить возможности злоупотреблений в сфере получения электронных доказательств. Авторы считают, что для устранения разночтений и судебных споров необходимо разработать методические рекомендации по изъятию электронных доказательств как при изъятии электронных носителей информации, так и при копировании информации с локальных или сетевых ресурсов. Кроме того, авторы считают необходимым внести изменения в статью 164.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, возложив принятие решения о приглашении или неприглашении специалиста для получения доказательств в электронном виде на следователя, дав ему при этом право самостоятельно изымать указанные доказательства.

Ключевые слова: электронные носители информации, электронные доказательства, преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Для цитирования: Прокопенко А.Н., Страхов А.А. Правовые основания получения электронных доказательств посредством осмотра и изъятия электронных носителей // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 50–56.

Abstract: the article considers the legal regulation by criminal procedure law of issues of obtaining electronic evidence. It is indicated that the concept of evidence or information in electronic form is not used in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, but the definition «electronic media» is used. The authors analyze changes outside the legislation in 2012 and 2018 aimed at reducing the number of cases of unjustified seizure of electronic media. Particular attention is paid to considering the need for a specialist when removing electronic media or copying information that is electronic evidence. It is concluded that the changes made did not allow to legally eliminate the possibility of abuse in the field of obtaining electronic evidence. To eliminate discrepancies and litigation, the authors believe that it is necessary to develop methodological recommendations for the seizure of electronic evidence, both when seizing electronic media, and when copying information from local or network resources. In addition, the authors consider it necessary to amend Article 164.1. The Code of Criminal Procedure

of the Russian Federation, entrusting the decision to invite or not invite a specialist to obtain evidence in electronic form to the investigator, while giving him the right to independently seize the specified evidence.

Keywords: electronic media, electronic evidence, crimes using information and telecommunication technologies.

For citation: Prokopenko A.N., Strakhov A.A. Legal grounds for obtaining electronic evidence by means of inspection and seizure of electronic media // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 50–56.

Анализируя правовые основания получения доказательств совершения преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, необходимо отметить, что дефиниция «электронное доказательство» не закреплена в российском уголовном процессе, в результате чего наше законодательство существенно отстает от реальной жизни.

В соответствии с примечанием 1 к статье 272 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ компьютерная информация представляет собой сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи².

Статья 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [3] содержит похожее определение для электронного документа, который чаще всего является электронным доказательством, обозначая его как документированную информацию, представленную в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [2].

Таким образом, понятие компьютерной информации или электронного документа закреплено в законодательстве, регулирующем отношения в информационной сфере, причем довольно давно. Однако уголовный процесс не применяет дефиниции «электронный документ», «электронное доказательство», «компьютерная информация» и другие аналогичные понятия. Подобная ситуация приводит к тому, что доказательства совершения преступлений в электронном виде, в том числе преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий³,

сложны для обнаружения и изъятия и не всегда принимаются судом.

Вместо всех вышеуказанных дефиниций Федеральным законом от 28.07.2012 № 143-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁴ была введена правовая категория «электронный носитель информации» [3]. Причем изначально предусматривалось внедрение данной дефиниции исключительно для расследования экономических преступлений, поскольку подавляющее большинство документации коммерческих организаций к 2012 году было переведено в электронный вид, а финансовые транзакции практически полностью осуществлялись посредством электронных платежей. Однако последующая практика показала, что доказательства в электронном виде используются не только при доказывании совершения экономических преступлений, а фактически более чем в половине уголовных дел. Причем внедренный в законодательство термин «электронные носители информации» не описывает адекватно сложившуюся практику, поскольку он не учитывает те доказательства в электронном виде, которые невозможно изъять вместе с носителем. Это относится к данным, которые копируются из локальной компьютерной сети, с удаленных серверов организаций, из облачных хранилищ, из Интернета, а также из оперативной памяти компьютера подозреваемого.

Законодатели заявили, что основной задачей изменения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации⁵ является упорядочение процедуры изъятия электронных носителей информации и порядка их возвращения или копирования содержащейся на них информации [4]. Наибольшие проблемы в данном вопросе возникали в результате изъятия бухгалтерских и складских серверов у торговых компаний или серверов видеонаблюдения и видеоаналитики у частных

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>; далее – УК РФ.

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 30.12.2021) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>

³ Далее – ИТТ.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28.07.2012 № 143-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

⁵ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 09.03.2022) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru>; далее – УПК РФ.

охранных организаций. Кроме того, возникали вопросы о возможности дальнейшего функционирования компаний, в которых отдельные компьютеры обеспечивали деятельность нескольких специалистов одновременно или содержали базы данных магазинов. Декларировалось, что принятие законопроекта позволит обеспечить бесперебойную работу предприятий и организаций за счет запрета изъятия электронных носителей в рамках уголовного дела без веской причины⁶.

В результате реализации указанных предложений Федеральным законом от 28.07.2012 № 143-ФЗ в статьи 81, 82, 166, 182 и 183 УПК РФ были внесены изменения, позволяющие владельцу или пользователю информации скопировать ее с изымаемого носителя для обеспечения дальнейшей работы организации [5; 6]. Это позволило изменить ситуацию с остановкой деятельности организаций, в том числе крупных производств или торговых фирм, на период ведения следствия. Учитывая, что срок проведения судебной компьютерной экспертизы в отдельных регионах составлял до шести месяцев в связи с нехваткой экспертов, отсутствие возможности копирования информации означало фактическое закрытие организации.

Однако внесенные изменения не решили проблему продолжения работы организаций без изъятых носителей информации. Это было связано с тем, что следователи изымали большую часть компьютерной техники предприятия для нахождения доказательств преступления. Соответственно, даже в случае прекращения уголовного преследования в связи с отсутствием состава преступления организации наносился непоправимый ущерб, поскольку без изъятых серверов было невозможно продолжить работу. Скопированную информацию просто негде было разместить, потому что серверное оборудование и дорогостоящие системы управления базами данных, как правило, имелись в организации в единственном экземпляре.

В этой связи в дополнение к изменениям 2012 года в УПК РФ в 2018 году Федеральным законом от 27.12.2018 № 533-ФЗ «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»⁷ была добавлена часть 4.1 в статью 164 и статья 164.1 УПК РФ.

⁶ Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 27.12.2018 № 533-ФЗ [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Указанные нормы были направлены на недопущение необоснованных изъятий электронных носителей информации или минимизацию фактов таких изъятий. Они, с одной стороны, существенно осложнили работу следователя по правомерному получению доказательств в электронном виде. При этом, с другой стороны, принятые изменения не лишены отдельных недостатков, которые могут приводить к фактическому вынужденному несоблюдению или нарушению законодательства сотрудниками следствия. Рассмотрим указанные изменения более подробно.

Часть 4.1 статьи 164 УПК РФ установила, что при производстве следственных действий по уголовным делам о мошенничествах, предусмотренных статьями 159–159.6 УК РФ, а также присвоении и растрате (ст. 160 УК РФ), причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) и злоупотреблении полномочиями (ст. 201 УК РФ) не допускается «необоснованное применение мер, которые могут привести к приостановлению законной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей, в том числе не допускается необоснованное изъятие электронных носителей информации» [7]. Аналогичный запрет ч. 4.1 ст. 164 УПК РФ предусмотрен при проведении следственных действий по уголовным делам по экономическим преступлениям, предусмотренным статьями 171, 171.1, 171.3–172.2, 173.1–174.1, 176–178, 180, 181, 183, 185–185.4 и 190–199.4 УК РФ [4, 11].

Статья 164.1 УК РФ вообще запретила изъятие электронных носителей информации кроме пяти случаев, указанных как исключение. Однако внимательный анализ приведенных ниже исключений из данной статьи позволяет констатировать, что фактически принципиальных изменений не произошло.

Первым исключением было названо наличие постановления о назначении судебной компьютерной экспертизы в отношении изымаемых носителей информации. Решение о назначении экспертизы принимается следователем на основании следственного осмотра, что должно быть зафиксировано в протоколе.

Одного данного исключения достаточно, чтобы все электронные носители, которые посчитает необходимым следователь, были изъяты. Требуется только грамотное оформление документации. Таким образом, указанная норма полностью нивелирует все изменения, внесенные в законодательство с целью защиты предпринимателей.

Вторым исключением является наличие отдельного судебного решения, необходимого в случае, если изымаются электронные носители, которые могут содержать конфиденциальную информацию

(п. 7 ч. 2 ст. 29 УПК РФ), сведения о телефонных переговорах или о соединениях между абонентами (пп. 11 и 12 ч. 2 ст. 29 УПК РФ). Речь может идти как о служебной, коммерческой или профессиональной (налоговой, страховой, и т.д.) тайне организации, так и о личной, семейной, нотариальной, адвокатской и иной тайне физического лица. Причем с получением такого разрешения часто возникают проблемы, и суды не дают разрешения, например, на осмотр телефона подозреваемого. В этой связи А.А. Бондаренко справедливо указывает, что следователь скорее назначит судебную компьютерную экспертизу, которая позволит ему осуществить проверку всех обнаруженных носителей информации, чем обратится в суд [8].

Решение о признании определенной информации электронным доказательством и, соответственно, получении его следователь принимает при проведении осмотра, выемки или обыска. Поскольку в рамках осмотра, в соответствии со ст. 176 УПК РФ, он имеет право осуществить осмотр всех носителей информации, в том числе мобильных телефонов, смартфонов, планшетов, то для такого осмотра следователю не требуется судебного решения. Данная позиция была подтверждена Конституционным Судом Российской Федерации, который в определении от 28.02.2017 № 338-О разъяснил, что если владелец мобильного устройства самостоятельно сообщает пароль на нем, то тем самым он не возражает против исследования устройства, соответственно, нарушение конституционного права не усматривается⁸. Процессуальная практика показывает, что если своевременно не осуществить следственный осмотр мобильного устройства, то потом суд может не разрешить такой осмотр [9]. Указанная позиция подтверждается еще одним решением Конституционного Суда Российской Федерации, который в определении от 25.01.2018 № 189-О указал, что проведение осмотра и экспертизы находящейся в электронной памяти абонентских устройств, изъятых при производстве следственных действий, информации не предполагает вынесения об этом специального судебного решения⁹.

Таким образом, с одной стороны, для получения конфиденциальной информации с электрон-

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Попова Анатолия Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 176 и 177 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.02.2017 № 338-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Прозоровского Дмитрия Александровича на нарушение его конституционных прав статьями 176, 177 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.01.2018 № 189-О [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ных устройств требуется решение суда, но, с другой стороны, если владелец устройства в момент осмотра сам предоставил доступ к устройствам, то решение суда не требуется. Считается, что владелец разрешил использовать его конфиденциальную информацию следователю как доказательство в уголовном процессе. С точки зрения следователя, данные положения законодательства и решения Конституционного Суда Российской Федерации представляются прекрасной возможностью эффективно расследовать дело. Однако если владелец электронных носителей информации (смартфона, планшета, ноутбука) закрыл доступ к ним паролем или, например, отпечатком пальца, то получение электронных доказательств может затянуться на месяцы или вообще закончиться неудачей.

Третьим исключением, указанным в статье 164.1 УПК РФ, является наличие на носителе информации, правами на которую владеет носитель не обладает. Различные ученые, комментируя данный пункт, преимущественно обращают внимание на возможность наличия на носителе контрафактного программного обеспечения. Однако на носителе может также находиться информация, относящаяся к конфиденциальной информации, принадлежащей другому лицу. Например, коммерческая тайна другой организации, адвокатская или нотариальная тайна, инсайдерская информация и т.п. Кроме того, данная информация могла использоваться для совершения расследуемого преступления.

В целом третий пункт является недостаточно конкретизированным, поскольку непонятно, что имел в виду законодатель в данном случае. Наличие на носителе любого «чужого» документа или установочных файлов, например, какой-то компьютерной игры, может являться формальным основанием для изъятия носителя.

Четвертое исключение указывает, что информация на носителе может использоваться для совершения новых преступлений. Во-первых, информация на носителях может являться специализированным программным обеспечением, используемым для совершения преступлений, например, компьютерными вирусами, червями, троянами и т.п. Во-вторых, на носителе может находиться информация, которая позволит соучастникам преступников продолжить преступную деятельность или препятствовать следствию. Например, база данных лиц, против которых осуществлялись, осуществляются и планируются к осуществлению преступные действия при массовых мошенничествах в ходе продаж в электронных магазинах, махинациях с недвижимостью, ОСАГО, телефонных мошенничествах и в других аналогичных случаях.

В данном случае необходимо полностью согласиться с законодателем и признать не просто правильным, но и необходимым изъятие носителей с информацией, которая способствует совершению очередных преступлений.

Пятым исключением является опасность утраты или изменения информации при осуществлении ее копирования. С одной стороны, перенос части информации с базы данных или из сервера может быть технически невозможен и в этом случае необходимо изымать компьютер целиком. С другой стороны, при совершении преступлений с использованием ИТТ необходимо фиксирование следов не только на электронных носителях, но и в оперативной памяти, BIOS, удаленных носителях и облаках. При этом попытка перенести информацию на другой носитель и даже попытка выключить компьютер может привести к безвозвратному удалению информации. Для процессуального закрепления доказательств в подобной ситуации приглашенный эксперт или специалист должен написать соответствующее заявление, которое фиксируется в протоколе осмотра, обыска или выемки. Если запись в установленном порядке не произведена, то это может быть основанием признать действия следователя по изъятию электронных носителей информации незаконными.

С пятым исключением также необходимо полностью согласиться и признать необходимость изъятия в указанном случае компьютерной техники целиком. При этом общий анализ рассмотренных пяти исключений показывает, что они частично дублируют друг друга и фактически позволяют следователю изъять любые электронные носители информации, которые он считает необходимым в рамках расследования уголовного дела.

Поскольку подробный осмотр электронных носителей в условиях следственного осмотра на объекте, как правило, затруднен, то следователь должен все электронные устройства, на которых, как он считает, могут содержаться электронные доказательства, отправить на компьютерную экспертизу или перенести продолжение осмотра на территорию правоохранительного органа.

Анализ статьи 164.1 УПК РФ показывает, что части 2 и 3 сформулированы достаточно противоречиво. Так, часть 2 устанавливает обязательное участие в изъятии электронных носителей специалиста, и никаких других вариантов не предусмотрено, но часть 3 делегирует следователю право осуществить копирование информации с электронного носителя.

В соответствии со ст. 58 УПК РФ специалистом является лицо, которое обладает специальными

знаниями для осуществления обнаружения и изъятия предметов и документов. Таким образом, УПК РФ признает следователя достаточно компетентным, чтобы копировать информацию, однако не считает его знания достаточными для изъятия электронных носителей. Возникает вопрос, а каких специалистов имеет в виду в данном случае УПК РФ?

Наблюдаются также разночтения данных норм в судебной практике. В одних судебных решениях указывается, что специалист должен обязательно присутствовать при копировании данных или лично осуществлять указанное копирование.

В других судебных решениях указывается, что специалист должен участвовать в процессе получения электронных доказательств только «при наличии необходимости в данном специалисте» [10]. При этом копирование информации без изъятия носителя допускается без привлечения специалиста.

Третьим вариантом судебных решений является отсутствие в необходимости привлечения специалиста вообще. При этом указывается, что носители изымались целиком, что позволяет суду быть уверенным в достоверности полученной информации. Аналогичное отношение проявляет суд при изъятии компьютерного блока целиком, так как это не требует специальных познаний и навыков. Такое же отношение проявляют суды к ситуации изъятия мобильных телефонов без специалистов, указывая, что мобильный телефон не предназначен исключительно для накопления и хранения информации. Поскольку при изъятии телефона копирование информации не осуществляется, то и специалист для этого не требуется.

Если анализировать содержание ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ и правоприменительную практику, то можно прийти к выводу, что суды придерживаются позиции здравого смысла, не обращая внимания на формальное нарушение положений УПК РФ. Учитывая, что электронные носители информации изымаются фактически при каждом втором преступлении, а основой доказательственной базы они являются более чем в 30% преступлений, требуется корректировка данной нормы УПК РФ.

Представляется, что при изъятии носителя целиком, например, системного блока компьютера, ноутбука, мобильного телефона, планшета, USB-накопителя, переносного диска и т.д., присутствие специалиста не требуется. Аналогично не требуется присутствие специалиста при изъятии жесткого диска сервера или копировании, например, видео-

записи с компьютера охраны здания. Во всех вышеперечисленных случаях должно быть достаточно знаний, полученных следователем при обучении. Для получения навыков проведения указанных изъятий электронных носителей или информации путем копирования следователь может быть направлен на курсы повышения квалификации. Однако привлечение специалиста однозначно необходимо в случае осмотра оперативной памяти, более глубокого исследования внешних носителей данных, например, зашифрованных или удаленных файлов, удаленного доступа и анализа сетевых информационных ресурсов или облачных хранилищ.

Резюмируя вышесказанное, необходимо отметить, что изменения, внесенные в УПК РФ в 2012 и 2018 годах, позволили существенно сократить случаи остановки деятельности организации при изъятии в качестве доказательства электронного носителя информации. Владельцу носителя предоставлено право снять копию с информации, находящейся на носителе. При этом изъятие осуществляется не всегда, а только в случае направления носителя информации на экспертизу, на основании решения суда, при наличии на носителе информации, правами на которую владелец не обладает, если информация может в дальнейшем использоваться для совершения преступлений и если информация может быть уничтожена или искажена при ее копировании [11].

Однако внесенные изменения не позволяют полностью устранить спорные ситуации, возникающие в вопросах изъятия электронных носителей информации. Это обусловлено тем, что проанализированные случаи фактически позволяют осуществить изъятие носителей информации без ограничений по решению следователя. Только при активном противодействии владельца электронного носителя, если информация защищена от доступа и относится к конфиденциальной, потребуется решение суда. В этой связи представляется необходимым провести обобщение судебной практики на уровне Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что позволит разработать методические рекомендации для субъектов правоприменения как при изъятии электронных носителей информации, так и при копировании информации с локальных или сетевых ресурсов. Разработка указанных рекомендаций для следователей должна быть одним из приоритетных направлений уголовно-процессуальной науки на современном этапе. При этом реальное сокращение случаев изъятия компьютерной

техники для проведения экспертизы, которая может затягиваться на срок до шести месяцев, должно значительно снизить возмущение предпринимательского сообщества.

Все вышесказанное не относится к преступлениям, совершаемым с использованием ИТТ, поскольку в данном случае на любом электронном носителе подозреваемых могут находиться электронные доказательства. Соответственно, необходимо осматривать все устройства и изымать их для проведения экспертизы. Кроме того, на наш взгляд, при расследовании преступлений, совершаемых с использованием ИТТ, необходимо обязательное привлечение специалиста при осмотре и получении электронных доказательств.

Предусмотренный в ст. 164.1. УПК РФ порядок изъятия электронного носителя вызывает немало вопросов, разночтений и судебных споров, поскольку требует обязательного присутствия специалиста при изъятии носителя, но не требует присутствия такового при копировании следователем информации. В этой связи предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 164.1 УПК РФ, указав, что для изъятия электронных носителей информации специалист привлекается не в обязательном порядке, а *«могут привлекаться по решению следователя»*. При этом ч. 5 ст. 164 УПК РФ позволяет при необходимости для осуществления копирования информации на основании ч. 3 ст. 164.1 УПК РФ также привлекать специалиста. Таким образом, *для получения электронных доказательств специалист может быть привлечен в любой момент по решению следователя*, но его привлечение не будет являться обязательным.

Также необходимо отметить, что основание для изъятия носителя информации должно быть указано в протоколе следственного действия. С учетом как положений уголовно-процессуального законодательства, так и правоприменительной и судебной практики представляется, что при изъятии электронного носителя следователем самостоятельно он должен осуществлять его изъятие целиком с целью направления на судебную компьютерную экспертизу. При этом если владелец информации желает получить ее копию, то его целесообразно направлять к эксперту, который самостоятельно произведет ее копирование и не допустит модификации или уничтожения информации. Во всех остальных случаях изъятие носителя или информации должно осуществляться или в присутствии специалиста, или им самим. Самым оптимальным является привлечение специалиста, который будет впоследствии проводить экспертизу.

Литература

1. **Григорьев В.Н., Максимов О.А.** Понятие электронных носителей информации в уголовном судопроизводстве // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2019. – № 2. – С. 33–44.
2. **Амелин Р.В., Куликова С.А., Чаннов С.Е.** Информационное право в схемах: учебное пособие. – Москва: Проспект, 2016. – 125 с.
3. **Рыжаков А.П.** Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). – 9-е изд., перераб. – Москва, 2014. – 1289 с.
4. **Попова Л.В.** Особенности уголовно-процессуального регулирования досудебного производства по уголовным делам об экономических преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2019. – 24 с.
5. **Бульжик А.В.** К вопросу о состоянии правового регулирования и правоприменения порядка изъятия электронных носителей информации // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. – 2019. – № 1. – С. 49–58.
6. **Добровлянина О.В.** Некоторые аспекты о процессуальном изъятии (копировании) электронных носителей информации // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 641–649.
7. **Радутинских А.Н.** Проблемы обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса при изъятии электронных носителей информации в ходе обыска // Криминологический журнал. – 2019. – № 1. – С. 25–29.
8. **Бондаренко А.А.** Изъятие электронных носителей информации при расследовании уголовных дел экономической и общеуголовной направленности, а также по соединенным уголовным делам // Законодательство и практика. – 2019. – № 1. – С. 36–40.
9. **Васюков В.Ф.** Когда по предпринимательским делам можно изымать электронные носители информации // Уголовный процесс. – 2019. – № 3. – С. 66–71.
10. **Завьялова И.С., Леонов А.И., Смагин П.Г.** Доказывание по преступлениям, совершенным с использованием информационных технологий. – Воронеж: Воронежский институт МВД России, 2020. – 37 с.
11. **Цуканов Н.Н., Карлов А.Л.** К вопросу об изъятии электронных носителей информации при производстве следственных действий // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 4. – С. 135–140.

References

1. **Grigor'ev V.N., Maksimov O.A.** Ponyatie elektronnykh nositelei informatsii v ugovnom sudoproizvodstve // Vestnik Ufinskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 2. – S. 33–44.
2. **Amelin R.V., Kulikova S.A., Channov S.E.** Informatsionnoe pravo v skhemakh: uchebnoe posobie. – Moskva: Prospekt, 2016. – 125 s.
3. **Ryzhakov A.P.** Kommentarii k Uголовно-protsessual'nomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (postateinyi). – 9-e izd., pererab. – Moskva, 2014. – 1289 s.
4. **Popova L.V.** Osobennosti ugovno-protsessual'nogo regulirovaniya dosudebnogo proizvodstva po ugovnym delam ob ekonomicheskikh prestupleniyakh, sovershennykh v sfere predprinimatel'skoi deyatelnosti: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Volgograd, 2019. – 24 s.
5. **Bulyzhkin A.V.** K voprosu o sostoyanii pravovogo regulirovaniya i pravoprimeneniya poriadka iz'yatiya elektronnykh nositelei informatsii // Sovremennoe ugovno-protsessual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'neishogo reformirovaniya. – 2019. – № 1. – S. 49–58.
6. **Dobrovlyanina O.V.** Nekotorye aspekty o protsessual'nom iz'yatii (kopirovani) elektronnykh nositelei informatsii // Permskii yuridicheskii al'manakh. – 2019. – № 2. – S. 641–649.
7. **Radutinskikh A.N.** Problemy obespecheniya prav i zakonnykh interesov uchastnikov ugovnogo protsessa pri iz'yatii elektronnykh nositelei informatsii v khode obyska // Kriminologicheskii zhurnal. – 2019. – № 1. – S. 25–29.
8. **Bondarenko A.A.** Iz'yatie elektronnykh nositelei informatsii pri rassledovanii ugovnykh del ekonomicheskoi i obshcheugolovnoi napravlenosti, a takzhe po soedinennym ugovnym delam // Zakonodatel'stvo i praktika. – 2019. – № 1. – S. 36–40.
9. **Vasyukov V.F.** Kogda po predprinimatel'skim delam mozhno izymat' elektronnye nositeli informatsii // Ugolovnyi protsess. – 2019. – № 3. – S. 66–71.
10. **Zav'yalova I.S., Leonov A.I., Smagin P.G.** Dokazyvanie po prestupleniyam, sovershennym s ispol'zovaniem informatsionnykh tekhnologii. – Voronezh: Voronezhskii institut MVD Rossii, 2020. – 37 s.
11. **Tsukanov N.N., Karlov A.L.** K voprosu ob iz'yatii elektronnykh nositelei informatsii pri proizvodstve sledstvennykh deistvii // Altaiskii yuridicheskii vestnik. – 2019. – № 4. – S. 135–140.

(статья сдана в редакцию 19.04.2022)

О ВВЕДЕННОЙ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ЗАКОН НОРМЕ, ПОЗВОЛЯЮЩЕЙ ПРОВОДИТЬ ОТДЕЛЬНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ ПОСРЕДСТВОМ ДИСТАНЦИОННЫХ РЕСУРСОВ

ABOUT THE NORM INTRODUCED INTO THE CRIMINAL PROCEDURE LAW, WHICH ALLOWS CONDUCTING SEPARATE INVESTIGATIVE ACTIONS THROUGH REMOTE RESOURCES

УДК 343.1

А.Ю. УШАКОВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Нижегородский филиал Санкт-Петербургской
академии Следственного комитета
Российской Федерации,
Россия, Нижний Новгород)
ushakov.ay@skspba.ru

ANDREY YU. USHAKOV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Nizhny Novgorod branch Saint Petersburg
Academy of the Investigative
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod, Russia)

И.А. КИРЯНИНА

(Нижегородский филиал Санкт-Петербургской
академии Следственного комитета
Российской Федерации,
Россия, Нижний Новгород)
kiry.78@mail.ru

IRINA A. KIRYANINA

(Nizhny Novgorod branch Saint Petersburg
Academy of the Investigative
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod, Russia)

Аннотация: в статье авторами проанализированы проблемы, с которыми предстоит столкнуться органам предварительного расследования при реализации положений вновь введенной в уголовно-процессуальный закон нормы, позволяющей проводить отдельные следственные действия посредством дистанционных ресурсов. Предпринята попытка дать некоторые рекомендации по нивелированию уголовно-процессуальных рисков, возникающих у следователя при формировании доказательственной базы с учетом цифровизации процесса доказывания. Авторы считают, что применение видео-конференц-связи лишает возможности следователя при проведении следственных действий наладить психологический контакт с допрашиваемым, использовать тактические приемы и методы, без которых следственное действие может трансформироваться в собеседование или интервью, а организационные и временные ресурсы, затрачиваемые на проведение следственных действий в дистанционном формате, несоизмеримы с тем результатом, который получит следователь. Единственный и в настоящее время оправданный случай использования рассмотренной в статье новеллы возможен в случае проведения допроса лица с опасным инфекционным заболеванием. Авторам представляется, что возможность использования digital-технологий при проведении таких ключевых следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание, сведена к нулю, несмотря на все желание законодателя шагать в ногу со временем.

Ключевые слова: допрос, очная ставка, опознание, видео-конференц-связь, следственное действие, доказывание, поручение.

Для цитирования: Ушаков А.Ю., Кирянина И.А. О введенной в уголовно-процессуальный закон норме, позволяющей проводить отдельные следственные действия посредством дистанционных ресурсов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 57–62.

Abstract: in this article, the authors analyze the problems that the preliminary investigation bodies will face when implementing the provisions of the norm newly introduced into the criminal procedure law, which allows conducting separate investigative actions through remote resources. An attempt has been made to give some recommendations on leveling the criminal procedural risks that arise for the investigator when forming the evidence base, taking into account the digitalization of the proof process. The authors believe that the use of videoconferencing makes it impossible for the investigator to establish psychological contact with the interrogated person when conducting investigative actions, to use tactical techniques and methods without which the

investigative action can transform into an interview or interview, and the organizational and time resources spent on conducting investigative actions in a remote format are incommensurable with the result that the investigator will receive. The only and currently justified case of using the novel considered in the article is possible in the case of an interrogation of a person with a dangerous infectious disease of the interrogated. It seems to the authors that the possibility of using digital technologies during such key investigative actions as interrogation, confrontation and identification is reduced to zero, despite all the desire of the legislator to keep up with the times.

Keywords: interrogation, confrontation, identification, video-conferencing, investigative action, proof, assignment.

For citation: Ushakov A.Yu., Kiryanina I.A. About the norm introduced into the criminal procedure law, which allows conducting separate investigative actions through remote resources // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 57–62.

Вопрос о необходимости введения нормы, позволяющей органам предварительного расследования проводить отдельные следственные действия посредством использования систем видео-конференц-связи¹, давно обсуждается научным сообществом [1, с. 108–112; 2, с. 589] и практикующими юристами. В последнее время ученые активно популяризируют широкое применение дистанционных средств проведения процессуальных действий на любой стадии уголовного судопроизводства, внедрение дистанционных форм взаимодействия участников уголовно-процессуальных отношений [3, с. 119, 121].

По мнению М.О. Медведевой, расширение возможностей информационных технологий уголовного процесса путем совершенствования программы реализации видео-конференц-связи, под которой она понимает использование данной технологии при проведении следственных действий, таких как допрос, очная ставка, должно осуществляться при решении вопросов, связанных с обеспечением допустимости и достоверности получаемой таким образом информации, ее безопасности и сохранности тайны следствия, соблюдения прав, свобод и законных интересов граждан [4, с. 215].

Федеральным законом от 30.12.2021 № 501-ФЗ в уголовно-процессуальный закон внесены изменения, позволяющие органам предварительного расследования проводить допрос, очную ставку и опознание путем использования систем ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, при наличии технической возможности по правилам ст. 164 и главы 26 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² с учетом особенностей, установленных ст. 189.1 УПК РФ.

Анонсируя возможность применения высоких технологий в следственной практике, авторы законопроекта исходили из презумпции получения лицом, производящим предварительное рассле-

дование, качественно новых возможностей, позволяющих проводить следственные действия и формировать доказательственную базу в условиях пандемийных ограничений, связанных с возможной самоизоляцией и необходимостью обязательного соблюдения ограничительных мер отдельными категориями граждан. Неизбежная цифровизация, по мнению авторов, позволила бы сократить сроки предварительного следствия, соблюдать требования о разумном сроке уголовного судопроизводства, сократить временные и материальные затраты в связи с выездом следователя к месту нахождения участников уголовного судопроизводства, а также иные расходы на совершение процессуальных действий.

Однако принятие указанного закона не вызвало положительной реакции правоприменителей. Их ожидания во многом не оправдались. Более того, законодательно предоставленная возможность использования следователем дистанционных ресурсов при проведении следственных действий породила больше трудностей в формировании доказательственной базы и опасений за ее последующую сохранность.

Первый вопрос, который возникает у правоприменителя, связан с императивно закрепленной возможностью проводить допрос и те следственные действия, в основе которых он лежит, посредством ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование.

Нарушение этого требования влечет за собой признание полученного доказательства недопустимым. Например, использование следователем видеосвязи посредством приложения «WhatsApp» при проведении допроса свидетеля привело к утрате доказательства³. Суд, не исключая эпизод преступного деяния из предъявленного обвинения,

³ Приговор Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону от 17.02.2022 № 1-27/2022(1-292/2021) [Электронный ресурс]. – URL: <https://dsm.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=5C4D95E4FA90990142294B48A7B2C0EC&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32850-3&ts=4942165235761920464&base=AOUG&n=7224073&rnd=AiV-vsQ#0BНac5TMh1YJbwZN1> (дата обращения: 12.05.2022).

¹ Далее – ВКС.

² Далее – УК РФ.

указал на недопустимость нарушения процедуры проведения следственного действия посредством использования следователем альтернативного средства ВКС, помимо системы государственных органов, при соблюдении всех остальных условий, предусмотренных в законе.

О.В. Овчинниковой приводятся результаты анкетного опроса и мониторинга уголовных дел, свидетельствующие о формировании у правоприменителя настоятельной потребности в производстве следственных действий дистанционно, а также об отдельных попытках их проведения. По результатам проведенного опроса установлено, что 60% дознавателей использовали бытовые технологии видеосвязи («Скайп» и др.) для получения информации, подлежащей доказыванию по уголовному делу. В числе достоинств видеосвязи отмечена возможность более точной идентификации допрашиваемого лица, чем посредством аудиосвязи [5, с. 108–110].

В апреле текущего года авторами было проведено анкетирование руководителей и заместителей руководителей следственных отделов в составе следственных управлений СК России Приволжского федерального округа, а также следователей со стажем работы свыше одного года. Из общего количества опрошенных лишь три респондента указали на наличие реальной возможности использовать систему ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, для производства следственных действий.

О проблеме отсутствия соответствующего технического оснащения органов предварительного расследования говорят сами авторы законопроекта⁴ и публицисты [6, с. 76], предлагая в качестве выхода из этого казуса ожидание наличия технической возможности.

Второй ключевой момент связан с перечнем участников уголовного судопроизводства, с которыми возможно проведение следственных действий по ВКС.

Поскольку законодатель не определил круг лиц, в отношении которых возможно проведение допроса, очной ставки и опознания по ВКС, представляется, что буквальное толкование нормы закона позволяет правоприменителю делать вывод о возможности проведения таких следственных действий как в отношении потерпевшего, свидетеля, так и в отношении подозреваемого, обвиняемого, лица без процессуального статуса, а возможность проведения допроса априори презюмируется и в отношении специалиста, эксперта.

⁴ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: законопроект № 1184595-7 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7> (дата обращения: 12.05.2022).

Однако любой следователь скажет нам о важности сохранения визуального контакта «глаза в глаза», особенно с подозреваемым, обвиняемым, прежде всего для того, чтобы самому быть уверенным в качестве и результативности проведения такого важного и информативного следственного действия, как допрос, а также иметь возможность наладить психологический контакт с допрашиваемым, использовать тактические приемы распознавания лжи, методы преодоления иного противодействия.

Еще в 2020 году в условиях активной цифровизации уголовного процесса, развитие которой подстегивала пандемия, ученое сообщество и практикующие юристы говорили о наращивании темпов использования высоких технологий в уголовном судопроизводстве. Особенную актуальность эта тенденция приобрела в 2021 году в связи с принятием на 36-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия «Руководства по видео-конференц-связи в судебных процессах».

Параллельно набирала обороты другая уголовно-процессуальная тенденция. В том же 2021 году приняты решения Конституционного совета Франции от 15.01.2021 № 2020-872 QPC и решение Государственного совета Франции от 12.02.2021 № 448981, концептуально ограничившие применение видео-конференц-связи в уголовном процессе, определившие, что при любом процессе, касающемся личной свободы человека (заключение под стражу, продление сроков содержания под стражей, разрешения уголовного дела по существу), он буквально имеет право на физический доступ к суду, чтобы судья посмотрел на него не в цифровом изображении, а реально. Ни пандемийные ограничения, ни иные чрезвычайные ситуации не могут служить основанием для ограничения этого права. По мнению профессора Л.В. Головки, важен эмоциональный аспект [9, с. 31].

Действительно, процесс формирования доказательственной базы – очень скрупулезный, творческий, где следователь в первую очередь руководствуется законом и совестью, опирается на свое личное убеждение, а нередко и свою интуицию. В уголовном процессе, в отличие от гражданского и арбитражного, до настоящего времени актуальна эмоциональная, если хотите, человеческая составляющая. Умение следователя не только слушать, но и слышать, установить психологический контакт, найти подход к конкретному человеку, поймать на лжи, убедить сознаться под неопровержимым грузом собранных доказательств, использовать тактические приемы – все это может быть нивелировано несовершенством технических возможностей, помехами, нестойким соединением Интернета.

Мы не можем согласиться с отдельными авторами, полагающими, что допрос посредством

ВКС показан тогда, когда следователю нужно «смотреть в глаза» допрашиваемому, увидеть его мимику, когда процесс дачи показаний важен для формирования внутреннего убеждения следователя. В иных случаях следует ограничиться поручением иному органу предварительного расследования [6, с. 75–76].

Если обратиться к законопроекту⁵, то мы увидим, что начальные редакции предполагали возможность проведения допроса с использованием технических средств и программного обеспечения только потерпевшего, свидетеля, специалиста и эксперта. Несмотря на то, что принятая редакция не содержит перечня участников уголовного судопроизводства, в отношении которых допустимо проведение отдельных следственных действий с применением ВКС, мы исходим из того, что глава 26 УПК РФ содержит общие правила проведения допроса, очной ставки и опознания.

Из их буквального толкования положений ст. 76 УПК РФ, согласно которой показания подозреваемого – сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства в соответствии с требованиями ст. 187–190 УПК РФ, а также положений ст. 173 УПК РФ, которая предполагает проведение допроса обвиняемого в порядке, установленном ст. 189 УПК РФ, с очевидной правовой определенностью следует вывод о возможности применения ВКС и при допросе лица, имеющего статус подозреваемого, обвиняемого. Никаких специальных оговорок или исключений в части возможности проведения допроса и тех следственных действий, в основе которых лежит допрос, с применением дистанционных технологий в отношении подозреваемого, обвиняемого законодателем не предусмотрено.

Совершенно очевидно, что при распространении возможности проведения допроса с использованием технических средств и программного обеспечения в отношении подозреваемого, обвиняемого соответствующие вкрапления законодатель должен был внести в ст. 76, 173 УПК РФ.

Все это позволяет нам сделать вывод о том, что законодатель умышленно ушел от закрытого перечня участников уголовного судопроизводства, проведение следственных действий с которыми возможно с применением ВКС.

Однако следователь – это не журналист, и он не берет интервью. Следователь работает в условиях жесткого противодействия как со стороны защиты, так нередко и со стороны обвинения, поскольку и потерпевший, и свидетели обвинения имеют свое видение результатов уголовного пре-

следования лица, совершившего преступление, и свои цели. Следователь при допросе, очной ставке и проведении опознания использует законные методы воздействия на участников уголовного судопроизводства с целью установления истины по уголовному делу, формирования доказательственной базы, привлечения виновных к уголовной ответственности, защиты прав потерпевших. Именно следователь, являясь процессуально независимой фигурой, определяет тактику проведения следственного действия и стратегию всего предварительного следствия по уголовному делу. Он несет личную ответственность за каждое действие и процессуальное решение, а главное за его результативность и продуктивность в целях формирования доказательственной базы. Представляется, что при указанных задачах возможность использования digital-технологий при проведении таких ключевых следственных действий, как допрос, очная ставка и опознание, сведена к нулю, несмотря на все желание законодателя шагнуть в ногу со временем.

При следственном действии, проводимом с применением систем видео-конференц-связи, в первую очередь при допросе, отсутствует возможность установления психологического контакта между следователем и допрашиваемым лицом, столь необходимого для получения всей интересующей следствие информации. Фактически допрос сводится исключительно к стенографированию показаний допрашиваемого лица, их механической фиксации. При таких условиях целесообразность проведения следственных действий с использованием дистанционных технологий сохраняется только с теми лицами, которые изначально настроены на контакт со следователем (потерпевший, эксперт, специалист). Однако при условии целесообразности допроса посредством систем видео-конференц-связи только лиц, изначально настроенных на контакт и сотрудничество со следствием, необходимость организации такого рода следственных действий отпадает в принципе, поскольку допрос и иные следственные действия с участием таких лиц значительно проще и надежнее с точки зрения соблюдения процедуры следственного действия провести по простому поручению следователем по месту нахождения допрашиваемого лица.

Третий существенный вопрос, который возникает у правоприменителя, связан со значительными временными и организационными ресурсами в сравнении с классическим традиционным способом проведения следственного действия самостоятельно следователем, выехавшим в командировку, либо при направлении соответствующего поручения органу предварительного расследования. В следственном действии парал-

⁵ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: законопроект № 1184595-7 [Электронный ресурс]. – URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1184595-7> (дата обращения: 12.05.2022).

тельно задействованы два следователя – основной, в чьем производстве находится уголовное дело, являющийся инициатором проведения следственного действия, и дополнительный – по месту нахождения лица, участвующего в следственном действии. Готовится видеоаппаратура и специальные компьютерные программы для осуществления видеозаписи допроса. Этим вопросом занимаются как следователь, в производстве которого находится уголовное дело, так и орган предварительного расследования, исполняющий соответствующее поручение. Такое параллельное проведение видеозаписи обусловлено реальной угрозой технического сбоя и отсутствием видеозаписи следственного действия или невозможностью ее сохранения, что в конечном итоге влечет признание полученного доказательств недопустимым, ведет к утрате доказательственной базы.

При проведении опознания лица, трупа или предмета опознающий, предварительно допрошенный об отличительных чертах, по которым может опознать кого-либо или что-либо, в условиях проведения следственного действия с использованием систем видео-конференц-связи, с учетом качества передаваемой картинки и изменения цветопередачи, будет лишен возможности наблюдать мелкие детали (царапины, пометки, шрамы, родинки, татуировки и т.д.) на опознаваемом предмете или лице, что ставит под сомнение саму возможность проведения опознания с использованием высоких технологий.

Проведение очной ставки посредством дистанционных ресурсов, когда участники следственного действия надежно защищены экранами мониторов и многими километрами, имеет реальную перспективу превратиться в аналог реалити-шоу или пройти в формате видеоконференции, созданной для обсуждения любой абстрактной темы. Однако следователь вряд ли сможет себе позволить, поскольку цели и задачи проведения следственного действия не будут достигнуты.

Допрос, как и иные следственные действия с применением ВКС, проводится одновременно в двух местах: следователем, в производстве которого находится уголовное дело, по месту производства предварительного расследования, и следователем, который занимается организацией участия свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства в следственном действии, по месту, определенному органом предварительного расследования, исполняющим соответствующее письменное поручение.

Таким местом может стать не только служебный кабинет следователя, организующего участие свидетеля или иного участника судопроизводства в допросе. Буквальное толкование положений

ч. 1 ст. 187 УПК РФ позволяет дополнительному следователю обеспечить участие лица в допросе и в месте фактического нахождения последнего. А если это не запрещено поручением, то и в другом, определенном следователем месте.

Представляется, что единственный случай, когда местом, в котором допрашиваемый принимает участие в предусмотренном ст. 189.1 УПК РФ допросе, может быть лишь место нахождения допрашиваемого, если доставление его в служебный кабинет следователя ставит под угрозу здоровье или жизнь допрашиваемого либо других граждан. Обычно такая ситуация складывается в связи с не позволяющим перемещаться или опасным инфекционным заболеванием допрашиваемого. На наш взгляд, это единственное оправданное применение дистанционных способов проведения следственных действий в настоящее время. Во всех остальных случаях норма нежизнеспособна, и законодатель поспешил с ее принятием.

Выполнит ли данная норма возложенные на нее законодателем надежды, покажет время, однако в настоящий момент, поскольку практика ее применения крайне скудна, можно сделать предварительные выводы о том, что целесообразность введения в УПК РФ возможности проведения следственных действий с применением систем видео-конференц-связи в условиях и по правилам, обозначенным в ст. 189.1 УПК РФ, низкая.

Наиболее целесообразным было бы внесение в УПК РФ нормы, позволяющей следователю самостоятельно допросить лицо, находящееся на значительном удалении от места проведения расследования, посредством ВКС государственных органов, осуществляющих предварительное расследование, с составлением протокола следственного действия и приобщением к протоколу видеозаписи допроса. В данном случае также отсутствует возможность установления психологического контакта с допрашиваемым лицом, однако значительно сокращается время, затраченное на организацию допроса и прибытие допрашиваемого лица в место проведения следственного действия.

Таким образом, введение дистанционных технологий при проведении следственных действий, вызванное пандемийными ограничениями, не нашло положительного отклика в деятельности следователей Следственного комитета Российской Федерации. Это обусловлено в первую очередь теми задачами, которые стоят перед следователем при формировании доказательственной базы, особенностями процесса доказывания, целями уголовного судопроизводства. Активная позиция стороны защиты, противодействие участников уголовного судопроизводства, прокурорский надзор и судебный контроль, презюмирующие исключение

любого доказательства, не отвечающего критерию допустимости в случае малейшего нарушения порядка и процедуры проведения следственного действия со стороны следователя, – все это в совокупности создает предпосылки к тому, что следователю проще и надежнее с точки зрения сохранения доказательств провести следственное действие в традиционном классическом порядке либо направить соответствующее поручение следователю или органу дознания.

Применение видео-конференц-связи лишает возможности следователя при проведении следственных действий наладить психологический

контакт с допрашиваемым, использовать тактические приемы и методы, без которых следственное действие может трансформироваться в собеседование или интервью.

Организационные и временные ресурсы, затрачиваемые на проведение следственных действий в дистанционном формате, несоизмеримы с тем результатом, который получит следователь. Единственный и в настоящее время оправданный случай использования рассмотренной нами новеллы возможен в случае проведения допроса лица с опасным инфекционным заболеванием допрашиваемого.

Литература

1. **Добровлянина О.В.** Внедрение новых электронных технологий в уголовное судопроизводство // *Ex jure*. – 2019. – № 2. – С. 104–117. – DOI: 10.17072/2619-0648-2019-2-104-117.
2. **Зуев С.В., Никитин Е.В.** Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // *Всероссийский криминологический журнал*. – 2017. – Т. 11. – № 3. – С. 587–595. – DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).587-595.
3. **Зуев С.В.** Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // *Сибирский юридический вестник*. – 2018. – № 4 (83). – С. 118–123.
4. **Медведева М.О.** Информационные технологии как предмет уголовно-процессуального регулирования // *Актуальные проблемы современного законодательства: материалы IV Всероссийской межвузовской научно-практической конференции* (г. Москва, 27 апреля 2016 г.) / отв. ред. А.Г. Забелин; Московский финансово-юридический университет МФЮА. – Москва: МФЮА, 2016. – С. 212–219.
5. **Овчинникова О.В.** Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. – 2019. – № 1 (47). – С. 108–116.
6. **Рыжаков А.П.** Следственные действия по ВСК. Вопросы и ответы // *Уголовный процесс*. – 2022. – № 3. – С. 75–79.
7. **Головко Л.В.** Перепрыгивания через судебные инстанции быть не должно // *Уголовный процесс*. – 2022. – № 2. – С. 30–38.

References

1. **Dobrovlyanina O.V.** Vnedrenie novykh elektronnykh tekhnologii v ugovnoe sudoproizvodstvo // *Ex jure*. – 2019. – № 2. – S. 104–117. – DOI: 10.17072/2619-0648-2019-2-104-117.
2. **Zuev S.V., Nikitin E.V.** Informatsionnye tekhnologii v reshenii ugovno-protsessual'nykh problem // *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*. – 2017. – T. 11. – № 3. – S. 587–595. – DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(3).587-595.
3. **Zuev S.V.** Tsifrovaya sreda ugovnogo sudoproizvodstva: problemy i perspektivy // *Sibirskii yuridicheskii vestnik*. – 2018. – № 4 (83). – S. 118–123.
4. **Medvedeva M.O.** Informatsionnye tekhnologii kak predmet ugovno-protsessual'nogo regulirovaniya // *Aktual'nye problemy sovremennogo zakonodatel'stva: materialy IV Vserossiiskoi mezhvuzovskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (g. Moskva, 27 aprelya 2016 g.) / отв. ред. А.Г. Забелин; Московский финансово-юридический университет МФЮА. – Москва: МФЮА, 2016. – S. 212–219.
5. **Ovchinnikova O.V.** Dstantsionnye sledstvennye deistviya: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika*. – 2019. – № 1 (47). – S. 108–116.
6. **Ryzhakov A.P.** Sledstvennye deistviya po VSK. Voprosy i otvety // *Ugolovnyi protsess*. – 2022. – № 3. – S. 75–79.
7. **Golovko L.V.** Pereprygivaniya cherez sudebnye instantsii byt' ne dolzhno // *Ugolovnyi protsess*. – 2022. – № 2. – S. 30–38.

(статья сдана в редакцию 03.06.2022)

ФОРЕНЗИКА КАК КОМПОНЕНТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ FORENSICS AS A COMPONENT OF COUNTERING HIGH-TECH CRIME

УДК 343.9

А.Э. ФЕДОСЕЕВ

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
andy_fedoseev@mail.ru

ANDREY E. FEDOSEEV

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

И.Н. АРХИПЦЕВ,

кандидат юридических наук, доцент
(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
ArhiptsevIN@yandex.ru

IVAN N. ARKHIPTSEV,

Candidate of Law, Associate Professor
(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в связи с тем, что человечество в лице ведущих государств мира, в том числе и Российская Федерация как его неотъемлемая часть, находятся в настоящее время на пути создания нового индустриального общества (Industrie 5.0), в котором определяющее, если не главное значение будут в будущем играть связанные с информацией и созданные на ее основе сети, технологии, продукты и другие важные компоненты такого общества, остро встает вопрос об обеспечении надлежащей защиты критически важной информационной составляющей деятельности предприятий, учреждений и организаций, имеющих своей целью дестабилизацию или нарушение их функционирования.

В статье рассматривается аспект появления форензики как подраздела криминалистики, актуальность ее применения, реализация в виде коммерческих продуктов как результат востребованности, их применимость и результативность. Обосновывается необходимость Российскому государству уделить повышенное внимание развитию новых направлений в раскрытии и расследовании преступлений, к которым относятся форензика, подготовке и переподготовке кадров в области обеспечения информационной безопасности, улучшению материально-технического оснащения соответствующих подразделений, в том числе МВД России, разработке и внедрению в деятельность правоохранительных органов современных технологий в раскрытии и расследовании преступлений, а также рассмотрению возможности создания в стране нового специализированного органа, занимающегося мониторингом и своевременным выявлением возникающих угроз в сфере информационной безопасности и реализации современных технологических решений.

Ключевые слова: форензика, извлечение данных, киберпреступность, кибербезопасность, информационно-телекоммуникационные сети, Интернет, предупреждение.

Для цитирования: Федосеев А.Э., Архипцев И.Н. Форензика как компонент противодействия высокотехнологичной преступности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 63–69.

Abstract: due to the fact that humanity, represented by the leading states of the world, including the Russian Federation as an integral part of it, is currently on the way to creating a new industrial society (Industrie 5.0), in which information-related and information-based networks, technologies, products and other important components of such a society will play a decisive, if not the main role in the future, the issue of ensuring adequate protection of the critical information component of the activities of enterprises, institutions and organizations, with the aim of destabilizing or disrupting their functioning.

The article deals with the aspect of the appearance of forensic science as a subsection of criminalistics, the actuality of its application, implementation in the form of commercial products as a result of demand, their applicability and effectiveness. The author substantiates the need for the Russian state to pay increased attention to the development of new directions in the disclosure and investigation of crimes, which include forensics, training and retraining of personnel in the field of information security, improving the material and technical equipment of relevant departments, including the Ministry of Internal Affairs of Russia, the development and implementation of modern

technologies in the detection and investigation of crimes in law enforcement agencies, as well as considering the possibility of creating a new specialized body in the country engaged in monitoring and timely identification of emerging threats in the field of information security and the implementation of modern technological solutions.

Keywords: forensics, data extraction, cybercrime, cybersecurity, information and telecommunication networks, Internet, prevention.

For citation: Fedoseev A.E., Arkhitektsev I.N. Forensics as a component of countering high-tech crime // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 63–69.

Как известно, информационные и телекоммуникационные технологии, находя отражение во всех сферах жизнедеятельности человека, являются наиболее быстроразвивающимися и востребованными. Используемые повседневно, они также стали составляющей противоправной деятельности, причем как её объектом, так и инструментом. Удаленный доступ к банковским счетам, «взлом» учетных записей социальных сетей, чтение переписки электронной почты стали более доступными благодаря тому же развитию мобильных гаджетов, которые по производительности электронной начинки далеко опередили стационарное оборудование десятилетней давности. На сегодня разве при совершении преступлений против личности не будут фигурировать гаджеты в качестве инструмента? Такая тенденция привела к появлению термина «киберпреступность» и категорий киберпреступлений¹. Некоторые авторы выделяют их в такую общую категорию, как «цифровая» преступность [3, с. 24]. Количественные показатели ценности информации можно измерить в виде экономических потерь. В частности, в 2020 году ущерб от совершения преступлений в киберпространстве превысил 1% мирового ВВП, или свыше 1 трлн долларов США². С другой стороны, рост затрат на киберзащиту как крупных компаний, так и государственных структур также можно расценивать в качестве шкалы оценки значимости этого направления. Все это говорит о необходимости как планирования мер противодействия на информационном поле, так и технологическом развитии процесса расследования преступлений в киберпространстве. Если противоправная деятельность активно использует современные достижения в области информационных технологий, то и противодействие должно

быть организовано при их участии или даже работать на опережение. Связь юридической науки и технических дисциплин привела к появлению термина «форензика» – прикладной науки, являющейся подразделом криминалистики, в области компьютерной информации [4, с. 66].

Компьютер как непосредственный носитель таковой информации от момента своего появления до нашего времени трансформировался из громоздкого электронного устройства в карманный гаджет с возможностью хранения много большего объема информации, большей ее разнородности, применимости и возможности ее передачи. Примененный в 1992 году термин «карманный персональный компьютер» трансформировался в современный смартфон – наиболее распространенный проводник человека в виртуальном мире. Мобильный телефон превратился из устройства осуществления голосовой связи в многофункциональное устройство интеграции реального человека с «персонажем» виртуального мира. Современный «телефон», в отличие от ранее использованных сопоставлений ФИО – абонентский номер, позволяет соотносить лицу такие сведения, как расширенный перечень персональных данных, имена учетных записей различных мессенджеров, социальных сетей, адресов электронной почты, и иную информацию, становясь хранилищем структурированных баз данных. Также устройство хранит различную мультимедийную информацию, историю переписки с иными «персонажами» виртуального мира, историю посещенных интернет-страниц, вводимых идентификационных данных, данных геолокации, маршрутов. Использование такой информации преступником позволяет ему качественнее спланировать и легче осуществить свой замысел. И наоборот, знание таких сведений о злоумышленнике повысит качество доказывания противоправности его действий или позволит предотвратить преступный замысел при реализации в качестве оперативной информации.

Получение сведений из гаджета возможно различными способами, реализация которых зависит от возможностей, оснащения, особенностей извлекающего устройства, временных и других факторов. В 2009 году Сэмом Бразерсом представлена пятиуровневая модель [6] извлечения данных из мобиль-

¹ Преступления, связанные с использованием компьютерной сети [Электронный ресурс] / Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // A/CONF. 187/10. – URL: https://www.unodc.org/documents/congress/Previous_Congresses/10th_Congress_2000/017_ACONF.187.10_Crimes_Related_to_Computer_Networks_R.pdf. (дата обращения: 19.11.2021).

² The Hidden Costs of Cybercrime [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.csis.org/analysis/hidden-costs-cybercrime> (дата обращения: 19.11.2021).

ных устройств. На самом низком уровне представлено ручное извлечение данных, реализуемое без специальных приспособлений, представляющее собой обычный просмотр самого устройства путем открытия соответствующих его разделов и анализа их содержимого.

Последующие уровни, такие как логический уровень, физический уровень, схема памяти и микроуровень, являются технически более сложными, однако их реализация дает более значимый результат как с точки зрения объема и качества информации, так и более «правильный» с точки зрения криминалистики и закрепления доказательной базы. Эти уровни, в соответствии с потребностями на рынке, получили программную, в том числе свободно распространяемую, и аппаратную реализацию. Усложнение поставленной задачи вносилось производителями сотовых телефонов за счет разнообразия архитектуры электронных устройств, операционных систем, не позволяя реализовать единый алгоритм извлечения данных. Использование комбинаций имеющихся решений привело к созданию аппаратно-программных комплексов, в которых при реализации разных уровней извлечения данных учитывались различия моделей устройств, необходимость обхода блокировок.

Специальные технические средства, такие как XRY и Cellebrite UFED, получили широкое распространение как в экспертной, так и в оперативной работе. Популярен также и отечественный продукт «Мобильный криминалист», который на фоне законодательно установленного приоритета товаров российского происхождения³ представляет особый интерес. Его положительной особенностью является возможность обработки и анализа образов, созданных при помощи вышеуказанных иностранных специальных технических средств. Эта функция широко применялась при комплексном использовании различных продуктов. Сегодня «Мобильный криминалист» получил аппаратно-программный вариант реализации, что в совокупности с накопленным опытом, по сведениям разработчика⁴, позволяет продукту осуществлять поддержку более 34 тыс. моделей устройств, в том числе заблокированных, более 14 тыс. версий приложений, а также облачных сервисов и иных устройств.

³ О приоритете товаров российского происхождения, работ, услуг, выполняемых, оказываемых российскими лицами, по отношению к товарам, происходящим из иностранного государства, работам, услугам, выполняемым, оказываемым иностранными лицами: постановление Правительства Российской Федерации от 16 сентября 2016 г. № 925 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Гарант».

⁴ Пресс-релиз компании «Оксиджен Софтвар». «Мобильный Криминалист» совершенствует поддержку iOS и Android-устройств [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.oxxygensoftware.ru/ru/news/press-releases/230-mk-11-8-1-3> (дата обращения: 19.11.2021).

Потребности бизнес-компаний и правоохранительных органов при расследовании компьютерных инцидентов различны. В одном случае достаточно установления факта, в другом – необходим определенный порядок документирования. Развитие и усложнение устройств – носителей информации влечет усложнение процедуры извлечения данных не только с точки зрения самого процесса, но и с точки зрения сохранения целостности информации при изъятии и анализе, восстановлении удаленных данных, гарантии её защиты от искажения, в т.ч. непреднамеренного, потери и, как следствие, применимости в качестве доказательной базы. Реалии современной криминалистики и отечественного судопроизводства учитываются при реализации технических решений, позволяя идти в ногу с развитием цифровых технологий при противодействии и профилактике киберпреступности.

Какие же виды преступлений, совершенных с использованием современных информационных и компьютерных технологий, выделяются в науке?

Например, Д.А. Илюшин предлагает рассматривать среди киберпреступлений такие виды, как:

1. Неправомерное подключение к глобальной сети.
2. Действия с вредоносными программами (их создание, использование и распространение).
3. Действия с информацией, запрещенной к свободному обороту, совершенное с использованием глобальной сети (незаконное изготовление, хранение, распространение, публичная демонстрация или рекламирование).
4. Нарушение авторских и смежных прав, а также незаконное использование чужого товарного знака, совершенные с использованием глобальной сети.
5. Компьютерное мошенничество.
6. Хищение электронных реквизитов и сбыт поддельных кредитных либо расчётных карт.
7. Незаконное предпринимательство в сфере предоставления интернет-услуг.
8. Вымогательство, совершенное с использованием глобальной сети.
9. Кибертерроризм [2, с. 155].

Данная классификация систематизирует преступления по признаку отношения к компьютерной информации. В.Б. Вехов предлагает классифицировать преступления по роли компьютерной техники в механизме преступного деяния. При таком подходе возможны две ситуации: компьютер как предмет преступного посягательства и компьютер как орудие и средство совершения преступления [1, с. 27].

Существуют и иные подходы к классификации киберпреступлений. Можно рассматривать компьютерное пиратство, компьютерный «терроризм» и «вандализм», хищение денежных средств в электронном эквиваленте, мошенничество в электронной торговле, электронные способы легализации

преступных доходов, варианты перехвата информации, традиционные преступления, совершенные с помощью компьютерных технологий [5, с. 37–41].

В своей работе мы сознательно акцентировали внимание на криминалистических и криминологических особенностях данной группы преступлений, поскольку, во-первых, полагаем, что изучение киберпреступности и киберпреступлений носит и всегда будет носить междисциплинарный характер, начиная от кибернетики (самой по себе уже междисциплинарной науки) и заканчивая психологией, изучающей киберпреступника и жертву в киберсреде, и во-вторых, и как следствие первого, к сожалению, объем настоящей статьи ограничен, и исследование только детерминант и мер профилактики киберпреступлений – это тема отдельного исследования, зачастую монографического уровня. Поэтому представленная на суд читателя работа, по авторскому замыслу, в первую очередь несет задачу осветить особенности и проблемы в данной области, а также наметить пути их решения, прежде всего со стороны отечественных законодателя и правоприменителей.

И поскольку отечественное законодательство в области обеспечения противодействия киберпреступности находится в самом начале своего формирования, то в целях повышения эффективности работы правоохранительных органов в области раскрытия и расследования преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационной среде, предлагаем реализовать Российскому государству следующие меры:

1. Подготовка высококвалифицированных кадров в области искусственного интеллекта, IT-безопасности, прежде всего среди сотрудников правоохранительных органов, повышение уровня компьютерной грамотности и компетентности в области кибербезопасности существующего кадрового звена. Так, в настоящее время в образовательных организациях системы МВД России запланировано обучение будущих правоохранителей по новому профилю образовательной программы «Деятельность подразделений по контролю за оборотом наркотиков, осуществляющих выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий». Полагаем, что уже сегодня назрела острая необходимость в подготовке программ обучения не только по вышеуказанному образовательному профилю, но и по другим не менее важным направлениям борьбы с отдельными видами организованной преступности в сети Интернет, например, по противодействию совершению экономических преступлений в финансово-кредитной сфере, в сфере противодействия сексуальной эксплуатации и насилию в отношении детей и других преступлений, совершаемых с использованием ин-

формационно-телекоммуникационных технологий, искусственного интеллекта и представляющих повышенную опасность для государства и общества.

2. Другим немаловажным вопросом, влияющим на успешное противодействие данным негативным явлениям, является совершенствование материально-технической базы и применение современных технологий поиска и обнаружения киберпреступников в информационных сетях. В частности, необходима дальнейшая разработка и совершенствование специальных программ поиска педофилов. Так, в августе 2021 года компания Apple разработала новую технологию обнаружения материалов, содержащих сцены сексуального насилия над детьми, на устройствах, подключённых к сервису iCloud [7]. Стоит отметить, что уже сейчас данная технология вызвала неоднозначную реакцию среди «правозащитных» организаций, однако представляется, что технологии поиска онлайн-злоумышленников будут в будущем только все более совершенствоваться и усложняться.

Другим примером успешного использования современных технологий перцептивного хеширования [8] и машинного обучения в целях защиты детей от сексуальной эксплуатации в сети Интернет могут служить программные продукты некоммерческой организации Thorn, в частности, Spotlight и Safer, которые позволяют установить жертв SCAM-контента, а также самих злоумышленников⁵.

3. Необходима разработка для сотрудников правоохранительных органов методических рекомендаций, пособий, в которых бы раскрывались актуальные приемы и способы выявления и раскрытия IT-преступлений, обнаружения, фиксации «цифровых» следов преступления, установления личности злоумышленника в информационно-телекоммуникационных сетях и другой важной для расследования такой категории дел информации. К сожалению, следует констатировать неутешительный факт, что современные отечественные уголовное право, криминология и криминалистика в своем инструментарии сильно отстают от форм и темпов развития цифровой преступности. Как мы уже указывали ранее, формы и виды киберпреступлений многообразны. Такие явления, как применение искусственного интеллекта при совершении преступлений, использование «фейковых» данных о лице в целях совершения мошеннических действий, связанных с неправомерным доступом к банковской и иной тайне, использование криптовалют и иных виртуальных активов для финансирования террористической или экстремистской деятельности, – это, увы, далеко не полный перечень деяний, совершаемых в рассматриваемой сфере в настоящее

⁵ Шип для родителей [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.thorn.org/>

время. Следует согласиться с мнением А.С. Шаталова, который обоснованно считает, что одной из наиболее существенных причин низкого качества предварительного расследования преступлений, совершаемых в киберпространстве, является отсутствие качественных методических разработок, в реализации которых были бы в полной мере задействованы современные информационные технологии [9, с. 11]. В связи с изложенным заинтересованные государственные органы, в частности, ФСБ России, МВД России и другие правоохранительные органы, должны активизировать деятельность по подготовке заказных исследований в области противодействия преступлениям, совершаемым в информационно-телекоммуникационной среде, с привлечением прежде всего специалистов в сфере информационных технологий, поскольку в целом специалисты в области правового обеспечения в указанных правоохранительных органах имеются и с решаемыми задачами справляются.

4. Поскольку значительная доля преступлений, совершаемых в информационно-телекоммуникационной среде, является трансграничной и транснациональной [10, с. 103–112] (например, торговля в сети Интернет оружием, наркотиками, детской порнографией, терроризм, экстремистская деятельность), то, безусловно, необходима дальнейшая консолидация и совместная работа российских правоохранительных органов с зарубежными партнерами, причем на такую работу, по нашему мнению, не должны никак влиять политические и экономические отношения Российской Федерации с отдельными странами. Мы поддерживаем позицию ученых о том, что эффективно бороться, например, с преступными проявлениями в сети Интернет, основанными на использовании технологий искусственного интеллекта, возможно с применением правоохранительными органами самых передовых технологий и того же искусственного интеллекта.

Сотрудниками ВНИИ МВД России, подготовившими научный доклад «О перспективах использования технологий искусственного интеллекта в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел», были выделены четыре главных направления:

- 1) сбор, хранение и обработка информации;
- 2) аналитические и прогнозные модели;
- 3) осуществление цифровых расследований;
- 4) обеспечение коммуникаций и взаимодействия⁶.

При анализе зарубежного опыта хотелось бы понять, на какие страны можно ориентироваться в данном исследовании.

⁶ Овчинский В.С., Маслов А.А., Бабушкин А.А. О перспективах использования технологий искусственного интеллекта в оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел: научный доклад. – Москва: ВНИИ МВД России, 2020.

На первом месте выступает США, в своей правоохранительной деятельности эта страна активно использует искусственный интеллект. Основным фундаментом разработок в этой сфере приходится на такие мощнейшие корпорации, как Google, Microsoft, Facebook и IBM, различные исследовательские организации – Калифорнийский университет Беркли, Принстонский университет и другие.

В полиции США существуют программно-аппаратные средства, которые позволяют активно накапливать, хранить и обрабатывать информацию о людях, например, их фото-, видеоизображения.

В Нью-Йорке в 2007 году был создан центр общественной безопасности, в него включено достаточное количество различных источников информации, более 100. Эти данные в структурированном виде поступают в центр и преобразуются в нужный формат [11, с. 229–232].

Американская полиция также использует Shotspotter, акустическую систему, позволяющую фиксировать выстрелы из любого огнестрельного оружия. Микрофоны размещаются в преступных районах, они позволяют определить место, откуда исходил выстрел, при помощи точек на карте и сразу оповещают дежурную часть полиции.

В Китае так же, как и в США, активно применяется искусственный интеллект. Он направлен на развитие военно-промышленного комплекса и контроль социального поведения граждан.

Правительство КНР использует систему «социального доверия», позволяющую контролировать поведение людей. За хорошее поведение накапливают баллы, за плохое их отнимают. Люди с плохими показателями не могут посещать некоторые места, занимать государственные должности и т.д.

В мае 2021 года Москва получила статус умного города [12]. В связи с этим будут разрабатываться следующие направления:

- цифровые технологии и инновации;
- здравоохранение и образование;
- ЖКХ;
- транспорт;
- экономика;
- безопасность;
- строительство.

В МВД России в рамках цифровой трансформации деятельности существует план по реализации пилотных проектов по выявлению признаков серийных преступлений и по определению индивидуальных анатомических признаков человека, полученных из биологического материала с мест совершения преступления. Запланировано формирование дата-сетов преступлений и правонарушений, а также различных обращений граждан.

5. Мы поддерживаем инициативы ряда экспертов, предлагающих создать в стране отдельный специализированный орган, в основные функции

которого входило бы не раскрытие и расследование, а именно профилактика цифровых преступлений и выявление угроз в сфере информационной безопасности. В частности, М.А. Желудков заявляет, что назрела насущная потребность в создании нового, более технически и организационно оснащенного правоохранительного органа для эффективного отражения кибератак и защиты от высокотехнологической преступности во всех сферах жизнедеятельности нашего общества, где защита будет приоритетом не после совершения преступного деяния, а в процессе создания и реализации новых цифровых технологических решений [13, с. 63–70]. Полагаем, что вполне возможно создание такой службы на базе Роскомнадзора.

Таким образом, проведенное исследование показало, что современные информационные технологии несут в себе как отрицательные, так и положительные моменты их применения. Безусловно, развитие науки и техники не стоит на месте, однако при этом, к сожалению, все большее внедрение их достижений как в деятельность государственных

и общественных институтов, так и повседневную жизнь простых граждан порождает новый тип преступности, а именно цифровой или киберпреступности. В связи с этим Российскому государству следует уделить повышенное внимание развитию новых направлений в раскрытии и расследовании киберпреступлений, которыми занимается наука «форензика», подготовке и переподготовке кадров в области обеспечения информационной безопасности, улучшению материально-технического оснащения соответствующих подразделений, в том числе МВД России, разработке и внедрению в деятельность правоохранительных органов современных технологий в раскрытии и расследовании преступлений, в том числе созданных с использованием технологий искусственного интеллекта, а также рассмотрению возможности создания в стране нового специализированного органа, занимающегося мониторингом и своевременным выявлением возникающих угроз в сфере информационной безопасности и реализации современных технологических решений.

Литература

1. **Вехов В.Б.** Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия / под ред. акад. Б.П. Смагоринского – Москва: Право и закон, 1996. – 170 с.
2. **Илюшин Д.А.** Особенности расследования преступлений, совершаемых в сфере предоставления услуг Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. – Волгоград, 2008. – 233 с.
3. **Ищук Я.Г., Пинкевич Т.В., Смольянинов Е.С.** Цифровая криминология: учебное пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – 242 с.
4. **Медведев И.В.** Компьютерная криминалистика «Форензика» и киберпреступность в России // Пролог. – 2013. – № 3. – С. 66–69.
5. **Морар И.О.** Могут ли в рамках науки криминологии рассматриваться способы совершения компьютерных преступлений и их последствия? // Российский следователь. – 2012. – № 12. – С. 37–41.
6. **Brothers S.** Cell Phone and GPS Forensic Tool Classification System [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.scribd.com/document/53219359/MFW2009-BROTHERS-CellPhoneandGPSForensicToolClassificationSystem>. (дата обращения: 19.11.2021).
7. **Setter C.** Apple's fresh approach to child protection can be a game-changer [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.weprotect.org/blog/apples-fresh-approach-to-child-protection-can-be-a-game-changer/> (дата обращения: 19.11.2021).
8. **Zauner C.** Implementation and Benchmarking of Perceptual Image Hash Functions: Ph.D. thesis. University of Applied Sciences, Hagenberg, 2010, [Электронный ресурс]. – URL: https://www.phash.org/docs/pubs/thesis_zauber.pdf (дата обращения: 19.11.2021).
9. **Шаталов А.С.** Разработка методических основ расследования преступлений, совершаемых с помощью компьютерных и сетевых технологий: проблемы, перспективы и тенденции // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2018. – № 3 (32). – С. 7–15.
10. **Овчинский В.С.** Криминология цифрового мира: учебник для магистратуры. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2018. – 351 с.
11. **Завьялов И.А.** Зарубежный опыт использования искусственного интеллекта в раскрытии преступлений // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 229–232.
12. **Кучер Е.** Умный город – 2030 [Электронный ресурс]. – URL: https://tsargrad.tv/articles/umnyj-gorod-2030-sobjanina-cherez-10-let-moskvu-zahvatjat-amerikanskie-kiborgi_260600
13. **Желудков М.А.** Обоснование необходимости адаптации деятельности правоохранительных органов к условиям цифровой трансформации преступной среды // Lex russica (Русский закон). – 2021. – Т. 74. – № 4. – С. 63–70.

References

1. **Vekhov V.B.** Komp'yuternye prestupleniya: sposoby soversheniya i raskrytiya / pod red. akad. B.P. Smagorinskogo – Moskva: Pravo i zakon, 1996. – 170 s.
2. **Ilyushin D.A.** Osobennosti rassledovaniya prestuplenii, sovershaemykh v sfere predostavleniya uslug Internet: dis. ... kand. yurid. nauk. – Volgograd, 2008. – 233 s.
3. **Ishchuk Ya.G., Pinkevich T.V., Smol'yaninov E.S.** Tsifrovaya kriminologiya: uchebnoe posobie. – Moskva: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2021. – 242 s.
4. **Medvedev I.V.** Komp'yuternaya kriminalistika "Forenzika" i kiberprestupnost' v Rossii // Prolog. – 2013. – № 3. – С. 66–69.
5. **Morar I.O.** Mogut li v ramkakh nauki kriminologii rassmatrivat'sya sposoby soversheniya komp'yuternykh prestuplenii i ikh posledstviya? // Rossiiskii sledovatel'. – 2012. – № 12. – S. 37–41.

6. **Brothers S.** Cell Phone and GPS Forensic Tool Classification System [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://ru.scribd.com/document/53219359/MFW2009-BROTHERS-CellPhoneandGPSForensicToolClassification-System>. (data obrashcheniya: 19.11.2021).
7. **Setter C.** Apple's fresh approach to child protection can be a game-changer <https://www.weprotect.org/blog/apples-fresh-approach-to-child-protection-can-be-a-game-changer/> [Elektronnyi resurs]. – URL: <https://www.weprotect.org/blog/apples-fresh-approach-to-child-protection-can-be-a-game-changer/> (data obrashcheniya: 19.11.2021).
8. **Zauner C.** Implementation and Benchmarking of Perceptual Image Hash Functions: Ph.D. thesis. University of Applied Sciences, Hagenberg, 2010, [Elektronnyi resurs]. – URL: https://www.phash.org/docs/pubs/thesis_zauber.pdf (data obrashcheniya: 19.11.2021).
9. **Shatalov A.S.** Razrabotka metodicheskikh osnov rassledovaniya prestuplenii, sovershaemykh s pomoshch'yu komp'yuternykh i setevykh tekhnologii: problemy, perspektivy i tendentsii // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2018. – № 3 (32). – S. 7–15.
10. **Ovchinskii V.S.** Kriminologiya tsifrovogo mira: uchebnik dlya magistratury. – Moskva: Norma: INFRA-M, 2018. – 351 s.
11. **Zav'yalov I.A.** Zarubezhnyi opyt ispol'zovaniya iskusstvennogo intellekta v raskrytii prestuplenii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2021. – № 3. – S. 229–232.
12. **Kucher E.** Umnyi gorod – 2030 [Elektronnyi resurs]. – URL: https://tsargrad.tv/articles/umnyj-gorod-2030-sobjanina-cherez-10-let-moskvu-zahvatjat-amerikanskije-kiborgi_260600
13. **Zheludkov M.A.** Obosnovanie neobkhodimosti adaptatsii deyatel'nosti pravookhranitel'nykh organov k usloviyam tsifrovoi transformatsii prestupnoi sredy // Lex russica (Russkii zakon). – 2021. – T. 74. – № 4. – S. 63–70.

(статья сдана в редакцию 06.12.2021)

КОММЕРЧЕСКИЙ ПОДКУП И ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО: СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ОТГРАНИЧЕНИЕ СОСТАВОВ COMMERCIAL BRIBERY AND BRIBERY: A MODERN VIEW ON COMPOSITION DEFINITION

УДК 343.7

Л.А. МАСЛОВА
(Ленинский районный суд г. Курска,
Россия, Курск)
maslovaloretta@gmail.com

LORETTA A. MASLOVA
(Leninsky District Court of Kursk,
Kursk, Russia)

Аннотация: статья посвящена исследованию актуальных вопросов отграничения коммерческого подкупа от смежных с ним составов преступлений, связанных с получением и дачей взятки. Детально описаны особенности разграничения сопоставляемых деяний. По результатам соотнесения анализируемых составов преступлений были определены отдельные недостатки и пробелы законодательной регламентации уголовной ответственности за коммерческий подкуп, а также выработаны перспективы их устранения. Учитывая, что ряд действующих норм в исследуемой сфере носят несовершенный и устаревший характер, в статье представлен возможный вариант их совершенствования. Выявлено, что единому, унифицированному пониманию предмета взятки (подкупа) препятствует его противоречивое законодательное толкование. Логически необоснованной признана конкретизация в нормах о взяточничестве преступных деяний в виде общего покровительства и попустительства по службе при одновременном отсутствии аналогичного уточнения в нормах о коммерческом подкупе. Предложена перспектива совершенствования правовой регламентации уголовной ответственности за коммерческий подкуп посредством включения случаев, когда предмет подкупа передается через посредника. Акцентировано внимание на необходимости приведения антикоррупционного уголовного законодательства к логическому единству и системности. В исследовании широко использовались общенаучные и частнонаучные методы, среди которых наиболее распространенными стали сравнительно-правовой, диалектический и прогностический.

Ключевые слова: коммерческий подкуп, взятка, ценности, покровительство, попустительство, посредник.

Для цитирования: Маслова Л.А. Коммерческий подкуп и взяточничество: современный взгляд на отграничение составов // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 70–75.

Abstract: the article is devoted to the study of topical issues of delimitation of commercial bribery from related offenses related to receiving and giving a bribe. The features of the differentiation of compared acts are described in detail. Based on the results of correlating the analyzed elements of crimes, certain shortcomings and gaps in the legislative regulation of criminal liability for commercial bribery were identified, and prospects for their elimination were developed. Considering that a number of existing norms in the area under study are imperfect and outdated, the article presents a possible variant of their improvement. It was revealed that a single, unified understanding of the subject of a bribe (bribery) is hindered by its contradictory legislative interpretation. The concretization of criminal acts in the form of general patronage and connivance in the service, while there is no similar clarification in the rules on commercial bribery, is recognized as logically unreasonable. The prospect of improving the legal regulation of criminal liability for commercial bribery by including cases where the subject of bribery is transferred through an intermediary is proposed. Attention is focused on the need to bring anti-corruption criminal legislation to logical unity and consistency. The study widely used general scientific and particular scientific methods, among which the most common were comparative legal, dialectical and prognostic methods.

Keywords: commercial bribery, bribe, values, patronage, connivance, intermediary.

For citation: Maslova L.A. Commercial bribery and bribery: a modern view on the delimitation of the compositions // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 70–75.

В современных условиях развития российского общества такое негативное явление, как коррупция, достигло серьезных масштабов не только в

количественном, но и в качественном аспекте. Коррупционное поведение, став неотъемлемой составляющей практически любых общественных отно-

шений, распространилось на многие сферы жизни, что потребовало закрепления в уголовном законе целого ряда различных «форм» его проявления. Существование дифференциации коррупции в российском уголовном праве, с одной стороны, позволяет индивидуализировать ответственность коррупционера в зависимости от тяжести деяния, сферы, которой причиняется ущерб, однако, с другой, вносит определенные трудности в вопросы разграничения форм коррупционного поведения.

Среди наиболее «популярных» коррупционных преступлений, конкурирующих между собой, следует считать коммерческий подкуп и получение дачу взятки. Несмотря на их длительное существование в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации¹, в процессе их отграничения возникают серьезные трудности.

Первая черта, отличающая коммерческий подкуп от дачи и получения взятки, состоит в наличии у каждого из них собственного объекта. Так, объектом для ст. 290 УК РФ и ст. 291 УК РФ будут выступать отношения, складывающиеся при осуществлении служебной деятельности в государственных учреждениях и в учреждениях местного самоуправления (как интересно отметил С.М. Будатаров, объект взяточничества есть безвозмездность публично-властной деятельности должностных лиц в отношении частных [1, с.76]), в то время как от незаконных деяний управленца «страдают» отношения в сфере осуществления деятельности в коммерческих и иных организациях.

Что касается предмета сопоставимых преступлений, отметим, что в научной среде при понимании данного вопроса нередко возникают серьезные разногласия, о чем свидетельствуют труды ряда современных исследователей [2; 3].

Более подробное рассмотрение затронутого аспекта следует начать с того, что после принятия ФЗ № 273 «О противодействии коррупции»² было установлено единообразное, унифицированное понятие того, что следует понимать под предметом взятки или коммерческого подкупа, а равно иного другого коррупционного деяния. Так, п. «а» ч. 1 ст. 1 указанного нормативного акта определил, что им признаются:

- 1) деньги;
- 2) ценности;
- 3) иное имущество;
- 4) услуги имущественного характера;
- 5) иные имущественные права.

Сопоставление обозначенных компонентов рассматриваемого термина с тем толкованием пред-

мета подкупа и взятки, которое дано в ст.ст. 204 и 290 УК РФ, позволяет обозначить несколько противоречивых моментов.

Во-первых, почему вместо указанного в законе понятия «ценности» в диспозициях ст.ст. 204 УК РФ и 290 УК РФ закреплено понятие «ценные бумаги»? Между обозначенными терминами нельзя поставить знак равенства ввиду их существенного смыслового различия. Если понятие «ценные бумаги» имеет правовое закрепление в рамках ст. 142 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая не только устанавливает легальную дефиницию данного понятия, но также определяет подробный перечень видов ценных бумаг, то сам термин «ценности» не известен законодательству и правовой науке. Полагаем, что причиной тому является его слишком многогранный и размытый характер. Как справедливо отмечают Л.Н. Харченко и О.В. Березовская, существующие научные концепции раскрывают лишь отдельные аспекты данного понятия, рассматривающие его в трех составляющих: как общественные идеалы, предметы, а также личностные ценности [4, с. 294]. Знаменитый российский цивилист А.П. Сергеев под вещами в гражданском праве как раз и понимает ценности материального мира (как природные, так и созданные руками человека) [5, с. 112].

Другими словами, термин «ценности» не имеет точно установленного смысла как на законодательном, так и на доктринальном уровне, а значит, не понятен и для правоприменителя. Кроме того, понятие «ценности» поглощается термином «имущество», следовательно, такое уточнение рассматривается как не совсем уместное для использования в нормах закона. Таким образом, в отношении предмета взятки и подкупа юридически верным будет считаться использование понятия «ценные бумаги», что требует пересмотра п. «а» ч.1 ст. 1 ФЗ № 273. Необходимость обозначенных изменений подтверждается тем, что отсутствие единства в понимании рассматриваемой категории не только приводит к конкуренции правовых норм, но и порождает трудности при квалификации коррупционных преступлений.

Во-вторых, не совсем соотносятся между собой ст.ст. 204 УК РФ и 290 УК РФ в вопросе регламентации возможности получения предмета коммерческого подкупа или взятки посредством указания о его передаче другими физическим или юридическим лицам. Подобное законодательное указание, внесенное в 2016 году, было направлено на полную охвата коррупционных проявлений во всех возможных вариациях. Однако его содержание в нормах закона расходится.

Так, анализируя диспозиции сопоставляемых составов преступлений, отметим, что ст. 290 УК РФ гласит, что уголовная ответственность для взяточ-

¹ Далее – УК РФ.

² О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. – № 52 – Ст. 6228.

ника будет наступать и в том случае, когда взятка по указанию должностного лица передается иному физическому или юридическому лицу. Иная формулировка дана в ч. 1 ст. 204 УК РФ, согласно которой коммерческим подкупом признаются случаи, когда по указанию субъекта такого подкупа имущество передается, услуги имущественного характера оказываются, а также имущественные права предоставляются иному физическому или юридическому лицу. Аналогичным образом построены нормы, предусматривающие ответственность лиц, получающих коммерческий подкуп или взятку (ст. 291 УК РФ, ч. 5 ст. 204 УК РФ).

При буквальном прочтении текста закона становится понятно, что законодатель не совсем правильно с формально-юридической точки зрения подошел к толкованию особенностей подобной «коррупционной схемы» в отношении составов получения и дачи взятки. Описываемые нормы охватывают лишь случаи передачи взятки в виде денег, ценных бумаг и иного имущества и игнорируют содержание иных структурных элементов понятия «предмет коррупционного преступления». При этом законодатель не описал данную форму преступного поведения более подробно, по аналогии со ст. 204 УК РФ. Стоит указать, что иные отдельные составы преступлений, в которых взятка выступает основным уголовно-правовым деянием (ст. 2005 УК РФ, ст. 2007 УК РФ), в исследуемом аспекте построены по тому же принципу, как и в ст. 204 УК РФ.

Однако более глубоко исследование затронутого вопроса позволяет утверждать, что такое расхождение сделано законодателем неспроста. Перечисляя в ст. 290 УК РФ и ст. 291 УК РФ структурные «компоненты» в виде денег, ценных бумаг, иного имущества, оказания имущественных услуг и т.д., он в диспозициях указанных статей самостоятельными именует их собирательным термином «взятка», а значит, совершенно справедливо говорит о ее передаче иным физическим и юридическим лицам в рамках единого понятия, без подробного описания его элементов. Составы, в которых подкуп выступает основным уголовно-правовым деянием, невозможно построить по аналогии с диспозицией ч. 1 ст. 290 УК РФ и иных аналогичных статей ввиду того, что взятка и подкуп с этимологической точки зрения – различные термины. Если взяткой мы именуем сам предмет преступного деяния, то понятием подкуп охватываются также действия по его передаче и получению. По этой причине словосочетания «получение подкупа», «дача подкупа» признаются юридически неправильными и не употребляются в законе, что повлекло за собой различия в построении самой конструкции диспозиций составов, связанных со взяткой и подкупом.

Таким образом, сопоставление предмета взятки и коммерческого подкупа (а равно, подкупа как уго-

ловно-правового деяния в целом) позволяет утверждать, что, несмотря на юридические неточности толкования, по своим характерным признакам они носят идентичный характер. Как отмечает Н.А. Егорова, именно наличие предмета преступления выступает основанием, позволяющим отграничить взяточничество (подкуп) от иных, смежных, служебных преступлений [2, с. 142]. Однако единому, унифицированному пониманию предмета взятки (подкупа) препятствует необоснованное указание в п. «а» ч. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции» на признание ценностей в качестве такового. Более целесообразной мерой видится замена указанного термина словосочетанием «ценные бумаги». Внешение предложенных изменений будет содействовать устранению коллизий и противоречий в толковании понятия «предмет взятки (подкупа)».

Анализируя объективную сторону сопоставляемых деяний, констатируем, что при конструировании составов получения и дачи взятки, а также коммерческого подкупа явно нарушен принцип системности, используемый в построении уголовно-правовых норм. В частности, речь идет о том, что по замыслу законодателя коммерческий подкуп и получение (дача) взятки должны были стать «зеркальным» отражением друг друга, одновременно охраняя от коррупционных проявлений как коммерческую, так и государственную сферу. Как справедливо отметил Д.Г. Жапов, взятка – это должностное преступление, а подкуп – коммерческое [6, с. 78]. Однако почему в действующем уголовном законе ответственность за дачу и получение взятки предусмотрена различными самостоятельными статьями УК РФ (ст. 290 и ст. 291), в то время как два разных состава преступления, связанных с получением и передачей предмета коммерческого подкупа, объединены в рамках одной ст. 204 УК РФ (ч. 1 и ч. 5)? Подобная позиция законодателя вызывает определенное недоумение.

Кроме того, сопоставляя объективную сторону изучаемых преступных деяний, отметим, что в ст.ст. 290 и 291 УК РФ она описана более содержательно и подробно, нежели в ст. 204 УК РФ. Так, в обозначенных нормах о взяточничестве дается уточнение, согласно которому взятка может быть передана должностному лицу лично или через посредника. Законодатель таким образом говорит о наказуемости преступных действий лиц, которые «свели» взяткодателя и взяткополучателя или иначе способствовали достижению соглашения между ними. При этом если до 2011 года подобные действия рассматривались как соучастие, а именно такая его форма, как пособничество, то в 2011 году была узаконена уголовная ответственность за акт посредничества во взяточничестве.

Уголовная ответственность за посредничество в коммерческом подкупе была введена позже, в

2016 году (посредством включения в Особенную часть УК РФ ст. 2041 УК РФ). По аналогии с вышеуказанным составом теперь действия посредника в коммерческом подкупе стали рассматриваться в качестве самостоятельного преступления. Однако соответствующие изменения со стороны законодателя были внесены не во все корреспондирующие нормы. В частности, диспозиция ч. 1 и ч. 5 ст. 204 УК РФ не была дополнена указанием на то, что коммерческий подкуп будет уголовно наказуем при условии передачи или получения его предмета как лично, так и через посредника.

Вместе с тем изменениям подверглась редакция постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», п. 13.2 которой указал на тождественный характер посредничества во взяточничестве и в коммерческом подкупе и разъяснил, какие конкретно действия следует понимать под таким посредничеством³.

Исходя из вышеизложенного, становится неясным, почему российский законодатель одновременно с установлением уголовной ответственности за посредничество в коммерческом подкупе не включил соответствующее дополнение в текст диспозиции ст. 204 УК РФ. Считаем, что подобный законодательный пробел нуждается в ликвидации посредством внесения в текст ч. 1 и ч. 5 ст. 204 УК РФ указания о том, что предмет коммерческого подкупа может передаваться лично или через посредника.

При сравнительном исследовании объективной стороны изучаемых деяний также было выявлено, что виновный будет привлечен к уголовной ответственности за получение взятки в том случае, когда такая взятка получена им за общее покровительство или попустительство по службе. При этом для коммерческого подкупа аналог таких деяний не предусмотрен.

Сущность указанной «формы» взяточничества интересен описал Б.В. Волженкин, отмечая, что она характеризуется получением систематических вознаграждений (подношений) от подчиненных или подконтрольных должностному лицу работников [7, с. 174].

Покровительство по службе может проявляться в совершении следующих конкретных действий: необоснованное премирование подчиненного работника (а равно, представление к иным поощрительным выплатам); продвижение по служебной лестнице; установление надбавок к должностному

окладу; создание льготных условий труда; досрочное присвоение квалификационных разрядов и т.д. Такое покровительство также именуется служебным протекционизмом.

Касаемо попустительства, отметим, что оно, в большинстве своем, выражено в бездействии и предполагает непринятие должностным лицом мер ответственности за невыполнение либо ненадлежащее выполнение работником своих служебных обязанностей.

Могут ли обозначенные действия быть характерными для коммерческой сферы? Полагаем, что да. Покровительство и попустительство имеют место и в отношениях между лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, и подчиненными ему работниками. Речь идет о ситуациях, когда подкупополучатель предоставляет отдельному, подчиненному ему лицу необоснованные, по сравнению с другими сотрудниками, льготы, а также «закрывает глаза» на совершенные им нарушения, требующие обязательного применения к нему мер ответственности.

О существовании покровительства и попустительства в коммерческой сфере также говорится и в комментариях к ст. 204 УК РФ. Составители таких комментариев склонны полагать, что, несмотря на отсутствие прямого указания в тексте закона на данное основание, формулировка ст. 204 УК РФ не исключает его [8, с. 158; 9, с. 212]. Иначе говоря, они убеждены, что широким понятием «в интересах передающего» охватываются и действия, связанные с общим покровительством или попустительством по службе. Полагаем, что в данном случае речь идет о безусловном поощрении, повышении в должности, игнорировании неправомерных действий и т.д.

Вместе с тем в официальных разъяснениях данный вопрос урегулирован только в отношении действий, связанных с получением взятки. В частности, п. 5 выше обозначенного постановления Пленума № 24 подробно разъясняет, что именно следует понимать под таким покровительством и попустительством относительно ст. 290 УК РФ.

Об идентичности содержательной стороны покровительства и попустительства на государственной и коммерческой службе Верховный Суд Российской Федерации также говорит в обзоре судебной практики № 3 (2020 г.), в п. 43 которого он признает возможность распространения обозначенной формы преступного поведения и на коммерческую сферу (в рамках ст. 204 УК РФ)⁴.

Проиллюстрировать обоснованность изложенных аргументов можно, проанализировав реше-

³ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 // Российская газета. – 2013. – 16 июля; далее – постановление Пленума № 24.

⁴ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020). [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vsr.ru/documents/practice/29424/> (дата обращения: 22.09.2022).

ния российских судов по делам рассматриваемой категории. Наиболее ярким примером, пожалуй, является приговор Надымского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа по делу №1-25/2017. Начальник автоколонны Вдовин О.В., пользуясь управленческими функциями, подписывал находящимся в его подчинении водителям служебные записки, устанавливающие им денежные надбавки, за что последние переводили на банковскую карту Вдовину денежные средства. При рассмотрении данного дела суд четко определил, что незаконное обогащение Вдовин получил «за общее покровительство и попустительство по службе»⁵.

Таким образом, логически необоснованной следует признавать конкретизацию в нормах о взяточничестве преступных деяний в виде общего покровительства и попустительства по службе при одновременном отсутствии аналогичного уточнения в нормах о коммерческом подкупе. Подобное законодательное разногласие фактически приводит к игнорированию отдельной группы уголовно наказуемых актов противоправного поведения, охватываемых составом коммерческого подкупа, и должно быть устранимо для приведения антикоррупционного уголовного законодательства к логическому единству и системности. В противном случае можно говорить о том, что со стороны «управленцев» открываются реальные возможности ухода от уголовной ответственности за совершение покровительства и попустительства в коммерческих структурах.

Решение изложенной проблемы видится в необходимости внесения изменений в редакцию ч. 5 ст. 204 УК РФ, а именно, ее дополнения фразой следующего содержания: «...а равно за общее покровительство или попустительство по службе...».

В результате анализа изложенных аргументов напрашивается вывод о том, что российский законодатель уделяет пристальное внимание вопросам уголовно-правовой регламентации деяний,

связанных со взяточничеством на государственной службе, вместе с тем игнорируя соответствующий вид преступности в коммерческих структурах. Так, процесс построения и совершенствования объективной стороны ст.ст. 290 и 291 УК РФ не сопровождается параллельными соответствующими изменениями в ст. 204 УК РФ, что, на наш взгляд, следует рассматривать как серьезное упущение отечественного законодателя.

Существенным образом разграничивается субъект исследуемых преступлений: если в составе получения взятки (ст. 290 УК РФ) субъектом будет выступать российское или иностранное должностное лицо, а также должностное лицо публичной международной организации, то для состава коммерческого подкупа (ст. 204 УК РФ) одноименные действия будут наказуемы, если совершены лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации. Главное различие указанных субъектов заключается в содержании возложенных на них обязанностей: если первый выполняет определенные государственные функции (а равно, функции органов местного самоуправления) в госструктурах, то второй реализует свои полномочия в целях осуществления экономической деятельности в рамках коммерческих и некоммерческих организаций.

Таким образом, сопоставление коммерческого подкупа с составами получения и дачи взятки позволяет сделать вывод о существенном различии в их объекте. Отдельные особенности построения объективной стороны указанных деяний отличаются некоторыми недостатками, связанными с несовершенством законодательной техники. На различие соотносимых составов указывает также существование разных субъектов преступного посягательства. При грамотном правовом подходе разработанные в результате сопоставления анализируемых составов преступлений перспективы позволят установить единообразие в вопросах квалификации коррупционных преступлений, а также избавиться от двусмысленности и неоднозначности в понимании отдельных уголовно-правовых категорий.

Литература

1. **Будатаров С.М.** Получение взятки: уголовно-правовая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. – Томск, 2004. – 231 с.
2. **Егорова Н.А.** Предмет взятки и коммерческого подкупа в уголовном праве России: проблемы понимания // Право. ВУ. – 2014. – № 1 (27). – С. 142–146.
3. **Безверхов А.Г.** О предмете взяточничества и коммерческого подкупа // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2013. – № 2 (14). – С. 87–92.
4. **Харченко Л.Н., Березовская О.В.** Понятие «Ценность» в отечественной научной литературе: к постановке проблемы // Вестник ИрГТУ. – 2013. – №5 (76). – С. 294.
5. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. – 1040 с.
6. **Жалов Д.Г.** Соотношение коммерческого подкупа со смежными составами преступления // Вестник науки и образования. – 2019. – №11–1 (65). – С. 77–79.

7. **Волженкин Б.В.** Служебные преступления: комментарий законодательства и судебной практики. – Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2005. – 560 с.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 9-е изд. перераб. и доп. / под общ. ред. Г.А. Есакова. – Москва: Проспект, 2021. – 271 с.
9. **Байбарин А.А.** Уголовное право России. Общая часть / А.А. Байбарин, А.А. Гребеньков, С.В. Шевелева. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2017. – 428 с.

References

1. **Budatarov S.M.** Poluchenie vzyatki: ugovolno-pravovaya kharakteristika: dis. ... kand. jurid. nauk. – Tomsk, 2004. – 231 s.
2. **Egorova N.A.** Predmet vzyatki i kommercheskogo podkupa v ugovolnom prave Rossii: problemy ponimaniya // Pravo. BY. – 2014. – № 1 (27). – S. 142–146.
3. **Bezverkhov A.G.** O predmete vzyatochnichestva i kommercheskogo podkupa // Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya: Pravo. – 2013. – № 2 (14). – S. 87–92.
4. **Kharchenko L.N., Berezovskaya O.V.** Ponyatie «Tsennost'» v otechestvennoy nauchnoy literature: k postanovke problemy // Vestnik IrGTU. – 2013. – №5 (76). – S. 294.
5. Grazhdanskoe pravo: uchebnyk: v 3 t. T. 1 / pod red. A. P. Sergeeva. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Prospekt, 2020. – 1040 s.
6. **Zhapov D.G.** Sootnoshenie kommercheskogo podkupa so smezhnymi sostavami prestupleniya // Vestnik nauki i obrazovaniya. – 2019. – №11–1 (65). – S. 77–79.
7. **Volzhenkin B.V.** Sluzhebnye prestupleniya: kommentariy zakonodatel'stva i sudebnoy praktiki. – Sankt-Peterburg: Yuridicheskiy tsentr Press, 2005. – 560 s.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 9-е изд. перераб. и доп. / под общ. ред. Г.А. Есакова. – Москва: Проспект, 2021. – 271 с.
9. **Bajbarin A.A.** Ugovolnoe pravo Rossii. Obshchaya chast' / A.A. Bajbarin, A.A. Greben'kov, S.V. Sheveleva. – Kursk: YUgo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet, 2017. – 428 s.

(статья сдана в редакцию 19.10.2022)

ТИПОЛОГИЯ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВ ПРЕДПРИЯТИЙ И ОРГАНИЗАЦИЙ

TYOLOGY OF WAYS OF COMMITTING CRIMINAL BANKRUPTCIES OF ENTERPRISES AND ORGANIZATIONS

УДК 343.535

Е.Л. ГЛУШКОВ

(Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина,
Россия, Белгород)
Opr1@inbox.ru

EVGENY L. GLUSHKOV

(Putilin Belgorod Law Institute of Ministry
of the Interior of Russia,
Belgorod, Russia)

Аннотация: в статье рассмотрен анализ уголовных дел, возбужденных по фактам незаконных банкротств предприятий и организаций (за 2012–2022 гг.) и предложена типология способов совершения преступлений, связанных с криминальными банкротствами предприятий и организаций: отчуждение имущества в иное владение; сокрытие имущества в предвидении банкротства; создание неплатежеспособности; заведомо невыгодное использование кредитов; злоупотребления со стороны кредиторов; банкротство при использовании сводных бухгалтерских документов; оказание помощи государственными служащими для реализации преступного замысла при банкротстве; сокрытие имущества, которое совершается путем использования офшора во внешнеэкономической деятельности; банкротство с помощью заключения мирового соглашения; рейдерство, корпоративные конфликты. В каждом предложенном способе совершения незаконных банкротств подробно рассмотрены криминальные схемы с участием лиц, подготавливающих, совершающих или совершивших неправомерные действия. Рассматриваются грани между преступными и неправомерными действиями лиц, искусственное создание условий, которые впоследствии образуют безальтернативные действия для акционеров и работников предприятия. В статье обращается внимание на заключение мнимых сделок в целях отвлечения внимания от преступных намерений сторон, сделок по умышленно заниженной стоимости, предоставление кредита лицам под заниженные проценты в сравнении с тем, что получало предприятие или организация в кредитном учреждении. Исследование в статье показывает схемы злоупотребления кредиторов, которые объявляются при выкупе долгов у предприятия, находящегося в предбанкротном состоянии или на стадии банкротства. Акцентируется внимание на бухгалтерские банкротства, которые совершаются при фальсификации счетов-фактур, расходных товарно-транспортных накладных, подделки кассовых ордеров, документов авансового отчета, путем составления актов на выпуск бракованной продукции, составление документов, отражающих оплату труда мертвых душ и некоторые проблемные моменты для противодействия криминальным банкротствам предприятий и организаций.

Ключевые слова: криминальные банкротства предприятий и организаций, способы криминальных банкротств, имущество, активы, неплатежеспособность, выявление и раскрытие преступлений, уголовное дело, рейдерство.

Для цитирования: Глушков Е.Л. Типология способов совершения криминальных банкротств предприятий и организаций // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 76–82.

Abstract: the article examines the analysis of criminal cases initiated on the facts of illegal bankruptcies of enterprises and organizations (for 2012-2022) and suggests a typology of ways of committing crimes related to criminal bankruptcies of enterprises and organizations: alienation of property into other ownership; concealment of property in anticipation of bankruptcy; creation of insolvency; obviously unprofitable use of loans; abuse by creditors; bankruptcy when using consolidated accounting documents; assistance by government officials for the implementation of a criminal plan in bankruptcy; concealment of property, which is committed by using offshore in foreign economic activity; bankruptcy through the conclusion of a settlement agreement; raiding, corporate conflicts. In each proposed method of committing illegal bankruptcies, criminal schemes involving persons preparing, committing or committing illegal actions are considered in detail. The article considers the boundaries between criminal and non-criminal actions of persons, the artificial creation of conditions that subsequently form non-alternative actions for shareholders and employees of the enterprise. The article draws attention to the conclusion of imaginary transactions in order to divert attention from the criminal intentions of the parties, transactions at deliberately low cost, the provision of credit to persons at low interest rates in comparison with what

the enterprise or organization received in a credit institution. The research in the article shows the schemes of abuse of creditors, which are announced when repurchasing debts from an enterprise that is in a pre-bankruptcy state or at the stage of bankruptcy. The attention is focused on accounting bankruptcies, which are committed when falsifying invoices, expenditure invoices, forgery of cash orders, advance report documents, by drawing up acts for the release of defective products, drawing up documents reflecting the remuneration of dead souls and some problematic issues to counter criminal bankruptcies of enterprises and organizations.

Keywords: criminal bankruptcies of enterprises and organizations, methods of criminal bankruptcies, property, assets, insolvency, detection and disclosure of crimes, criminal case, raiding.

For citation: Glushkov E.L. Typology of ways of committing criminal bankruptcies of enterprises and organizations // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 76–82.

Проведенные за последнее двадцатилетие глубокие преобразования в экономике, социально-политическом и национально-государственном устройстве страны повлекли различные тенденции, изменения в состоянии, структуре и динамике экономической преступности. Появились новые виды экономических преступлений в различных секторах экономики, обусловленные особенностями ее функционирования, деятельности тех или иных хозяйствующих субъектов. Отсюда можно сделать вывод, что для совершенствования организации и тактики оперативно-розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции¹ по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, связанных с банкротством предприятий и организаций, крайне важно исследовать особенности хозяйственного механизма процедуры банкротства, а также способы совершения криминальных банкротств.

Проведя анализ результатов уголовных дел, возбужденных по фактам незаконных банкротств предприятий и организаций (за 2012–2022 гг.), и иных материалов, изученных в рамках проводимого исследования, мы сформировали типологию способов совершения преступлений, которые встречаются в практике сотрудников оперативных подразделений ЭБиПК:

1. Отчуждение имущества в иное владение. Исследование показало, что в последнее двадцатилетие была успешно апробирована на различных предприятиях криминальная схема, созданная из постепенно смещающихся этапов «освобождения от долгов». Данная схема подразумевает прохождение нескольких последовательных этапов.

Первый этап. Первоначальным этапом данной криминальной стратегии выступает скупка акций администрацией у своих работников через «сторонние» фирмы. Для успешной реализации задуманного на предприятии осознанно создаются условия по невыплате зарплаты или ее задержке. В этих условиях сотрудники предприятия соглашаются на сделки купли-продажи акций из-

за долгосрочной задержки зарплаты. В итоге получается, что в одних руках находится весь контрольный пакет акций.

Суть второго этапа заключается в том, что происходит регистрация 3–4-х, а в иных случаях и более, новых организаций, подставные лица в которых играют роль учредителей. С такими новыми фирмами заключаются договоры аренды имущества с правом выкупа.

Третий этап представляет собой так называемый «выкуп» имущества. При его реализации векселя разнообразных фирм со сроком погашения 5–7 лет выступают средством платежа.

В результате таких действий появляется совсем новая фирма, у которой не имеется долгов. Оплата уставного капитала старой организации происходит в основном векселями, а в редких случаях – неликвидным имуществом. В итоге, государство, а также различные кредиторы не могут никак удовлетворить свои претензии.

Вышеизложенные действия, которые совершаются согласно схеме «освобождения от долгов», являются преступными действиями по квалификации ч.1 ст. 195 УК РФ [1, с. 16].

2. Соккрытие имущества в предвидении банкротства. Схема криминального банкротства в данном случае подразумевает продажу имущества в преддверии банкротства и получение прибыли от его реализации. Здесь проиллюстрируем следующим примером:

В 1998 году Нагатинским межмуниципальным судом Южного административного округа Москвы был осужден гр. Т. по ч. 1 ст. 195 УК РФ (неправомерные действия при банкротстве [2]).

По уголовному делу гражданин Т., который выступает в роли собственника ИЧП, принимает решение о прекращении деятельности ИЧП и перестает предоставлять налоговые сведения в связи с тем, что стал терпеть убытки. К настоящему моменту задолженность имела как в бюджеты различных уровней, так и банку с птицефабрикой, которые выступали у гражданина Т. кредиторами. Определенную часть имущества своего предприятия он передает безвозмездно в ООО, в котором также имеет

¹ Далее – «ЭБиПК».

членство. По данным фактам налоговая инспекция обратилась в компетентные органы, впоследствии было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 195 УК РФ, и Т. был осужден за сокрытие имущества в предвидении банкротства.

По иному делу ИЧП Ш., предвидя банкротство, распродал свое имущество, а вырученные средства поместил на тайный счет. В результате ранее работавший у Ш. Г., в пользу которого по решению суда предприниматель выплачивал ежемесячно определенную сумму (ввиду причинения вреда здоровью последнего в ходе производственного процесса), не получил после признания Ш. банкротом причитающиеся ему деньги. Неполученная сумма, образованная путем капитализации соответствующих повременных платежей, составила бы 15 тыс. руб. Кроме того, следствие приняло во внимание, что ввиду отсутствия средств Г. не смог своевременно оплатить лечение, что значительно ухудшило состояние его здоровья. Поэтому в крупный ущерб был включен не только материальный ущерб, но и вред, причиненный здоровью Г. [3].

3. Создание неплатежеспособности, в основе которой находятся притворные сделки, то есть сделки, совершенные для прикрытия иной сделки; убыточные сделки или умышленное создание издержек, которые не соответствуют имущественному положению должника, то есть различные расходы, не соответствующие имущественному положению, а также повлекли увеличение или создание неплатежеспособности.

Сделки, заключение которых приводит к получению меньшего дохода по сравнению с затраченными средствами, называются убыточными. Примером может служить продажа различных товаров и акций по стоимости ниже рыночной, а также подписание договоров по оказанию услуг по завышенной цене.

Тем не менее, существуют убыточные сделки, которые смогут стать полезными для предпринимателя, к ним можно отнести продажу товаров с уценкой, когда новый магазин это делает для привлечения клиентов. Именно поэтому данные действия нельзя назвать преступными.

К этому способу совершения преступления мы хотели бы присовокупить неправомерное принятие удовлетворения имущественных требований (такие ситуации реальны лишь тогда, когда руководство фирмы кредитора участвует в сговоре с руководством фирмы должника) и совершение нерациональных расходов, примером может служить прокат или покупка дорогостоящего автомобиля, высокие затраты на рекламу и т.д.

4. Заведомо невыгодное использование кредитов. Данный способ совершения преступления подразумевает ситуацию, когда кредитор дает полученный кредит под довольно низкий процент.

Злоумышленник, получив в кредитной организации либо в банке кредит, в последующем передает эти денежные средства под более низкую процентную ставку. В итоге получается, что это лицо получит денежных средств меньше, чем сам должен выплатить. Следствием является то, что предприниматель причиняет ущерб кредиторам и терпит убытки, а в первую очередь страдает кредитор, который предоставил ему денежные средства.

В 2000 году ИЧП «Буревестник» было признано несостоятельным, что в последующем принесло ущерб банку. Так, в отношении владельца ИЧП гражданина М. было возбуждено уголовное дело по ст. 196 УК РФ. Собственник М. подозревался ввиду того, что умышленно предоставлял кредит под более низкие проценты. Его собственная величина процентов была на порядок ниже, чем та, которую он сам должен был выплатить. В результате этих действий он претерпевал убытки, а в итоге общая сумма ущерба, которую понесли его кредиторы, составила 500 тысяч рублей [4, с. 34].

Необходимо сказать, что существует обратный случай, когда происходит выдача кредитов, минуя проверку платежеспособности должника. Так, в невыгодном положении остался банк после того, как выдал гражданину Н. кредит на 4,8 млн рублей и 4,5 млн долларов США. Залогом в данном случае выступала «бульдозерная техника и выручка от коммерческой деятельности». Банк по своей оплошности не проверил достоверность обеспечения кредита, что в последующем выразилось в том, что банк задолжал своим кредиторам около 350 млн долларов США, так как заемщик оказался злоумышленником и не сообщил, что бульдозерная техника была размещена в Забайкалье и уже находилась под залогом иностранного государства. А сам гражданин Н. после того, как получил кредит, в течение 3-х месяцев уехал за границу [9, с. 24].

5. Злоупотребления со стороны кредиторов заключаются в том, что криминально настроенные лица стараются получить управление бизнесом должника, обходя закон, либо пытаются обанкротить его, для того чтобы в последующем по низкой цене выкупить все имеющиеся активы².

Данная криминальная схема на начальном этапе использует легитимные процедуры, предусмотренные законодательством, а в дальнейшем на основе преступного умысла осуществляются противоправные действия по завладению имуществом предприятия или организации.

² Опасность данных действий заключается в том, что все это приводит к снижению инвестиционной активности в России, так как эти инвестиции могут быть незаконно захвачены. Согласно интервью руководителя Федеральной службы по финансовому оздоровлению и банкротству, на заказные банкротства приходится около 30% всех банкротств.

На первом этапе преступники находят нужное подающее надежды предприятие, имеющее долги. Наше исследование показало, что на просторах нашего государства имеются специальные коммерческие фирмы, роль которых заключается в том, чтобы подыскать такое предприятие, а потом разработать план захвата. Все действия начинаются с того, что лица, заинтересованные в данном деле, выкупают долги у кредиторов этой фирмы (достаточной суммой является 100 тысяч рублей, что само по себе является приемлемой суммой, в особенности для юридического лица, тем более что расплатиться можно меньше номинала долгов либо же рассрочкой). В итоге данное лицо становится конкурсным кредитором, то есть у него появляется право возбудить процедуру банкротства в арбитражном суде. Данное действие является законным, что подкрепляется гл. 27 Гражданского кодекса Российской Федерации³ «Перемена лиц в обязательстве». На данной стадии внешнее проявление заинтересованного лица прекращается.

На следующем этапе возникают иные лица, такие как арбитражные управляющие – внешний, конкурсный, временный⁴. Арбитражный суд означает арбитражного управляющего, который является очень важным лицом, однако кандидатом на данную роль выдвигают кредиторы. По своему статусу арбитражный управляющий является индивидуальным предпринимателем. При назначении лица арбитражным управляющим оно не должно состоять в трудовых отношениях с арбитражным судом и должником. Арбитражный управляющий обладает обширными полномочиями, в его гонорар не запрещено включать большие суммы в различной валюте либо часть акций или имущества фирмы-должника. Именно поэтому число тех, кто хочет получить сертификат на платных курсах, постоянно возрастает.

Кредитор проявляет свою недобросовестность в том, что совершает подкуп менеджера, чтобы тот действовал в его интересах. Наше исследование показало, что обыкновенным явлением становятся жалобы на арбитражных управляющих, которые осуществляют незаконное формирование реестра кредиторов либо распродают по частям имущество должника. Также существует такое явление, как захват управления акционерного общества с одновременным перераспределением собственности. Сущность заключается в производстве до-

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

⁴ Наряду с вышеперечисленными арбитражные управляющие по договоренности с отдельными кредиторами передают последним имущество организации-должника по заниженной цене или по сфальсифицированной кредиторской задолженности, умышленное уменьшение активов организации и т.п.

полнительной эмиссии акций для того, чтобы по мнению внешнего управляющего платежеспособность была восстановлена. Акции, которые были выпущены дополнительно, количественно превышают контрольный пакет, а их приобретателями являются лица, которые образуют круг организаторов банкротства. По итогу владельцы-акционеры до выпуска новых акций имеют уже меньшую долю от общего количества голосов и не могут влиять на принятие решений [5, с.17].

6. Банкротство при использовании сводных бухгалтерских документов.

Указанный способ связан с сокрытием, уничтожением, фальсификацией бухгалтерских и иных учетных документов, отражающих экономическую деятельность предприятия (организации) при банкротстве или в предвидении банкротства.

Проводимое исследование нам показывает, что таковые банкротства (бухгалтерские банкротства) совершаются при фальсификации счетов-фактур, расходных товарно-транспортных накладных, подделки кассовых ордеров, документов авансового отчета, путем составления актов на выпуск бракованной продукции, составление документов, отражающих оплату труда мертвых душ и др.

7. Оказание помощи государственным служащими для реализации преступного замысла при банкротстве. Наше исследование подтвердило гипотезу о том, что преступные действия при банкротстве предприятий (организаций) несостоятельны без криминальной помощи государственных служащих, судей, прокуроров и иных лиц, которым вменяется обязанность контроля, санкционирования действий и т.п. Помимо лиц, которые участвуют в делах о банкротстве, таких как кредитор, арбитражный управляющий, должник, нарушать законы могут и должностные лица государственных органов, которые занимаются рассмотрением вопросов о банкротстве, а именно работники суда, судебные приставы-исполнители. В качестве примера можно привести п. 1 ст. 63 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в соответствии с которым после того, как была введена процедура банкротства в организации и предприятии исполнение исполнительных документов временно приостанавливается в таких сферах, как имущественные взыскания, также с имущества должника снимаются аресты. Помимо этого, снимаются и ограничения в области распоряжения должником своим имуществом, которые были наложены в период исполнительного производства, за исключением исполнительных документов, выдача которых была до процедуры банкротства о взыскании задолженности по заработной плате, а также выплата вознаграждения по авторским договорам, о возмещении вреда, об истребовании имущества из чужого незаконного владения.

Вышеперечисленное говорит нам о том, что помимо арбитражного суда, в чьем ведении находится дело о банкротстве, никто не в праве наложить арест на имущество должника.

В качестве примера отметим действия, которые привели к нарушению закона. Так, в период действия предыдущего закона «О несостоятельности (банкротстве)» имелись положения, которые были тождественны, в частности, ст. 57 и 58, тогда в ОАО «АБ «Инкобанк» с ноября 1998 по апрель 1999 г. было изъято, арестовано и отпущено под реализацию имущество банка, сумма которого составила более 75 млн рублей, была нарушена очередность, установленная ст. 64 ГК РФ, в результате чего юридическим лицам было выдано около 10 млн рублей, данные действия были предприняты судебными приставами-исполнителями Административного района Санкт-Петербурга.

Также в ходе банкротства Инкобанка была продана картина «Черный квадрат» Малевича. Данная картина относилась к конкурсной массе имущества. Российские искусствоведы обозначили стоимость этой картины в 1 млн долларов США, а в Европе за это произведение искусства готовы были заплатить в 15 раз больше.

8. Соккрытие имущества, которое совершается путем использования офшора во внешнеэкономической деятельности.

При использовании имущества существуют случаи, когда фирмы одновременно получают максимальный доход, но при этом не имеют лицензии, которая разрешает заниматься внешнеэкономической деятельностью, в Минэкономразвития подают разовое разрешение, а в дальнейшем экспортируют огромную партию товара [10, с. 5]. Согласно закону «О валютном регулировании и валютном контроле», который действовал раньше, 180 дней после того, как товар окажется за границей, составляли срок, когда возвращались деньги на счет фирмы в полномочном банке.

В это время предприятие начинает создание офшорной компании анонимно или начинает сотрудничество с уже имеющейся фирмой. В этом случае у данной компании появляются права иностранного представительства фирмы-экспортера, а перевод денег за сделку осуществляется посредством поручения данной фирме-импортеру. После того как деньги будут переведены, происходит самоликвидация представителя офшора совместно с валютой. Правоохранительные органы, когда проводят проверку фирмы-экспортера, используют обычное объяснение о нечистоплотности контрагента иностранного государства. По правилу в наличной форме происходит возврат денег экспортеру.

Использование офшоров для вывода активов предприятия осуществляется по следующей схеме.

Администрация фирм, которые были созданы на основе имущества государства, создает дочернее предприятие, в последующем осуществляет перевод всех активов, а во главе назначает своих представителей. На деле происходит управление двумя предприятиями. Так как предприятие, из которого были выведены все активы и имущество, становится лишенным всех производственных мощностей, то уже на основании лизинга берет их в аренду у дочерней фирмы. Вследствие этого возникает задолженность по кредитам, уплата которых требует обеспечения обязательства посредством своего залога акций. Если выплата кредита не происходит вовремя, рождается предложение о продаже акций по номинальной цене организации внешнего государства, которая была создана в офшорной зоне такими же руководителями материнской организации в целях дальнейшего отмывания незаконно полученных доходов и увода государственной собственности.

В последующем, если происходит рост обязательств по долгу перед совладельцем иностранной фирмы, чего можно достичь разными способами, у материнской компании до нуля происходит спад рентабельности, что приводит к невозможности уплаты бюджетных долгов.

Ввиду образования государственного долга начинается запуск процесса процедуры банкротства, перевод имущества в собственность иностранной организации, не учитывая государственные интересы.

В российских нефтегазовых компаниях некоторые офшорные фирмы стали их владельцами, такие как в Южном ФО, по информации Интерпола, регистрируются в Швейцарии, а точнее в сельских кантонах. Ресурс возможностей у местных властей значительно меньше, чем у федеральных центров для раскрытия таких денежных махинаций.

По итогам проверок Счетной палаты Российской Федерации в отношении дочерних акционерных обществ ОАО «Нефтяная компания» «Роснефть» в Южном ФО стало известно, что увеличилась доля иностранных акционеров путем перераспределения акций.

Например, в ОАО «Роснефть–Туапсенефтепродукт» во владении двух иностранных акционеров находится 30,9% голосующих акций либо 22,6% уставного капитала. Схожая ситуация проявлялась в ОАО «Роснефть–Туапсинский НПЗ», где во владении иностранных юридических лиц находится 36,6% уставного капитала, в их числе 49,9% привилегированных акций. Такое положение может привести к тому, что произойдет упадок влияния государства на деятельность общества, а также перераспределение мест в совете директоров.

9. Банкротство с помощью заключения мирового соглашения.

Исходя из норм Федерального закона от 26 октября 2002 г. №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», при рассмотрении дела о банкротстве можно заключить мировое соглашение, согласно которому стороны (должник и кредитор) могут договориться о прекращении всех или некоторых обязательств должника, например, об отсрочке (рассрочке) платежей в пользу кредиторов, о прощении долга, предоставлении скидок с долгов и т.п. Стороны максимально прилагают усилия по нормам гражданского права и арбитражного процесса, чтобы добиться надуманной несостоятельности путем заключения мирового соглашения.

10. Рейдерство, корпоративные конфликты. Законодательно рейдерство не закреплено, но под ним мы понимаем общественно опасную противоправную, уголовно наказуемую деятельность в целях незаконного заполучения активов организации (предприятия) посредством установления над ним контроля, а также приобретения права владения в последующем, причиняющую вред правам и интересам собственников, с легализацией прав на имущественные активы.

Для понимания масштабов криминального банкротства путем недружественного поглощения (рейдерства) приведем пример неофициальных цифр стоимости рейдерского захвата предприятия (организации), полученных в ходе анкетирования сотрудников подразделений ЭБиПК. Стоимость рейдерского захвата в Приволжском федеральном округе составляет 100000–200000 долларов США, и эта сумма не окончательная. В Москве приблизительно в 50000–200000 долларов США оценивают неправомерное судебное решение, за аналогичное решение в регионе эта сумма составляет 10000–20000 долларов США. Посуточные «бойца» составляют 100–200 долларов США, 10000 долларов США – действия судебного пристава.

Чтобы бороться с рейдерством, необходимо знание способов действий рейдеров, так как именно в них мы можем наблюдать механизмы преступных деяний всех причастных лиц.

Мы знаем, что при планировании любого преступления, в том числе и рейдерского захвата, прорабатывается план действий или схема с учетом всех возможных особенностей объекта. Существуют различия противоправности деяний по конкретным действиям и последовательности их выполнения. При этом, как верно отметил П.Г. Сычев, независимо от выбранного способа осуществления рейдерского захвата они направлены на отчуждение имущества [6, с. 22]. Наше исследование пока-

зало, что недружественное поглощение включает в себя несколько этапов:

- сбор информации об объекте, который намереваются поглотить, а также появление заказа на данный объект;
- разработку и утверждение соответствующего плана по захвату;
- истребование нужных ресурсов (административных, кадровых, информационных и материальных);
- корректировка и внесение изменений в план;
- реализация указанного плана;
- реализация активов, которые были захвачены.

Безусловно способ рейдерского захвата зависит от заданной цели и организационно-правовой формы предприятия или организации.

Проведенный анализ 340 фактов захватов рейдеров показывает, что в 51,3% случаев данные преступления совершались в отношении обществ с ограниченной ответственностью, в 31,2% случаев – в отношении акционерных обществ. Захват был направлен на здания (36,2%), имущественные комплексы (27,5%), земельные участки (14%), помещения (12,1%) и пр.

Подводя итог рассмотрения основных способов совершения преступлений, связанных с криминальным банкротством, можно сделать ряд выводов, которые повлияют на предупреждение и раскрытие преступлений:

во-первых, исследование показало, что, изучив классическую схему действий правоохранительных органов в борьбе с экономическими преступлениями, правонарушители стали меньше применять ранее известные способы совершения преступлений, а перешли в основном на использование различных пробелов правового регулирования, связанных с созданием системы предпочтений, придав своей противоправной деятельности легальный характер.

во-вторых, рассмотрев основные способы совершения преступлений, связанных с банкротством предприятий и организаций, выявлением и раскрытием которых занимаются подразделения ЭБиПК, следует отметить, что предприятия при осуществлении процедур банкротства часто применяют различные способы ухода от налогообложения своей деятельности, которые пока слабо отражены в оперативно-разыскной, уголовно-правовой и судебной практике по налоговым и таможенным преступлениям.

в-третьих, данные правонарушения указывают на совокупность общих признаков, которые показывают необходимость создания единообразных методик предупреждения, выявления и раскрытия преступлений.

Литература

1. **Гордейчик С.** Банкротство как способ уклонения от уплаты долгов // Российская юстиция. – 1999. – № 1. – С. 16.
2. **Колб Б.И.** Ответственность за криминальные банкротства по УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2003.
3. **Гусева Т.А., Ларина Н.В.** Индивидуальный предприниматель: от регистрации до прекращения деятельности (издание третье, переработанное и дополненное). – Москва: Юстицинформ, 2005.
4. **Тимербулатов А.** Преднамеренное банкротство // Законность. – 2000. – № 2. – С. 34.
5. **Колб Б.И.** Злоупотребления при банкротстве // Законность. – 2002. – № 5. – С. 17.
6. **Сычев П.Г.** Хищники: теория и практика рейдерских захватов. – Москва: Альпина Паблшерз, 2011. С. 22.
7. **Чиненов А.В.** Актуальные вопросы противодействия преступлениям, совершаемым при ликвидации юридического лица // Российский следователь. – 2013. – № 2. – С. 41–42.
8. **Самоделькин А.С., Борисов О.С.** Противодействие легализации криминальных доходов: проблемы координации оперативно-розыскной деятельности / Актуальные вопросы совершенствования деятельности органов внутренних дел в современных условиях: сборник научных трудов адъюнктов и соискателей / ответственный секретарь А.В. Родионов. – Москва, 2015. С. 53–62.
9. **Журавлева Е.Н.** Современный зарубежный опыт уголовно-правовой борьбы с банкротством // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2006. – № 2. – С. 24.
10. **Алабердеев Р.Р., Козлова А.П.** Влияние глобализационных процессов на состояние экономической безопасности нефтегазового комплекса России // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 10. – С. 5–8.

References

1. **Gordejchik S.** Bankrotstvo kak sposob ukloneniya ot uplaty dolgov // Rossijskaya yusticiya. – 1999. – № 1. – S. 16.
2. **Kolb B.I.** Otvetstvennost' za kriminal'nye bankrotstva po UK RF: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. – Moskva, 2003.
3. **Guseva T.A., Larina N.V.** Individual'nyj predprinimatel': ot registracii do prekrashcheniya deyatel'nosti (izdanie tret'e, pererabotannoe i dopolnennoe). – Moskva: Yusticinform, 2005.
4. **Timerbulatov A.** Prednamerennoe bankrotstvo // Zakonnost'. – 2000. – № 2. – S. 34.
5. **Kolb B.I.** Zloupotrebleniya pri bankrotstve // Zakonnost'. – 2002. – № 5. – S. 17.
6. **Sychev P.G.** Hishchniki: teoriya i praktika rejderskih zahvatov. – Moskva: Al'pina Pablishez, 2011. S. 22.
7. **Chinenov A.V.** Aktual'nye voprosy protivodejstviya prestupleniyam, sovershaemym pri likvidacii yuridicheskogo lica // Rossijskij sledovatel'. – 2013. – № 2. – S. 41–42.
8. **Samodelkin A.S., Borisov O.S.** Protivodejstvie legalizacii kriminal'nyh dohodov: problemy koordinacii operativno-rozysknoj deyatel'nosti / Aktual'nye voprosy sovershenstvovaniya deyatel'nosti organov vnutrennih del v sovremennyh usloviyah: sbornik nauchnyh trudov ad'yunktov i soiskatelej / otvetstvennyj sekretar' A.V. Rodionov. – Moskva, 2015. S. 53–62.
9. **Zhuravleva E.N.** Sovremennyy zarubezhnyj opyt ugovovno-pravovoj bor'by s bankrotstvom // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2006. – № 2. – S. 24.
10. **Alaberdeev R.R., Kozlova A.P.** Vliyanie globalizacionnyh processov na sostoyanie ekonomicheskoy bezopasnosti neftegazovogo kompleksa Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2011. – № 10. – S. 5–8.

(статья сдана в редакцию 31.01.2023)

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕЖГОСУДАРСТВЕННОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ: ОСНОВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ****IMPROVING INTERSTATE COOPERATION IN THE FIELD OF
INFORMATION SECURITY: THE BASIS FOR COUNTERING
INTERNATIONAL CYBERCRIME**

УДК 343.97

П.Н. КОБЕЦ,

доктор юридических наук, профессор
(Всероссийский
научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
Россия, Москва)
5068896@list.ru

PETER N. KOBETS,

Doctor of Law, Professor
(National Research Institute of the
Ministry of Interior of the Russian Federation,
Moscow, Russia)

Аннотация: актуальность проведенного исследования вызвана ежегодным ростом киберпреступности, а без понимания глобальности проблематики борьбы с данным явлением невозможно осуществлять активное межгосударственное противодействие рассматриваемому феномену. Целью исследования стало межгосударственное сотрудничество по обеспечению информационной безопасности, являющееся основой борьбы с киберпреступностью, а также разработка мер по повышению его эффективности (в первую очередь международного законодательства, а также и иных межгосударственных мер по предупреждению киберпреступности). Объектом исследования стали современные общественные отношения, складывающиеся в сфере межгосударственного сотрудничества по обеспечению информационной безопасности. В качестве предмета выступили международно-правовые акты, регулирующие отношения в сфере кибербезопасности, материалы и публикации в области информационной безопасности, интернет-ресурсы по проблемам борьбы с киберпреступностью. В процессе исследования автором делаются выводы о том, что сегодня при возросшей уязвимости киберпродуктов и услуг цифровая устойчивость государств и обществ к киберугрозам в информационной сфере недостаточна и требует своего постоянного мониторинга и существенного совершенствования. Правовое регулирование борьбы с киберпреступлениями выступает в качестве базиса всего комплекса мер, связанного с противодействием преступности в информационной сфере, и оно также нуждается в дальнейшем совершенствовании. И поскольку эпидемия киберпреступности может в скором будущем захватить телекоммуникационные и интернет-системы и превратиться в важнейшую и крупную криминальную проблему современности, необходим переход к более решительным глобальным мерам в подходах к обеспечению кибербезопасности. Вместе с тем совершенствование международного сотрудничества в рассматриваемой сфере должно проводиться с участием представителей всего мирового сообщества, что обусловливается как свойствами информационных данных, выступающих объектами киберпосягательств, так и совокупностью основных черт киберпреступлений. Выводы и рекомендации, сформулированные автором в данной работе, могут быть использованы в дальнейшей деятельности по борьбе с рассматриваемым феноменом, в том числе при подготовке информационного и справочного материала для различных субъектов противодействия киберпреступности.

Ключевые слова: межгосударственное сотрудничество, информационная безопасность, информатизация общества, киберпреступность, правовое регулирование, международная безопасность, законодательная база, предупреждение преступности.

Для цитирования: Кобец П.Н. Совершенствование межгосударственного сотрудничества в сфере информационной безопасности: основа противодействия международной киберпреступности // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 83–89.

Abstract: the relevance of the study is due to the annual growth of cybercrime, and without understanding the globality of the problem of combating this phenomenon, it is impossible to carry out active inter-state counteraction to the phenomenon under consideration. The aim of the study was interstate cooperation to ensure information security, which is the basis for the fight against cybercrime, as well as the development of measures to increase its effectiveness (primarily international legislation, as well as other interstate measures to prevent cybercrime). The object of the research is modern social relations developing in the sphere of interstate cooperation to ensure information security. The subject was international legal acts regulating relations in the field of cybersecurity, materials and publications in the field of information security, Internet resources, on the problems of combating cybercrime. In the course of the study, the author concludes that today, with the increased vulnerability of cyber products and services, the digital resilience of states and societies to cyber threats in the information sphere is insufficient, and requires constant monitoring and significant improvement. The legal regulation of the fight against cybercrimes serves as the basis for the entire range of measures related to combating crime in the information sphere, and it also needs to be further improved. And since the epidemic of cybercrime may in the near future take over telecommunication and Internet systems and turn into the most important and major criminal problem of our time, a transition to more decisive global measures in approaches to ensuring cybersecurity is necessary. At the same time, the improvement of international cooperation in the area under consideration should be carried out with the participation of representatives of the entire world community, which is due to both the properties of information data that are objects of cyber attacks, and the totality of the main features of cybercrimes. The conclusions and recommendations formulated by the author in this work can be used in further activities to combat the phenomenon under consideration, including in the preparation of information and reference material for various subjects of countering cybercrime.

Keywords: interstate cooperation, information security, informatization of society, cybercrime, legal regulation, international security, legislative framework, crime prevention.

For citation: Kobets P.N. Improving interstate cooperation in the field of information security: the basis for countering international cybercrime // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – № 1. – P. 83–89.

Будучи долгие годы постиндустриальным, общество, в начале нового тысячелетия становится все более информационным и цифровым. В условиях современного цифрового общества информационные данные представляют из себя важнейший и необходимый компонент его совершенствования и эффективного развития. При этом информационные данные становятся значимыми не только для отдельно взятых людей, но и в целом государств. Сегодня любой житель планеты обладает правом обращения с информацией любыми законными способами. Для распространения информационных данных не существует границ, они представляют ценность для общества, а их защита представляется важнейшей деятельностью [1, с. 47].

Вне всякого сомнения, с каждым годом цифровая сфера все более тесно переплетается с нашей повседневной жизнью. Поэтому наличие защищенного цифрового пространства является необходимым условием для оптимального использования возможностей, предоставляемых обществу цифровизацией. Несмотря на то, что цифровизация и информатизация общества благоприятствует инновационному росту, она одновременно несет риски для государственной безопасности, всех заинтере-

сованных сторон. Ежегодно человечество получает все больше информации об угрозах и уязвимостях в цифровой сфере [2, с. 30]. Согласно экспертным оценкам самые большие угрозы в информационной сфере исходят от террористических организаций и профессиональных преступников. Угрозы со стороны преступников-непрофессионалов (уровня простых пользователей интернет-услугами) в основном ограничиваются кражами конфиденциальной или иной необходимой информации, в то время как профессиональные преступники в основном сосредоточены на цифровом мошенничестве в целях конкуренции между бизнес-структурами, шпионаже, а также на краже информационных данных, обладающих высокой стоимостью [3, с. 15].

В дополнение к перечисленным угрозам важно подчеркнуть, что человечество также сталкивается и с другими проблемами, возникающими в цифровой сфере, поскольку с каждым годом международный контекст кибербезопасности становится намного шире. В этой связи необходимо отметить, что кибербезопасность отдельных сфер и интересов не может быть обеспечена в одной стране изолированно от всего мирового сообщества и поэтому должна рассматриваться в корреляции с деятельностью всех глобальных телекоммуника-

ционных сетей, а также социально-экономическими выгодами с точки зрения экономических и социальных возможностей, предлагаемых цифровизацией. Таким образом, из-за возросшей зависимости и уязвимости киберпродуктов и услуг цифровая устойчивость государств и обществ к киберугрозам в информационной сфере в начале 2020-х гг. недостаточна и требует своего постоянного мониторинга и существенного совершенствования.

Во всем мире финансовые потери из-за киберпреступности продолжают расти. Оценки стоимости киберпреступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе различаются, но предполагаемые цифры около 81 миллиарда долларов США свидетельствуют о том, что это более серьезная проблема, чем любая страна может решить самостоятельно¹. При этом нельзя не отметить то, что, по мнению многих отечественных исследователей киберпреступности, материалы официальных статистических данных не могут в достаточной степени объективно отражать все характеристики (структуру, состояние, динамику и др.) рассматриваемого вида преступлений, совершаемых в нашей стране. Кроме того, ими также утверждается, что уровень латентности рассматриваемых противоправных деяний составляет около 90% и выше [4, с. 111]. Более того, по мнению многих зарубежных экспертов, рассматриваемая преступность высоколатентна, так, в частности, в США показатели латентности рассматриваемых противоправных деяний составляют порядка 80%, в Великобритании – около 85%, в ФРГ этот показатель равен примерно 75%, в Российской Федерации – свыше 90% [5, с. 16]. В этой связи автор полагает, что отечественные криминологи правы, утверждая, что эпидемия киберпреступности может в скором будущем захватить телекоммуникационные и интернет-системы и превратиться в важнейшую и крупную криминальную проблему современности [6, с. 19].

Все вышеперечисленное требует перехода к более решительным глобальным мерам в подходах к обеспечению кибербезопасности.

Не вызывает возражений утверждение отечественных специалистов о том, что современная киберпреступность является не только организованной, высокотехнологичной и причиняющей большой экономический вред, но также при этом обладает высоким латентным характером. Природа рассматриваемого вида преступности носит трансграничный и транснациональный характер на том основании, что киберпреступность не ограни-

чивают государственные границы, а субъекты рассматриваемых преступлений в большинстве своем являющиеся высококлассными специалистами в сфере информационных технологий, по большей части становятся участниками организованных преступных групп [7, с. 371]. В этой связи перечисленные особенности киберпреступности обязывают субъектов по ее противодействию совершенствовать международно-правовое сотрудничество по обмену различными информационными данными между правоохранительными органами иностранных государств и проводить совместные мероприятия в сфере борьбы с рассматриваемым явлением. Совершенствование международного сотрудничества в рассматриваемой сфере в обязательном порядке должно строиться с участием представителей всего мирового сообщества, что обуславливается как свойствами информационных данных, выступающих объектами киберпосягательств, так и совокупностью основных черт рассматриваемых противоправных деяний.

Нельзя не согласиться с мнением международного эксперта в сфере законодательных основ противодействия киберпреступности Штайн Шьольберга, по мнению которого «киберпространство следует рассматривать в качестве пятого общего пространства, наравне с наземным, морским, воздушным и космическим, и оно также требует выработки особых правовых мер в сфере координации международного сотрудничества» [8]. Поэтому в современных условиях международная законодательная база должна способствовать адекватному и своевременному реагированию на новейшие вызовы и угрозы в сфере информационной безопасности. В этой связи важно сказать о том, что «Генеральной Ассамблеей ООН по инициативе Российской Федерации была принята Резолюция 53/70 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности», в которой рассматривались проблемы не только киберпреступности, но и кибертерроризма². Кроме того, проблемы противодействия кибертерроризму были затронуты в 1999 г. в договоре о сотрудничестве государств – участников СНГ по противодействию терроризму³.

Совершенно понятно, что в современных условиях правовое регулирование борьбы с киберпре-

¹ The US–Australia Cyber Dialogue: Fighting Cybercrime in the Asia–Pacific [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.csis.org/blogs/strategic-technologies-blog/us%E2%80%93australia-cyber-dialogue-fighting-cybercrime-asia%E2%80%93pacific> (дата обращения 16.12.2021).

² Резолюция Генеральной Ассамблеей ООН 53/70 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности» от 4.01.1999 [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ «Договор о сотрудничестве государств - участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом» (Подписан в г. Минске 04.06.1999). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ступлениями выступает в качестве базиса всего комплекса мер, связанного с противодействием преступности в информационной сфере. В этой связи международным сообществом были подготовлены нормативные правовые акты, направленные на борьбу с киберпреступностью, среди которых особая роль принадлежит региональным нормативно-правовым актам. Ряд положений, которые касаются борьбы с киберпреступностью, также закрепила «Окинавская хартия глобального информационного общества 2000 г.»⁴, Глобальная программа кибербезопасности, которую в 2007 г. утвердил Международный союз электросвязи⁵, а также ряд других нормативных правовых актов. Сегодня международное сотрудничество стран в сфере противодействия рассматриваемой преступности строится на заключении многосторонних, региональных, двусторонних соглашений. Примером регионального международного соглашения в рассматриваемой сфере следует назвать Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности 2013 г.⁶

Важно отметить, что «особая роль в консолидации международных усилий по решению важнейших вопросов в сфере информационной безопасности отводилась Конвенцией о преступности в сфере компьютерной информации 2001 г., вступившей в силу 1 июля 2004 г. дополнительному протоколу к ней от 28 января 2003 г., который рассматривает вопросы в сфере уголовной ответственности относительно распространения информации расистского и ксенофобского характера»⁷. В ней содержится «подробная классификация киберпреступлений, указывается порядок по взаимодействию стран, чьи интересы пострадали в результате действий киберпреступников, и, кроме того, регламентируются вопросы по хранению и использованию личной информации клиентов интернет-провайдеров при расследовании преступлений. Российские специалисты активно уча-

⁴ «Окинавская хартия глобального информационного общества» (Принята на о. Окинава 22.07.2000). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Глобальной программе кибербезопасности [Электронный ресурс]. – URL: <https://ifap.ru/pr/2008/080908aa.pdf> (дата обращения: 16.12.2021).

⁶ Соглашение о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в области обеспечения информационной безопасности (Санкт-Петербург, 20 ноября 2013 г.). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁷ «Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации» (ETS N 185) [рус., англ.] (Заключена в г. Будапеште 23.11.2001) (с изм. от 28.01.2003). [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ствовали в подготовке указанной Конвенции» [9, с. 115]. Однако «Российская Федерация, подписав ее в 2005 г., в скором времени была вынуждена отозвать подпись в связи с имеющимися разногласиями относительно условий трансграничного доступа к компьютерным системам, а также потому что считала, что ряд положений Конвенции, по мнению экспертов, содержит непосредственную угрозу национальной безопасности и суверенитету Российской Федерации»⁸.

В данной Конвенции рассмотрены ключевые вопросы, среди которых уголовно-правовая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации; уголовно-процессуальные особенности противодействия преступности, которые направлены на обеспечение сбора доказательств при расследовании компьютерных преступлений; а также вопросы международного сотрудничества в уголовно-процессуальной деятельности, направленного на сбор доказательств совершения таких преступлений за рубежом» [10, с. 21].

По мнению одних отечественных исследователей в области борьбы с киберпреступностью, несмотря на то, что помимо рассматриваемой Конвенции существуют другие международные акты, однако при этом она представляет из себя «признанный международный договор, содержащий нормы как материального, так и процессуального (процедурные) права по противодействию киберпреступлениям и защите свободы, безопасности и прав человека в информационном пространстве» [11, с. 66]. Ряд других правоведов, к числу которых относится и автор данной публикации, полагают, что в настоящее время Конвенция представляет собой устаревший и не отвечающий современным реалиям международный правовой акт из-за стремительных темпов освоения киберпространства и внедрения новейших цифровых технологий. Конвенция 2001 г. освещает в большей степени понятийный и категориальный аппарат, определяющий перечень противоправных деяний в сфере киберпреступности, который с каждым годом все больше теряет актуальность. Данный документ был разработан в конце 1990-х гг., и ряда угроз в сфере информационного пространства просто не существовало либо о них не было известно широкой общественности [12, с. 39].

Из сказанного следует, что на сегодняшний день все-таки сложилась некая основа правового регу-

⁸ Распоряжение Президента Российской Федерации «О подписании Конвенции о киберпреступности» от 15.11.2005 г. № 557-рп // СЗ РФ. – 2005. – № 47. – Ст. 4929; Распоряжение Президента Российской Федерации «О признании утратившим силу Распоряжение Президента Российской Федерации от 15.11.2005 г. «О подписании Конвенции о киберпреступности» от 22.03.2008 г. № 144-рп // СЗ РФ. – 2008. – № 13. – Ст. 1295. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

лирования противодействия киберпреступности. Между тем, по мнению многих отдельных специалистов, ситуация, связанная с выявлением киберпреступлений, свидетельствует о невысокой эффективности международно-правовой базы по борьбе с рассматриваемым феноменом. Из-за этого в настоящее время международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью все больше становится фрагментарным. Во многом такое положение дел объясняется отсутствием необходимой конвенции ООН, определяющей единые для большинства государств векторы борьбы с киберпреступностью, конвенции, которая в том числе бы перечисляла современные уголовно-правовые составы, предусматривающие санкции за совершение рассматриваемых преступлений, а также современный действенный системный комплекс мер по международному сотрудничеству в информационно-коммуникационной сфере.

Автор полагает, что в рамках ООН необходимо разработать и принять две конвенции, в одной из которых были бы отражены проблемы борьбы с киберпреступностью, а во второй рассматривались вопросы, связанные с обеспечением безопасности в информационно-телекоммуникационной сфере. Первая конвенция ООН должна раскрывать суть понятий и терминов, общих организационно-правовых принципов; перечислять весь комплекс уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, устанавливающих ответственность за противоправные деяния в информационной сфере; определять глобальные приоритеты международного взаимодействия правоохранительных структур борьбы с киберпреступностью. Во второй конвенции ООН должны определяться принципы и правила регулирования информационной и телекоммуникационной безопасности; ведения военных действий в информационно-коммуникационном пространстве: противодействовать созданию, использованию и распространению средств информационной войны; препятствовать хищению цифровых информационных данных, информационному и кибершпионажу, пропаганде, подготовке, совершению террористических атак при помощи компьютерной техники; не допускать создание террористических организаций и группировок, занимающихся кибертерроризмом и совершением террористических актов в информационно-телекоммуникационной сфере; противодействовать киберсаботажу.

При этом важно отметить, что в современных условиях необходимо активно противодействовать киберпреступности, которая все больше приобретает трансграничный характер [13, с. 5]. Данная деятельность должна осуществляться на основе хорошо скоординированного международного сотрудничества мировых держав, и в первую

очередь при эффективном взаимодействии их правоохранительных органов и служб. И только при таком глобальном подходе всего мирового сообщества возможно реальное снижение рассматриваемых противоправных деяний.

Кроме всего прочего, правительствам и бизнес-сообществу необходимо совершенствовать свои цифровые навыки и свою обязанность заботиться о своих клиентах. Это также включает в себя предложение безопасных продуктов и услуг в области информационных технологий. Компании и государственные органы должны нести ответственность за свою работу в этом направлении и практиковать прозрачность в отношении того, какие меры кибербезопасности они принимают и как они обрабатывают пользовательские данные. Государствам необходимо устанавливать рамки и стандарты, например, когда речь заходит о требованиях безопасности жизненно важных услуг и процессов.

Освещая проблему совершенствования межгосударственного сотрудничества по обеспечению информационной безопасности, важно подчеркнуть, что во многих странах в настоящее время уже активно функционирует ряд государственных систем по защите гостайны и информации, а также по лицензированию функционирования предприятий в сфере защиты информационных данных [14, с. 4].

Сегодня в государствах Европейского Союза на постоянной основе заняты организацией и проведением «крупномасштабных национальных, международных и транснациональных киберучений, которые способствуют повышению уровня специальной подготовки руководящих и подчиненных органов управления, сил и средств кибербезопасности по надлежащему обеспечению функционирования критически важных инфраструктурных объектов» [15, с. 9].

Следует также отметить, что Российской Федерации, изучив положительный зарубежный опыт, в первую очередь необходимо развивать на политическом и техническом уровне дальнейшее сотрудничество по укреплению кибербезопасности со всеми международными организациями, в которых она состоит, в том числе с теми, которые функционируют на территории государств – участников Содружества Независимых Государств (далее – СНГ).

Сегодня регулирование международных отношений в киберпространстве становится серьезной проблемой. Поэтому нашей стране в первую очередь совместно с государствами-единомышленниками, выступающими союзниками Российской Федерации в различных сферах деятельности, необходимо продвигать дорожную карту цифровой стратегической автономии. При этом Российской

Федерации необходимо укреплять свое влияние в международных организациях (ШОС, ОДКБ, СНГ и др.), а также оказывать поддержку наименее защищенным странам, с их согласия, в наращивании их потенциала в области кибербезопасности, тем самым способствуя общей стабильности киберпространства, как на территории государств – участников СНГ, так и во всем мире.

При этом наша страна в дальнейшем должна стремиться к тому, чтобы международные договоры не приводили к технологической или экономической зависимости заинтересованных сторон и к отчуждению персональных данных российских граждан или конфиденциальных данных ее административных, источников дестабилизации киберпространства. Это будет включать в себя превращение России в цифровую территорию, которая в наибольшей степени уважает основные права людей, создаст зоны доверия и экономического процветания.

В сложившихся современных условиях киберпространство должно оставаться местом свободного выражения мнений для всех граждан, где злоупотребления могут быть предотвращены только в пределах, установленных законом, и в соответствии с нашими международными соглашениями. Развитию цифровых технологий не может быть устойчивым в киберпространстве, где государства не уважают передовой опыт, необходимый для сбалансированного перехода к цифровым технологиям, который выгоден всем странам, и где несколько экономических игроков монополизировали богатство, которое составляют цифровые данные, в частности персональные данные, истинные ресурсы для будущих поколений. В этой связи важно, чтобы проводилась активная пропаганда и защита российских ценностей в телекоммуникационных сетях связи.

Цифровой переход, носитель политических, социальных и экономических возможностей, далеко не во всех странах контролируется одинаково. Это наносит ущерб безопасности и развитию государств, которые менее защищены, и ослабляет всю цифровую среду на международном уровне [16, с. 9]. В целях содействия надежному и устойчивому внедрению цифровых технологий во всех странах, и в частности в развивающихся, наша страна должна оказать помощь в укреплении потенциала стран, которые хотели бы повысить устойчивость и безопасность своих информационных систем, особенно в том, что касается защиты критически важных инфраструктур и борьбы с киберпреступностью. Для обеспечения долговечности и устойчивости проектов по укреплению потенциала Российской Федерации предпочтительно будет действовать на основе долгосрочных надежных партнерских отношений. Это действие также

должно позволить нашей стране укрепить свою собственную кибербезопасность.

Рост цифровых рынков во всем мире, а также связанные с этим императивы безопасности должны давать возможность дифференцировать российские цифровые продукты и услуги, уровень безопасности которых адаптирован к их использованию. Поддерживая инвестиции, инновации и экспорт, а также посредством государственных закупок государство должно создать благоприятную среду для отечественных компаний в цифровом секторе, предлагающих безопасные продукты и услуги, в том числе по борьбе с киберпреступностью.

В дальнейшем должно происходить укрепление российского присутствия и влияния в международных дискуссиях по кибербезопасности. В целях укрепления доверия на международном уровне и изучения новых механизмов регулирования, направленных на предотвращение конфликтов в киберпространстве, Российской Федерации необходимо восстановить свои контакты со всеми непосредственно вовлеченными сторонами, которые готовы участвовать в диалоге по вопросам кибербезопасности. Участие в многосторонних переговорах по кибербезопасности (ООН, ОБСЕ и др.) будет способствовать укреплению глобальной базы обязательств по обеспечению национальной безопасности в соответствии с международным правом. Также необходимо укреплять двусторонние контакты, в частности в рамках межведомственного дипломатического диалога по вопросам, касающимся киберпространства, возглавляемого Министерством иностранных дел.

Таким образом, современное киберпространство не только не является пространством без правил, но и регулируется действующим международным законодательством. Несмотря на это необходимая сегодня современная международная нормативная база по эффективной защите киберпространства все еще находится на стадии обсуждения международного сообщества. Однако дальнейшее отсутствие прогресса в переговорном процессе может нанести ущерб сохранению стабильного безопасного глобального киберпространства, необходимого для развития современной цивилизации и надежной международной экономики цифровой эпохи. Кроме того, в условиях нового тысячелетия межгосударственные меры по борьбе с кибербезопасностью должны играть более активную роль в цифровой сфере. С одной стороны, путем увеличения инвестиций в безопасность своих собственных сетей и услуг и, с другой стороны, путем объединения всех международных сторон по принятию коллективных мер международной безопасности и противодействия киберпреступности.

Литература

1. **Карпова Д.Н.** Киберпреступность: глобальная проблема и ее решение // Власть. – 2014. – № 8. – С. 46–50.
2. **Кобец П.Н.** Совершенствование мер, осуществляемых органами внутренних дел в сфере информационно-психологического противодействия терроризму // Юридическая психология. – 2021. – № 3. – С. 28–31. – DOI 10.18572/2071-1204-2021-3-28-31.
3. **Кобец П.Н.** Выявление и мониторинг социальных сетей, используемых экстремистскими группировками, – важнейшая основа противодействия их преступной деятельности // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2017. – № 2(42). – С. 13–19.
4. **Старичков М.В.** Умышленные преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминологическая характеристики: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право»: дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2006. – 237 с.
5. **Варданян А.В., Никитина Е.В.** Расследование преступлений в сфере высоких технологий и компьютерной информации. – Москва: Юрлитинформ, 2007. – 312 с.
6. **Лопатина Т.М.** Условноцифровое вымогательство, или кибершантаж // Журнал российского права. – 2015. – № 1(217). – С. 118–126. – DOI 10.12737/7255.
7. **Якимова Е.М., Нарутто С.В.** Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 369–378. – DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(2).
8. **Schjølberg S.** A cyberspace treaty – A United Nations convention or protocol on cybersecurity and cybercrime [Electronic resource] / Stein Schjølberg // Twelfth United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. Salvador, Brazil, 12–19 April 2010. – Mode of access. – URL: http://cybercrimelaw.net/documents/UN_12th_Crime_Congress.pdf. (дата обращения: 16.12.2021).
9. **Харитошкин В.В.** О мерах противодействия киберпреступности в международном и российском уголовном праве // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 3(59). – С. 111–117.
10. **Волеводз А.Г.** Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования // Правовые вопросы связи. – 2007. – № 2. – С. 17–25.
11. **Химченко И.А.** Информационное общество: правовые проблемы в условиях глобализации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13. – Москва, 2014. – 174 с.
12. **Атнашев В.Р., Яхьева С.Н.** Международное сотрудничество в борьбе с киберпреступностью и кибертерроризмом // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2019. – № 3(29). – С. 37–42.
13. **Кобец П.Н.** О современных информационных технологиях, используемых экстремистскими и террористическими группировками, и необходимости противодействия киберпреступности // Вестник развития науки и образования. – 2016. – № 6. – С. 4–9.
14. **Шерстюк В.П.** Информационная безопасность в системе обеспечения национальной безопасности России, федеральные и региональные аспекты обеспечения информационной безопасности // Информационное общество. – 1999. – № 5. – С. 3–5.
15. **Петренко А.А., Петренко С.А.** Киберучения: методические рекомендации ENISA // Вопросы кибербезопасности. – 2015. – № 3(11). – С. 2–14.
16. **Поляков В.В.** Профилактика экстремизма и терроризма, осуществляемого с помощью сети Интернет // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – № 3(91). – С. 142–144. – DOI 10.14258/izvasu(2016) 3–26.

References

1. **Karpova D.N.** Kiberprestupnost': global'naya problema i ee reshenie // Vlast'. – 2014. – № 8. – С. 46–50.
2. **Kobec P.N.** Sovershenstvovanie mer, osushchestvlyаемых organami vnutrennih del v sfere informacionno-psihologicheskogo protivodejstviya terrorizmu // Yuridicheskaya psihologiya. – 2021. – № 3. – С. 28–31. – DOI 10.18572/2071-1204-2021-3-28-31.
3. **Kobec P.N.** Vyuvavlenie i monitoring social'nyh setej, ispol'zuemyh ekstremistskimi gruppirovkami, – vazhnejshaya osnova protivodejstviya ih prestupnoj deyatel'nosti // Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. – 2017. – № 2(42). – С. 13–19.
4. **Starichkov M.V.** Umyshlennye prestupleniya v sfere komp'yuternoj informacii: ugovolno-pravovaya i kriminologicheskaya harakteristiki: special'nost' 12.00.08 «Ugovolnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo»: dis. ...kand. yurid. nauk. – Irkutsk, 2006. – 237 s.
5. **Vardanyan A.V., Nikitina E.V.** Rassledovanie prestuplenij v sfere vysokih tekhnologij i komp'yuternoj informacii. – Moskva: Yurilitinform, 2007. – 312 s.
6. **Lopatina T.M.** Uslovnocifrovое vymogatel'stvo, ili kibershantazh // Zhurnal rossijskogo prava. – 2015. – № 1(217). – С. 118–126. – DOI 10.12737/7255.
7. **Yakimova E.M., Narutto S.V.** Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s kiberprestupnost'yu // Vserossijskij kriminologicheskij zhurnal. – 2016. – Т. 10. – № 2. – С. 369–378. – DOI 10.17150/1996-7756.2016.10(2).
8. **Schjølberg S.** A cyberspace treaty – A United Nations convention or protocol on cybersecurity and cybercrime [Electronic resource] / Stein Schjølberg // Twelfth United Nations Congress on Crime Prevention and Criminal Justice. Salvador, Brazil, 12–19 April 2010. – Mode of access. – URL: http://cybercrimelaw.net/documents/UN_12th_Crime_Congress.pdf. (data obrashcheniya: 16.12.2021).
9. **Haritoshkin V.V.** O merah protivodejstviya kiberprestupnosti v mezhdunarodnom i rossijskom ugovolnom prave // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo. – 2019. – № 3(59). – С. 111–117.
10. **Volevodz A.G.** Konvenciya o kiberprestupnosti: novacii pravovogo regulirovaniya // Pravovye voprosy svyazi. – 2007. – № 2. – С. 17–25.
11. **Himchenko I.A.** Informacionnoe obshchestvo: pravovye problemy v usloviyah globalizacii: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.13. – Moskva, 2014. – 174 s.
12. **Atnashev V.R., Yaheeva S.N.** Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v bor'be s kiberprestupnost'yu i kiberterrorizmom // Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika. – 2019. – № 3(29). – С. 37–42.
13. **Kobec P.N.** O sovremennyh informacionnyh tekhnologiyah, ispol'zuemyh ekstremistskimi i terroristicheskimi gruppirovkami, i neobhodimosti protivodejstviya kiberprestupnosti // Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya. – 2016. – № 6. – С. 4–9.
14. **Sherstyuk V.P.** Informacionnaya bezopasnost' v sisteme obespecheniya nacional'noj bezopasnosti Rossii, federal'nye i regional'nye aspekty obespecheniya informacionnoj bezopasnosti // Informacionnoe obshchestvo. – 1999. – № 5. – С. 3–5.
15. **Petrenko A.A., Petrenko S.A.** Kiberucheniya: metodicheskie rekomendacii ENISA // Voprosy kiberbezopasnosti. – 2015. – № 3(11). – С. 2–14.
16. **Polyakov V.V.** Profilaktika ekstremizma i terrorizma, osushchestvlyаемого s pomoshch'yu seti Internet // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – № 3(91). – С. 142–144. – DOI 10.14258/izvasu(2016) 3–26.

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ НОРМЫ ОБ УГОЛОВНОЙ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ФАЛЬСИФИКАЦИЮ
ДОКАЗАТЕЛЬСТВ: ПРОБЛЕМА РАСШИРЕНИЯ КРУГА
СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ****PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE NORM ON
CRIMINAL LIABILITY FOR FALSIFICATION OF EVIDENCE:
THE PROBLEM OF EXPANDING THE CIRCLE OF SUBJECTS
OF CRIME**

УДК 343.36

В.Л. БЕРДНИКОВ,
адъюнкт
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
valerka.berdnikov79@mail.ru

VALERY L. BERDNIKOV,
Postgraduate
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: в статье рассматриваются некоторые проблемы квалификации умышленной фальсификации доказательственной информации. Несмотря на распространенность подобных деяний они почти не исследованы, хотя одной ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации для охвата всех возможных вариантов совершенно недостаточно. Установлено, что следует понимать под «фальсификацией доказательств по уголовным делам». В статье анализируется диспозиция ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также рассматриваются проблемы квалификации преступлений по ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. Особое внимание уделено особенностям субъекта преступления, предусмотренного ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации. Обращается внимание на необходимость уточнить круг специальных субъектов, способных совершить данное уголовно наказуемое деяние. Осуществлен анализ проблем уголовно-правовой оценки действий секретаря судебного заседания и судьи как субъектов фальсификации доказательств. Сформулированы предложения по увеличению превентивного потенциала исследуемой уголовно-правовой нормы. Делается вывод о том, что лицо, совершающее фальсификацию, относится к специальному субъекту – следователь, дознаватель, прокурор, защитник (фальсификация доказательств иными участниками уголовного судопроизводства квалифицируется по иным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации). Обобщение целей фальсификатора, излагаемых в приговорах, дает возможность сформулировать следующий признак субъективной стороны – из корыстной или иной личной заинтересованности.

Ключевые слова: правосудие, субъект преступления, судья, секретарь судебного заседания, фальсификация, оперативно-розыскная деятельность.

Для цитирования: Бердников В.Л. Перспективы развития нормы об уголовной ответственности за фальсификацию доказательств: проблема расширения круга субъектов преступления // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 90–96.

Abstract: the article discusses some problems of qualification of intentional falsification of evidentiary information. Despite the prevalence of such acts they are almost not investigated, although one article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation is absolutely not enough to cover all possible options. It has been established what should be understood by «falsification of evidence in criminal cases». At the same time, the article analyzes the disposition of Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation, and also considers the problems of qualifying crimes under Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation. Special attention is paid in the article to the peculiarities of the subject of the crime provided for in Article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation. This is a special entity that has, in particular, access to the materials of the criminal case. Attention is drawn to the need, firstly, to clarify the range of special subjects

capable of committing this criminally punishable act. The analysis of the problems of criminal legal assessment of the actions of the secretary of the court session and the judge as subjects of falsification of evidence is carried out. Proposals to increase the preventive potential of the criminal law norm under study are formulated. It is concluded that the person committing the falsification belongs to a special subject: investigator, inquirer, prosecutor, defender (falsification of evidence by other participants in criminal proceedings is qualified under other articles of the Criminal Code of the Russian Federation). Generalization of the falsifier's goals set forth in the sentences makes it possible to formulate the following sign of the subjective side – out of selfish or other personal interest.

Keywords: justice, the subject of the crime, judge, secretary of the court session, falsification, operational investigative activity.

For citation: Berdnikov V.L. Prospects for the development of the norm on criminal liability for falsification of evidence: the problem of expanding the circle of subjects of crime // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 90–96.

В последнее время термины «должностные преступления», «преступления, совершенные при участии должностного лица» получили широкое распространение в научной литературе, средствах массовой информации, ведомственных нормативных актах и деятельности органов внутренних дел. Это свидетельствует о необходимости выделения феномена противоправного поведения должностных лиц в относительно самостоятельную область изучения. Исследования различных ученых-правоведов свидетельствуют о необходимости отдельной разработки вопросов квалификации преступлений, совершаемых должностными лицами. Поскольку субъект таких видов противоправных деяний имеет определенный социально-правовой статус, это и определяет специфическую сферу его преступной деятельности. В этой связи исследование криминообразующих признаков такого состава преступления, как фальсификация доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности, где субъектом деяния является должностное лицо, представляется не менее логичным, ибо позволит объективно изучить и проанализировать специфичность данной группы преступлений, определить основные направления превенции указанного негативного явления.

Субъекту уголовной политики необходимо всесторонне и глубоко исследовать причины и условия совершения преступлений против правосудия лицами, осуществляющими предварительное следствие, поскольку игнорирование проблем в этой сфере может привести к непредсказуемым последствиям не только для системы правосудия, но и для общества в целом. С одной стороны, осуждение невиновного лица влечет для него (и членов его семьи) колоссальный ущерб; одно только наличие судимости закрывает многие возможности, главная из которых – возможность трудоустройства. С другой стороны, уход от ответственности лица, способного оплатить услу-

ги квалифицированного адвоката (как известно, имеющего разные возможности в сборе доказательств), не менее общественно опасно. Такая ситуация формирует у так называемых оправданных лиц чувство безнаказанности, возможности решения любых проблем за счет материальных ресурсов; толкает на совершение новых более общественно опасных преступлений.

Существующие проблемы, на наш взгляд, связаны, во-первых, с несовершенством норм ч. 2 и 3 ст. 303 Уголовного кодекса Российской Федерации¹, во-вторых, с вытекающими отсюда ошибками квалификации, в-третьих, тем обстоятельством, что расследование по делам ведется субъектами, которые, наряду с обвиняемыми, относятся к одной и той же системе государственных учреждений, решающих задачи уголовного преследования.

В целях разграничения специальной и общей нормы (ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ и ст. 292 УК РФ) субъект квалификации должен последовательно проанализировать:

- 1) являются ли предметом преступления доказательства;
- 2) относится ли преступник к специальному субъекту;
- 3) какие действия и с какой целью совершил преступник.

Предметом фальсификации доказательств по уголовному делу чаще всего являются протоколы следственных действий, в том числе протоколы допросов свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, протокол ознакомления с материалами уголовного дела, протокол осмотра, выемки (перечислены в порядке убывания встречаемости на практике). Реже встречаются фальсификации вещественных доказательств и заключений экспертов (как путем искажения, так и сокрытия).

Цель настоящего исследования – уточнить круг специальных субъектов (в том числе секре-

¹ Далее – УК РФ.

таря судебного заседания и судьи), способных совершить данное уголовно наказуемое деяние.

Фальсификация доказательств по уголовным делам является одним из наиболее опасных преступлений, наносящих вред системе правосудия. Несмотря на то, что информация из открытых источников свидетельствует об увеличении числа приговоров по ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ, на практике фактов фальсификации гораздо больше. По мнению адвоката М.А. Фомина, «фальсификация доказательств по уголовным делам в современной России стала приобретать масштабы эпидемии, что отчетливо характеризует уголовно-процессуальную политику государства в этой области права» [1, с. 5].

Косвенно о реальной ситуации по рассматриваемой категории дел могут свидетельствовать результаты криминологических исследований (опросы, интервьюирования экспертов, а также граждан – участников уголовного процесса, контент-анализ публикаций в средствах массовой информации и материалов уголовных дел). Так, в ходе исследования, проведенного Ю.Н. Климовой, было установлено, что около 80% респондентов, имеющих непосредственное отношение к сфере предварительного расследования, назвали фальсификацию доказательств по уголовному делу наиболее часто совершаемым следователем должностным преступлением [2, с. 59].

В научной литературе также отсутствует единый подход к пониманию фальсификации доказательств. Приведем лишь две позиции, которые позволяют, на наш взгляд, сформулировать обобщающее определение фальсификации доказательств применительно к уголовным делам. Так, М.В. Мытарев рассматривает фальсификацию как «умышленное искажение информации о фактах, имеющих значение для установления компетентными органами и лицами обстоятельств, значимых для уголовного дела» [3, с. 22]. В свою очередь, А.А. Кондратьев формулирует следующие способы фальсификации доказательств, рассматривая содержание термина: «искажение доказательств, т.е. подмена, подделка или внесение изменений в документы; искусственное создание доказательств (ложные вещественные доказательства, документы, следы); сокрытие и уничтожение доказательств» [4, с. 147]. Обратим внимание, что в этом определении используется термин «сокрытие доказательств», которое может совершаться, на наш взгляд, как путем действия, так и бездействия. В то же время ученые [3, с. 22] задаются вопросом: может ли фальсификация осуществляться путем бездействия? Теоретически, если дознаватель или следователь умышленно не приобщают к материалам уголовного дела доказательства (например, результаты экспертизы, вещественное доказательство, протоколы допроса свидетелей) либо

в интересах обвиняемого или потерпевшего лица, либо в других целях, то в этом случае результатом такого бездействия может быть неправоудное решение по делу. На наш взгляд, описанные деяния также должны включаться в объем содержания термина «фальсификация доказательств по уголовным делам».

В связи с этим под фальсификацией доказательства по уголовным делам следует понимать не только изменяющее его первоначальное состояние искажение участником уголовного процесса содержащейся в доказательстве информации о фактах, имеющих значение для уголовного дела, но и бездействие в целях изменения объективности таковой информации.

Еще одним подтверждением необходимости уточнения термина «фальсификация доказательств» является вопрос о том, как квалифицировать действия лица, подделавшего документ, который содержит объективную информацию. Например, следователем или руководителем следственной группы был произведен опрос очевидцев на месте происшествия, однако в ходе опроса пошел дождь, в результате чего бланк протокола был испорчен. Должностное лицо, не желая еще раз проделывать данную работу, самостоятельно переписывает протокол опроса, подделывая подписи опрошенных лиц. С содержательной точки зрения документ фиксирует информацию о реальном факте, однако с формальной точки зрения он представляет собой сфабрикованное письменное доказательство, которое недопустимо применять в процессе доказывания.

Следуя букве закона, изготовление документа о реальных событиях, но с нарушением процедуры следует признать фальсификацией. Однако противоположная позиция была выражена в определении Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2010 г.² С. предъявлено обвинение в том, что он, работая старшим следователем, сфальсифицировал доказательства по делу (ч. 3 ст. 303 УК РФ). С. пояснил, что, находясь в служебном кабинете, он разлил кофе и испортил протоколы допроса, которые затем перепечатал и попросил участкового инспектора подписать их у свидетелей. Суд пришел к выводу, что внесение сведений в протоколы допроса не является фальсификацией доказательств по уголовному делу, поскольку они не повлияли на результаты рассмотрения дела, не повлекли неправоудного приговора и не нарушили прав и свобод граждан. Однако признание такого поведения оправданным может повлечь за собой оправдание и других от-

² Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 52-О10-16 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vsr.ru/stor_pdf.php?id=417852 (дата обращения: 15.12.2021).

ступлений от порядка сбора доказательств, установленных уголовно-процессуальным законом, что ведет к формированию устойчивого навыка субъектов к искажению формы фиксации и отражения содержания в письменных доказательствах по уголовному делу.

Важным с точки зрения моделирования дефиниции «фальсификация доказательств» применительно к ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ нам представляется определение распространенных способов фальсификации, исходя из правоприменительной практики. По результатам изучения приговоров нами выделены такие наиболее распространенные способы:

– изготовление (создание) полностью сфальсифицированного доказательства и по содержанию, и по форме (в том числе изготовление документа при отсутствии соответствующего следственного действия; подмена или изготовление вещественного доказательства);

– изменение подлинного доказательства (включая внесение ложных сведений, исправлений, дополнений в документ, в том числе подделка подписи с нарушением установленного уголовно-процессуальным законом порядка; видоизменение вещественных доказательств);

– сокрытие доказательства (незаконное изъятие из материалов уголовного дела (полностью или в части) подлинного документа или вещественного доказательства; утаивание доказательств, в том числе невключение в документы сведений о предметах, лицах, событиях, явлениях, которые на самом деле имели место быть и имели значение для дела);

– уничтожение доказательств.

С учетом вышеизложенного под фальсификацией доказательств по уголовным делам мы понимаем искусственное изготовление, изменение, сокрытие доказательств (в том числе путем изготовления документа при отсутствии соответствующего следственного действия, а также их удостоверения полномочным лицом; подмены или изготовления вещественного доказательства; внесения ложных исправлений, дополнений; подделки подписи с нарушением установленного уголовно-процессуальным законом порядка; видоизменения вещественных доказательств; невключения в материалы уголовного дела, незаконного изъятия из материалов уголовного дела, уничтожения и т.п.) из корыстной или иной личной заинтересованности (карьеризм, сокращение объема своей работы, затрат времени и труда, стремление избежать неблагоприятных для себя последствий в служебной деятельности и т.п.).

Именно указание на выявленные цели (как особый признак субъективной стороны рассматриваемого преступления) должно найти отражение в ле-

гальном определении понятия «фальсификация доказательств» применительно к ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ. Помощь в формулировании целей в указанном определении может оказать обобщение информации, содержащейся в приговорах по ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ. Так, распространенными целями, которые преследует фальсификатор, являются:

1) сокращение объема своей работы, затрат времени и труда, связанных с необходимостью организации и проведения следственных действий и окончания расследования;

2) карьеризм, в том числе продвижение по службе/работе, желание получить одобрение руководства, улучшение показателей собственной работы;

3) стремление избежать неблагоприятных для себя последствий в служебной деятельности, обусловленных неполнотой расследования и нарушением процессуальных сроков следствия, вероятностью возвращения уголовного дела для дополнительного следствия в этой связи;

4) корыстная цель, обусловленная, в частности, присвоением вещественных доказательств или получением вознаграждения от потерпевшего, обвиняемого или их представителей.

Характерно, что в качестве основного мотива совершения должностных преступлений следователей, в том числе и фальсификации доказательств, респонденты назвали облегчение выполнения своих должностных обязанностей. Такие результаты опроса свидетельствуют еще об одной крайне важной проблеме в рассматриваемой сфере – чрезвычайно высокой загруженности следственных работников, решить которую можно прежде всего не простым увеличением уголовно-правовой репрессии или числа следственных работников, а формированием компетентных, морально устойчивых кадров, имеющих заинтересованность и возможность работы в рамках закона.

При квалификации деяния рассматриваемого преступления следует учитывать, какое конкретно действие может быть признано фальсификацией. Это необходимо прежде всего в целях отграничения уголовно наказуемого деяния от дисциплинарного проступка, который может выражаться в получении доказательства с нарушением требований уголовно-процессуального закона, без искажения участником уголовного процесса содержащейся в доказательстве информации о фактах, имеющих значение для установления компетентными органами и лицами обстоятельств. При этом решающее значение в этом вопросе пока отводится отдельным определениям Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации.

Приведем пример из практики, подтверждающий наличие данной проблемы. Областной суд

оправдал Ж. (следователя по особо важным делам), который совершил фальсификацию доказательств по уголовному делу об особо тяжком преступлении (внес заведомо ложные сведения в протоколы следственных действий о том, что при следственных действиях якобы присутствовали понятые; изготовил протоколы следственных действий, фактически не проводившихся). В обоснование своего решения об оправдании Ж. областной суд указал, в частности, что «не нашли достоверного подтверждения в ходе судебного разбирательства доводов обвинения о внесении Ж. в протоколы опознания заведомо ложных сведений о присутствии понятых... Несоблюдение порядка получения доказательств в соответствии со ст. 303 УК РФ не является фальсификацией доказательств». По мнению Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации вывод областного суда о том, что «несоблюдение порядка получения доказательств не является их фальсификацией и не влечет предусмотренную ст. 303 УК РФ ответственность, противоречит требованиям ст. 6, 74, 83, 166, 193, 170 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, нарушение которых ведет к утрате доказательств»³.

Помимо обозначенной проблемы в научной литературе обращается внимание еще на одну аналогичную проблему. Суды приходят к выводу о том, что не образует состава преступления, предусмотренного ч. 2 или 3 ст. 303 УК РФ, деяние по делу, по которому сфальсифицированные доказательства были признаны судом недопустимыми и их существование не повлекло общественно опасных последствий [5, с. 196]. Давая оценку такому деянию, следует учитывать, что признание недопустимыми фальсифицированных доказательств не влияет на квалификацию деяния, которое, по своей сути, преступно само по себе. Следовательно, в такой ситуации состав преступления имеет место быть. В целях исключения разных подходов в толковании уголовно-правовых норм в подобных ситуациях необходимо обобщающее разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данному и иным вопросам. Указанные проблемы, на наш взгляд, связаны в том числе с отсутствием нормативного закрепления уголовно-правовых признаков фальсификации доказательств.

Интересным является и то обстоятельство, что в перечне субъектов фальсификации доказательств отсутствует судья. В юридической литературе давно предлагается включить в круг лиц, привлекаемых к ответственности по ст. 303

УК РФ, судей, помощников судей и секретарей судебных заседаний, поскольку последние имеют также возможность фальсифицировать доказательства [6, с. 71].

Обычно в качестве аргументации такого предложения выступают следующие соображения. Судья может истребовать доказательства, участвует в их исследовании, проверке, оценке. Следовательно, его действия, связанные с фальсификацией доказательств, наносят вред интересам законного доказывания по гражданским и уголовным делам как составной части интересов правосудия, а не интересам государственной власти и государственной службы вообще. Иначе говоря, подобные действия судьи должны квалифицироваться не по общей норме (ст. 292 УК РФ), а по специальной (ст. 303 УК РФ), выделение которой как раз и обусловлено в первую очередь спецификой общественных отношений и интересов по осуществлению правосудия и социальной потребностью в их охране уголовно-правовыми средствами, адекватными той общественной опасности, которую представляют преступные посяательства на эти отношения.

Наиболее часто судьи совершают фальсификацию протокола судебных действий, являющегося доказательством. Кроме того, судья может «подтасовать» и другие материалы уголовного дела как до начала судебного заседания, в перерывах, так и по его окончании.

Кроме того, в реальности случаи фальсификации доказательств, совершаемых судьями, не так уж и редки, о чем свидетельствуют обзоры практики Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. Квалификационные коллегии каждый год прекращают полномочия судей, в отношении которых установлены факты фальсификации судебных документов, а сами судьи признают, что их коллеги нередко фальсифицируют протоколы судебных заседаний, хотя конкретные случаи не описывают.

Приведем несколько примеров.

Судья А. Центрального районного суда г. Новосибирска фальсифицировала материалы гражданского дела. В отношении гр-на Г. было возбуждено уголовное дело и предъявлено обвинение в получении взятки. Поскольку по условиям брачного договора имущество супругов после развода переходило в собственность его супруги, последняя обратилась за помощью к адвокату Л. с целью освобождения имущества от ареста и избежания возможной конфискации. При посредничестве адвоката Л. судья А., исходя из корыстных побуждений, не проводя судебного заседания, сфабриковала дело о разводе задним числом, т.е. до даты возбуждения уголовного дела, и вынесла незаконное решение

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 августа 2010 г. по делу № 66-О10-115 [Электронный ресурс]. – URL: https://dogovorurist.ru/судебная_практика/дело/66-о10-115/ (дата обращения: 15.12.2021).

о расторжении брака между супругами Г. Судья А. поручила народному заседателю изготовить и подписать фальшивый протокол несостоявшегося судебного заседания. Позднее в связи с начавшейся проверкой судья А. попросила секретаря судебного заседания З. переписать этот протокол и подшить его в дело, изъяв протокол, написанный заседателем. Постановлением Президиума Новосибирского областного суда решение о расторжении брака Г. было отменено. Решением Квалификационной коллегии судей Новосибирской области полномочия судьи А. прекращены. Позднее Генеральный прокурор Российской Федерации внес представление в ту же коллегию с просьбой дать согласие на возбуждение уголовного дела в отношении бывшего судьи А. по признакам преступлений, предусмотренных ст. 292, 305 УК РФ. Однако в даче требуемого согласия было отказано⁴.

Еще один пример. Решением Квалификационной коллегии судей Омской области от 19 января 2001 г. прекращены полномочия судьи К. Основанием для принятия такого решения явилось умышленное грубое нарушение требований уголовного и уголовно-процессуального законодательства, волокита по уголовным делам, небрежное отношение к своим обязанностям, чем был нанесен существенный вред интересам правосудия и авторитету судебной власти. Рассмотренные уголовные дела сдавались в канцелярию с опозданием более чем на четыре месяца, «не вовремя отписывались приговоры», уголовные дела прекращались по фиктивному, незаверенным ксерокопиям свидетельств о смерти. Несмотря на возражения участников процесса в судебных заседаниях, судьей К. приобщались к делу откровенно фиктивные документы, по которым выносились незаконные решения, отмененные впоследствии. В частности, без соответствующего процессуального оформления судья К. единолично принял незаверенную ксерокопию свидетельства о смерти Ж. и, не назначая судебного заседания, прекратил производство по обвинению Ж. в совершении тяжкого преступления, что повлекло существенное ущемление и нарушение прав и законных интересов граждан. Позднее было установлено, что Ж. жив и на него объявлен розыск. Аналогичным образом по фиктивному свидетельству о рождении дочери была применена отсрочка исполнения приговора в отношении Ф., признанной виновной в распространении наркотиков в особо крупных размерах. В своей жалобе К. просил об отмене вышеуказанного ре-

шения, т.к. нарушения допускал неумышленно из-за большого объема работы. Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации в своем решении указала, что не может согласиться с доводами жалобы и считает, что Квалификационная коллегия судей пришла к правильному выводу о совершении судьей К. действий, несовместимых с высоким статусом судьи⁵.

Можно согласиться с тем, что все дела, как уголовные, так и гражданские, рассматриваются председательствующим судьей, и, безусловно, судья может совершить фальсификацию доказательств. Со стороны судьи может быть сфальсифицирован протокол судебного заседания, в результате чего может быть провозглашено иное решение. Несмотря на то, что судья не представляет доказательства, он оценивает каждое из них, а также в совокупности решает вопрос о приобщении доказательств к делу, о соответствии доказательств относимости, допустимости и достоверности, то есть хотя судья и не является стороной процесса, не представляет доказательства, но рассмотренные выше действия судьи не исчерпываются ст. 292 УК РФ (служебный подлог), а могут и должны квалифицироваться по ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств) [7, с. 16].

Кроме того, по-нашему мнению, следует включить в субъектный состав и иных участников процесса, а именно эксперта, специалиста, секретаря судебного заседания и др., поскольку они обладают определенными процессуальными полномочиями для предоставления доказательств как по гражданскому, так и по уголовному делу.

В заключение отметим:

1. В правоприменительной деятельности следует избегать ошибок при квалификации рассматриваемых деяний. Такими ошибками могут быть: 1) ошибочная квалификация деяния по ч. 2 или 3 ст. 303 УК РФ в случае: а) когда предметом преступных действий выступают не доказательства по уголовному делу, а иные объекты материального мира, не являющиеся доказательствами; б) когда в действиях лица имеют место признаки служебного подлога, злоупотребления должностным положением и т.п. или совокупность преступлений (например, предусмотренных ст. 292 и 303 УК РФ) либо лишь дисциплинарный проступок; в) когда фальсификацию доказательств по уголовному делу осуществляет субъект, действующий по процессуальному поручению дознавателя или следователя. Систематизация способов фальсификации

⁴ Анализ практики [Электронный ресурс] // Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации. – URL: <http://vkks.ru/publication/177/> (дата обращения: 15.12.2021).

⁵ Анализ практики [Электронный ресурс] // Высшая квалификационная коллегия судей Российской Федерации. – URL: <http://vkks.ru/publication/177/> (дата обращения: 15.12.2021).

доказательств позволяет все деяния фальсификатора отнести к одному из трех подвидов: подделке, сокрытию, уничтожению доказательств; а обобщение целей фальсификатора, излагаемых в приговорах (карьеризм, сокращение объема своей работы, затрат времени и труда, стремление избежать неблагоприятных для себя последствий в служебной деятельности и др.), дает возможность сформулировать следующий признак субъективной стороны – «из корыстной или иной личной заинтересованности».

2. Лицо, совершающее фальсификацию, относится к специальному субъекту – следователь, дознаватель, прокурор, защитник (фальсификация доказательств иными участниками уголовного судопроизводства квалифицируется по иным статьям УК РФ). Субъектом преступления не являются лица, действующие по процессуальному поручению дознавателя или следователя, а также судьи (их действия по фальсификации доказательств квалифицируются по общей норме).

3. Считаем, что судью следует ввести в круг субъектов преступления путем дополнения ст. 303 УК РФ частью 5 в следующей редакции: «5. Фальсификация доказательств судьей наказывается лишением права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью до... лет со штрафом в размере до... рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до... лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до... лет либо без такового либо лишением свободы на срок до... лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до... лет». Такие изменения обусловлены наличием случаев фальсификации доказательств судьями, квалификация которой осуществляется по ст. 292 УК РФ, при этом не учитывается общественная опасность такого деяния и применяется более мягкое наказание.

Литература

1. **Фомин М.А.** Практика доказывания фальсификации доказательств по уголовным делам. – Москва: Юрлитинформ, 2019. – 455 с.
2. **Климова Ю.Н.** Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков // Вестник Владимирского юридического института. – 2020. – № 2. – С. 59–63.
3. **Мытарев М.В.** Ответственность за преступления против правосудия, совершаемые сотрудниками ОВД: вопросы квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2009. – 29 с.
4. **Кондратьев А.А.** Проблемные вопросы квалификации фальсификации по уголовному делу лицами, осуществляющими предварительное расследование // Наука и практика. – 2008. – № 2 (35). – С. 147–151.
5. **Свиридов С.В.** Квалификационные ошибки, выражающиеся в неверном установлении отсутствия или наличия в деянии признаков состава преступления, предусмотренного чч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 5. – С. 196–200.
6. **Гибатуллин А.Р., Уварова И.А.** Проблемы уголовной ответственности за фальсификацию доказательств, предусмотренную ст. 303 УК РФ // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. – 2018. – № 4. – С. 71–74.
7. **Майборода В.А.** Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004. – 24 с.

References

1. **Fomin M.A.** Praktika dokazyvaniya fal'sifikatsii dokazatel'stv po ugovol'nym delam. – Moskva: Yurilitinform, 2019. – 455 s.
2. **Klimova Yu.N.** Fal'sifikatsiya dokazatel'stv po ugovol'nomu delu: osobennosti ob'ektivnykh i sub'ektivnykh priznakov // Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta. – 2020. – № 2. – S. 59–63.
3. **Mytarev M.V.** Otvetstvennost' za prestupleniya protiv pravosudiya, sovershaemye sotrudnikami OVD: voprosy kvalifikatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Nizhnii Novgorod, 2009. – 29 s.
4. **Kondrat'ev A.A.** Problemnye voprosy kvalifikatsii fal'sifikatsii po ugovol'nomu delu litsami, osushchestvlyayushchimi predvaritel'noe rassledovanie // Nauka i praktika. – 2008. – № 2 (35). – S. 147–151.
5. **Sviridov S.V.** Kvalifikatsionnye oshibki, vyrazhayushchiesya v nevernom ustanovlenii otsutstviya ili nalichiya v deyanii priznakov sostava prestupleniya, predusmotrennogo chch. 2 i 3 st. 303 UK RF // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 5. – S. 196–200.
6. **Gibatullin A.R., Uvarova I.A.** Problemy ugovol'noi otvetstvennosti za fal'sifikatsiyu dokazatel'stv, predusmotrennuyu st. 303 UK RF // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. – 2018. – № 4. – S. 71–74.
7. **Maiboroda V.A.** Ugolovnaya otvetstvennost' za fal'sifikatsiyu dokazatel'stv: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – Stavropol', 2004. – 24 s.

(статья сдана в редакцию 12.01.2022)

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ ОХРАНЫ

SOCIAL CONDITIONALITY OF CRIMINAL LIABILITY FOR VIOLATION OF LABOR PROTECTION REQUIREMENTS

УДК 343.4

Е.С. КВАСНИКОВ,
адъюнкт
(Омская академия МВД России,
Россия, Омск)
evgen1219@mail.ru

EVGENY S. KVASNIKOV,
Postgraduate
(Omsk Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Omsk, Russia)

Аннотация: в статье исследуются проблемы эффективности уровня уголовно-правовой охраны безопасного труда, его соответствия целям защиты личности и предупреждения преступного нарушения требований охраны труда в современных условиях, а также перспективы его совершенствования. Рассматриваются вопросы о факторах, обуславливающих уголовную ответственность за нарушение требований охраны труда.

В результате изучения в соответствующей части советского и современного периодов развития института уголовно-правовой охраны безопасного труда; анализа статистических данных относительно количества выявляемых нарушений требований охраны труда, числа возбужденных в связи с такими нарушениями уголовных дел по ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также количества обвинительных приговоров; исследования правовой природы трудовых отношений; сопоставления уровня уголовно-правовой охраны человека в процессе осуществления трудовой деятельности по составу преступления, предусмотренного ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации, и составам некоторых других преступлений выделяются факторы, обуславливающие уголовную ответственность за нарушение требований охраны труда, делается вывод о преуменьшении в настоящее время значения охраны безопасного труда, охраны жизни и здоровья трудящихся. В заключение исследования автором отмечается, что совершенствование ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации социально обусловлено, а также приводится собственное видение пути такого совершенствования.

Ключевые слова: социальная обусловленность, факторы, преступление, охрана труда, уголовная ответственность, совершенствование.

Для цитирования: Квасников Е.С. Социальная обусловленность уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2023. – № 1. – С. 97–102.

Abstract: the article examines the problem of the effectiveness of the level of criminal law protection of safe labor, its compliance with the goals of protecting the individual and preventing criminal violations of labor protection requirements in modern conditions, as well as the prospects for its improvement. The issues of the factors causing criminal liability for violation of labor protection requirements are considered.

As a result of the study in the relevant part of the Soviet and modern periods of the development of the institute of criminal and legal protection of safe labor; analysis of statistical data on the number of detected violations of labor protection requirements, the number of criminal cases initiated in connection with such violations under Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the number of convictions; research of the legal nature of labor relations; comparison of the level of criminal and legal protection of a person in the course of employment by the composition of the crime provided for in Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation. 143 of the Criminal Code of the Russian Federation and the composition of some other crimes, the factors that cause criminal liability for violation of labor protection requirements are highlighted, it is concluded that the importance of safe labor protection, the protection of workers' life and health is currently being understated. In conclusion of the study, the author notes that the improvement of Article 143 of the Criminal Code of the Russian Federation is socially conditioned, and also provides his own vision of the way of such improvement.

Keywords: social conditionality, factors, crime, labor protection, criminal liability, improvement.

For citation: Kvasnikov E.S. Social conditionality of criminal liability for violation of labor protection requirements // Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia. – 2023. – № 1. – P. 97–102.

Криминализация нарушения требований охраны труда существовала на протяжении практически всего исторического пути развития отечественного уголовного законодательства, что свидетельствует о понимании законодателем обусловленности охраны безопасного труда, в том числе уголовно-правовыми средствами. Вместе с тем законодатель приходится реагировать на нарушение безопасности труда таким образом, чтобы его меры были одобрены обществом в целом и трудящимися в частности. Поэтому не все нарушения требований охраны труда¹ влекут за собой уголовную ответственность. Нарушение данных требований – неосторожное преступление, и криминализация такого рода деяний, как показывает история, нередко вызывает вопросы как в научной сфере, так и в правоприменении. Ведь защита прав и интересов трудящихся зависит от эффективности действия в том числе рассматриваемой крайней меры ответственности за их нарушение.

В настоящее время уголовная ответственность за НТОТ (ст. 143 Уголовного кодекса Российской Федерации²), на наш взгляд, обусловлена рядом факторов. Появление данной нормы было обусловлено коренными изменениями отношений собственности в постсоветский период. Так, до распада СССР предприятия, народнохозяйственные комплексы в промышленности, энергетике, строительстве и др. находились в государственной собственности³. Поэтому забота об охране труда рабочих в большей мере лежала на государстве-работодателе, несмотря на то, что трудовое законодательство в то время было ориентировано в первую очередь на увеличение производительности, а уже потом на охрану труда [1, с. 5–27].

С начала радикальных экономических реформ конца 1980 – начала 1990-х годов, приведших к утверждению рыночной экономики, доля частных предприятий и различного рода юридических лиц – работодателей значительно возросла. Кроме того, ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации в равной степени признаются и гарантируются все формы собственности, в том числе частная собственность. В связи с этим произошло увеличение количества работодателей различных категорий (физических лиц, юридических лиц, публично-правовых образований).

Таким образом, возникла потребность более тщательного регулирования отношений в сфере охраны труда (о чем свидетельствует возросшее

число субъектов, подразделений и служб, осуществляющих контроль за соблюдением требований охраны труда), и в том числе путем их уголовно-правовой охраны.

Общественная опасность НТОТ как показатель уголовно наказуемого девиантного поведения имеет место лишь в случае, когда такое нарушение по неосторожности повлекло за собой причинение смерти либо тяжкого вреда здоровью человека. Конечно же, такие последствия вполне оправданны для криминализации рассматриваемого деяния, так как они непосредственно связаны с существенным нарушением как трудовых прав, так и права на жизнь и здоровье каждого.

Охрана труда имеет прямую связь с обеспечением надлежащих условий труда. Работодатель полностью контролирует трудовую деятельность работника, работник подчиняется работодателю, то есть между ними имеют место быть субординационные отношения. В отличие от гражданско-правовых отношений в трудовых отношениях на работодателе лежит обязанность обеспечить надлежащие условия труда. Несоблюдение работодателем требований охраны труда, а также необеспечение им безопасных условий труда ставит под угрозу жизнь и здоровье работников. Таким образом, работник фактически находится в зависимости от работодателя, так как подчинен ему в рамках трудовых отношений (что неоднократно упоминалось в судебной практике⁴). Так, обусловленность введения уголовной ответственности за НТОТ отчасти состоит в принуждении работодателя к соблюдению установленных требований охраны труда, целью которых является обеспечение реализации прав человека на труд в условиях безопасности и гигиены.

В юридической литературе небезосновательно в качестве фактора, обуславливающего общественную опасность преступлений (следовательно, и уголовную ответственность), связанных с нарушением правил безопасности при производстве работ или оказании услуг, выделяется отдаленный характер наступающих последствий [2, с. 50]. Например, непроведение работодателем мониторинга условий труда (или специальной оценки условий труда) сотрудников на соответствие нормам или неустранение нарушений, угрожающих жизни и здоровью работников, в соответствующий срок влечет за собой указанные неблагоприятные последствия не одновременно, а по истечении неопределенного времени с момента нарушения работодателем таких требований.

¹ Далее – НТОТ.

² Далее – УК РФ.

³ О собственности в СССР: Закон СССР от 06.03.1990 № 1305-1 [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., например, Решение Сергиево-Посадского городского суда Московской области от 30 июля 2020 г. по делу № 2-2624/2020, Решение Промышленного районного суда г. Курска от 8 июля 2020 г. по делу № 2-1238/2020 и др. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

В качестве очередного фактора следует указать распространенность и прецедентность соответствующих деяний, несмотря на то, что подавляющее большинство НТОТ остается уголовно безнаказанными (о причинах этого речь будет идти далее), их количество довольно внушительно как на международном уровне, так и в России.

Так, по заявлению генсекретаря Международной ассоциации социального обеспечения Ханс-Хорст Конколевски, около 2,8 миллионов человек в мире ежегодно умирают на рабочих местах. К смертям приводят и несчастные случаи на производстве, и профессиональные заболевания. Кроме того, в России следствием этого является снижение ВВП, оцененное в размере 1,5 триллиона рублей в год⁵. Известно, что такие происшествия происходят на территории всей Российской Федерации, в том числе в связи нарушением требований охраны труда. Между тем примерно 1 миллион 350 тысяч смертей приносит нарушение правил дорожного движения⁶. По состоянию на 9 декабря 2020 года от COVID-19 скончалось более 1,5 миллиона человек, в 2021 году – 3,5 миллиона человек⁷. Причинами относительно меньшего количества смертей являются даже вооруженные конфликты⁸.

Таким образом, проблема травматизма и смертности на рабочих местах сопоставима по масштабу с эпидемиями, войнами и тяжкими последствиями дорожно-транспортных происшествий. Указанные цифры довольно внушительны, причем в современных условиях информацию об условиях труда части населения в полном объеме получить невозможно. Статистика в данном случае в разных службах и ведомствах противоречива, и в дополнение к этому НТОТ свойственен латентный характер. В частности, он проявляется в наличии у работодателя целой массы локальных документов (приказов, инструкций, журналов инструктажей по технике безопасности

и т.п.), формальное соблюдение которых не позволяет привлечь последнего к ответственности (в особенности к уголовной), поскольку их содержание в большей части по форме соответствует требованиям охраны труда в соответствующей сфере работ. Пренебрежение требованиями охраны труда (и в частности – требованиями безопасности) со стороны руководителей объясняется экономией средств, связанной с высокой конкуренцией на рынке, а также стремлением получить большую материальную выгоду [2, с. 46], либо банальным недобросовестным выполнением своих обязанностей.

Наряду со способностью деяний причинять вред профессор Л.Н. Прокументов отмечает их прецедентный характер (то есть возможность их повторяемости) в качестве показателя общественной опасности [3, с. 22, 23]. Вместе с тем криминализация широкого, чрезвычайно распространенного круга девиантного поведения не приведет к достижению целей уголовного закона, а напротив, породит безнаказанность за совершение признанных преступлениями деяний [4, с. 67]. Несмотря на противоречивость статистических данных по НТОТ, неизменным остается их масштаб. Так, согласно статистике, за 2016 – первое полугодие 2021 г. количество нарушений таких требований составило более полумиллиона случаев. Было направлено в правоохранительные органы для возбуждения уголовных дел по ст. 143 УК РФ свыше двадцати тысяч. За 2020 год минимальное количество выявленных нарушений в сфере охраны труда превысило 60 тысяч⁹. По данным ГИАЦ МВД России, за период с 2016 по 2020 год количество зарегистрированных уголовных дел по ст. 143 УК РФ составило 3814, число направленных уголовных дел в суд – 821. При этом в разы меньшее количество составляет число осужденных лиц за НТОТ. Приведенная Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации статистика обвинительных решений по преступлениям, совершенным в сфере нарушения требований охраны труда за последние 5 лет, показывает, что причинение тяжкого вреда здоровью или смертей было следствием как минимум 531 НТОТ¹⁰.

Фактор трансформации характера традиционной занятости населения также обуславливает уголовную ответственность за НТОТ. В условиях цифровизации общества представление о труде несколько изменяется. Так, в научной литерату-

⁵ Домой не вернулись [Электронный ресурс]. – URL: <https://rg.ru/2018/04/10/tri-milliona-chelovek-v-god-umiraiut-narabote.html> (дата обращения: 10.01.2022).

⁶ Министры согласуют новую повестку дня в области дорожно-транспортной безопасности на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Глобальный веб-сайт Всемирной организации здравоохранения. – URL: <https://www.who.int/ru/news/item/07-02-2020-ministers-to-agree-new-global-road-safety-agenda-to-2030> (дата обращения: 10.01.2022).

⁷ ВОЗ публикует статистику о ведущих причинах смертности и инвалидности во всем мире за период 2000–2019 гг. [Электронный ресурс] // Глобальный веб-сайт Всемирной организации здравоохранения. – URL: <https://www.who.int/ru/news/item/09-12-2020-who-reveals-leading-causes-of-death-and-disability-worldwide-2000-2019> (дата обращения: 10.01.2022).

⁸ Солдатские матери проголосуют за мир [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ng.ru/events/2000-03-23/2_vote.html?print=Y (дата обращения: 10.01.2022).

⁹ Официальный сайт Федеральной службы по труду и занятости [Электронный ресурс]. – URL: https://rostrud.gov.ru/control/soblyudenie-zakonodatelstva-o-trude/?CAT_ID=4185 (дата обращения: 10.01.2022).

¹⁰ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 10.01.2022).

ре упоминается об изменениях в современных условиях организационных форм труда и социально-трудовых отношений [5]. В связи с роботизацией и автоматизацией технических процессов в производстве, увеличением количества техники и оборудования, а следовательно, и источников повышенной опасности риск причинения вреда жизни и здоровью людей в ходе их трудовой деятельности не уменьшается. Таким образом, роль человеческого фактора в обеспечении безопасности труда очевидна. Если раньше было достаточно принятия технических и организационных мер по охране труда, в настоящий момент какой-либо инструментарий по управлению поведением человека отсутствует. В результате научно-технологического развития был расширен субъектный состав работающих (появились нетипичные формы занятости, самозанятые, дистанционные работники и др.). Во-первых, такие лица в большей мере самостоятельно обеспечивают безопасность своего труда, и охрана их труда недостаточно регламентирована законом (например, круг обязанностей работодателя по охране труда дистанционных работников уже, чем число обязанностей по обеспечению безопасности труда работников традиционных профессий). Очевидно, что граждане не могут определить все риски, связанные с их трудовой деятельностью. Во-вторых, из-за нежелания работодателей нести ответственность, стремления к получению выгоды и т.д. в последнее время участились случаи «маскировки» трудовых отношений под гражданско-правовые. Такая категория занятых также нуждается в уголовно-правовой защите.

Трудовая деятельность человека была и остается фундаментальной составляющей его жизни. Указанные факторы свидетельствуют об обусловленности уголовной ответственности за НТОТ. Вместе с тем считаем, что данными факторами также обусловлена необходимость совершенствования рассматриваемой нормы, поскольку в настоящий момент уровень уголовно-правовой охраны таких ценностей, как жизнь человека и его здоровье, в процессе его трудовой деятельности чрезвычайно низок. Размер санкций и применение ст. 143 УК РФ не влечет должного предупредительного воздействия на нарушителей. Как отмечают В.А. Новиков и В.И. Шиян, производства по уголовным делам рассматриваемой категории зачастую завершаются освобождением виновных от уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным гл. 11 УК РФ; при совершении деяний с квалифицирующими отягчающими обстоятельствами (чч. 2, 3 ст. 143 УК РФ) виновные приговариваются в основном к принудительным работам и лишению свободы [6, с. 103].

В доктрине уголовного права учеными не раз указывалось на необходимость совершенствования регламентации уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за причинение смерти по неосторожности. Например, В.Г. Татарников, проводя сравнительно-правовой анализ норм об уголовной ответственности за преступление, совершенные по неосторожности, в УК РФ и УК РСФСР 1960 г., отмечает, что в действующем законодательстве уголовная ответственность за причинение смерти по неосторожности дифференцирована; по сравнению с аналогичной нормой УК РСФСР 1960 г. снижена. Автор отмечает, что принцип защиты права человека на жизнь при установлении уголовной ответственности за многие преступления, при совершении которых потерпевшему причиняется смерть по неосторожности, законодателем не соблюдается [7, с. 166, 167]. Другие авторы ставят вопрос о степени справедливости смягчения санкций за причинение смерти по неосторожности в результате нарушения требований охраны труда и об учете ценности человеческой жизни [8, с. 104]. Д.З. Зиядова и Д.Г. Мурзаева высказываются о необходимости совершенствования ст. 143 УК РФ путем дифференциации уголовной ответственности за совершение данного преступления за счет введения квалифицирующего отягчающего обстоятельства в зависимости от количества потерпевших [9, с. 15]. С аналогичным предложением выступает О.А. Смык, предлагающая дополнить таким квалифицирующим отягчающим обстоятельством совершения рассматриваемого преступления, как нарушение требований охраны труда, повлекшее по неосторожности смерть несовершеннолетнего [10, с. 19].

В целом с вышеприведенными мнениями авторов мы согласны. В настоящее время в России человек, его права и свободы объявлены высшей ценностью на конституционном уровне, то есть интересы государства отходят на второй план. Вместе с тем как в советский период времени, так и ранее публичные интересы превалировали над интересами личности. Например, Конституция РСФСР 1978 г. провозглашала Советское государство как основное орудие защиты революционных завоеваний, строительства социализма и коммунизма. Руководящая сила страны принадлежала Коммунистической партии, в основе деятельности которой лежало марксистско-ленинское учение (ст. 6), конечной целью которого, как известно, было построение коммунистического общества. Преобладание публичных интересов над интересами личности особенно прослеживается в предшествующем уголовном законодательстве. Так, Особенная часть УК РСФСР 1960 г., в отличие от УК РФ, начинается именно с преступлений против государства.

Статья 140 «Нарушение правил охраны труда» УК РСФСР 1960 г. (в исходной редакции) располагалась в четвертой главе, посвященной преступлениям против политических, трудовых, иных прав и свобод граждан, представляла формально-материальный состав преступления и предусматривала санкции: во-первых, в том числе за поставление в опасность (нарушение должностным лицом правил по технике безопасности, промышленной санитарии или иных правил охраны труда, если это нарушение могло повлечь за собой несчастные случаи с людьми или иные тяжкие последствия); во-вторых, более жесткие по сравнению с санкциями ст. 143 УК РФ. Лишь за само нарушение упомянутых правил, ставящее людей в условия, опасные для их жизни и здоровья, виновное лицо наказывалось лишением свободы на срок до одного года (ст. 143 УК РФ такой санкции не предусматривает). Если такие нарушения повлекли за собой причинение телесных повреждений или утрату трудоспособности, санкция предусматривала лишение свободы на срок до трех лет (ст. 143 УК РФ такой санкции не предусматривает). За причинение в результате нарушения этих правил хотя бы одному лицу смерти или причинение тяжких телесных повреждений нескольким лицам – санкция – лишение свободы на срок до пяти лет. Кроме того, со временем законодателем из данного состава исключена формальность. За причинение одному лицу смерти ст. 143 УК РФ предусматривает санкцию в виде лишения свободы на срок до четырех лет, а за причинение тяжкого вреда нескольким лицам санкция вообще отсутствует.

Из этого возникает некий диссонанс в логике законодателя, что наводит на вопрос: почему в период времени, когда публичные интересы преобладали над интересами личности, уровень ее уголовно-правовой охраны был значительно выше, чем нынешний уровень?

В том числе по этой причине мы солидарны с озвученными мнениями авторов относительно необходимости совершенствования ст. 143 УК РФ в целях повышения уголовно-правовой охраны прав трудящихся, выведения данной защиты на международный уровень.

К выводу о важности такого совершенствования приводит анализ криминообразующих последствий иных составов преступлений современного уголовного законодательства в сравнении со ст. 143 УК РФ. Например, в таких составах однородных преступлений, как ст. 216 «Нарушение правил безопасности при ведении строительных или иных работ», ст. 217 «Нарушение требований промышленной безопасности опасных производственных

объектов» УК РФ (однородные – поскольку выступают следствием НТОТ и объединяются необходимостью выполнения единой задачи по предупреждению посягательств на трудовые права граждан, в том числе связанной с обеспечением безопасности производственной или иной деятельности), наряду с причинением тяжкого вреда здоровью в качестве криминообразующего последствия законодатель предусматривает причинение крупного ущерба (сумма которого превышает пятьсот тысяч рублей). Составы преступлений, связанных с нарушением специальных правил или требований безопасности (например, ст. 236, 238, 246, 247 УК РФ), либо являются формальными (уголовная ответственность наступает за совершение деяния, ставящее в условия, угрожающие здоровью, или за сам факт нарушения требований), либо не содержат критериев причиненного вреда (т.е. причинение вреда здоровью любой тяжести).

Таким образом, значение охраны безопасности труда, охраны жизни и здоровья человека, судя по содержанию и по применению ст. 143 УК РФ, в настоящее время очевидно преуменьшено, и совершенствование законодательства в данной части социально обусловлено. Думается, что как декриминализация уголовной ответственности за нарушение требований охраны труда, причинившее по неосторожности вред здоровью средней тяжести, и деформализация состава, так и исключение причинения тяжкого вреда здоровью нескольким лицам из отягчающих обстоятельств рассматриваемого преступления были спорны и преждевременны. Поэтому, опираясь на исторический опыт изложения нормы о преступлении, связанном с нарушением требований охраны труда, учитывая часть положительных, на наш взгляд, в содержании такой статьи изменений, факторы, обуславливающие уголовную ответственность за совершение рассматриваемого преступления, мнения ученых, в целях повышения уровня уголовно-правовой охраны личности при осуществлении трудовой функции, полагаем, необходимо ужесточить уголовную ответственность за нарушение требований охраны труда путем частичной формализации состава преступления в случае умышленного нарушения требований охраны труда, если такое нарушение могло повлечь за собой причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека; усилить санкции; совершенствовать законодательство в части юридико-технического изложения в норме отягчающих обстоятельств преступного нарушения требований охраны труда.

Литература

1. **Иванов С.А.** Советская наука трудового права: проблемы и перспективы развития // Проблемы трудового права и права социального обеспечения. – Москва, 1975. С. 5–27.
2. **Белецкий И.А.** Уголовная ответственность за нарушение правил безопасности при производстве работ или оказании услуг: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2017. – 190 с.
3. **Прокументов Л.М.** Общественная опасность как основание криминализации (декриминализации) деяния // Вестник Воронежского института МВД России. – 2009. – № 4. – С. 18–24.
4. **Курсаев А.В.** О некоторых факторах криминализации нарушения правил охраны труда при ведении работ // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 2 (35). – С. 62–70.
5. **Абрамян Е.П.** Трансформация труда в условиях информационного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 1. – С. 15–17.
6. **Новиков В.А., Шиян В.И.** Нарушение требований охраны труда (ст. 143 УК РФ): состояние и актуальные вопросы квалификации // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2019. – № 3. – С. 98–103.
7. **Татарников В.Г.** Некоторые вопросы совершенствования норм об уголовной ответственности за преступления, совершенные по неосторожности // Вестник Иркутского государственного технического университета. – 2007. – Т. 3. – № 1 (29). – С. 166–170.
8. **Нуркаева Т.Н., Диваева И.Р.** Нарушение требований охраны труда: вопросы толкования, квалификации и совершенствования законодательства // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. – 2017. – Т. 9. – № 1. – С. 100–106.
9. **Зиядова Д.З., Мурзаева Д.Г.** Уголовно-правовое воздействие на нарушение требований охраны труда // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 7. – С. 15–16.
10. **Смык О.А.** Проблемы уголовной ответственности за нарушение правил охраны труда (по материалам судебной практики Краснодарского края): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2006. – 25 с.

References

1. **Ivanov S.A.** Sovetskaya nauka trudovogo prava: problemy i perspektivy razvitiya // Problemy trudovogo prava i prava sotsial'nogo obespecheniya. – Moskva, 1975. S. 5–27.
2. **Beletskii I.A.** Ugolovnaya otvetstvennost' za narushenie pravil bezopasnosti pri proizvodstve rabot ili okazanii uslug: dis. ... kand. jurid. nauk. – Omsk, 2017. – 190 s.
3. **Prozumentov L.M.** Obschestvennaya opasnost' kak osnovanie kriminalizatsii (dekriminalizatsii) deyaniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. – 2009. – № 4. – S. 18–24.
4. **Kursaev A.V.** O nekotorykh faktorakh kriminalizatsii narusheniya pravil okhrany truda pri vedenii rabot // Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. – 2019. – № 2 (35). – S. 62–70.
5. **Abramyan E.P.** Transformatsiya truda v usloviyakh informatsionnogo obshchestva // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2018. – № 1. – S. 15–17.
6. **Novikov V.A., Shiyani V.I.** Narushenie trebovaniy okhrany truda (st. 143 UK RF): sostoyanie i aktual'nye voprosy kvalifikatsii // Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta Rossiiskoi Federatsii. – 2019. – № 3. – S. 98–103.
7. **Tatarnikov V.G.** Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya norm ob ugolovnoi otvetstvennosti za prestupleniya, sovershennyye po neostorozhnosti // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. – 2007. – T. 3. – № 1 (29). – S. 166–170.
8. **Nurkaeva T.N., Divaeva I.R.** Narushenie trebovaniy okhrany truda: voprosy tolkovaniya, kvalifikatsii i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva // Aktual'nye problemy prava i gosudarstva v XXI veke. – 2017. – T. 9. – № 1. – S. 100–106.
9. **Ziyadova D.Z., Murzaeva D.G.** Ugolovno-pravovoe vozdeistvie narusheniya trebovaniy okhrany truda // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. – 2017. – № 7. – S. 15–16.
10. **Smyk O.A.** Problemy ugolovnoi otvetstvennosti za narushenie pravil okhrany truda (po materialam sudebnoi praktiki Krasnodarskogo kraya): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. – Krasnodar, 2006. – 25 s.

(статья сдана в редакцию 27.01.2022)

К сведению авторов

На страницах журнала освещаются вопросы юридической науки, уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-разыскного, уголовно-исполнительного, административного, миграционного законодательства, передовой опыт борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Статьи должны отражать наиболее актуальные темы правоохранительной деятельности, затрагивающие проблемы и предлагающие пути их решения. Статьи, имеющие слабый научный аппарат, к опубликованию не принимаются.

В соответствии с международными требованиями статья должна содержать:

на русском языке: название статьи, фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью, должность, ученую степень и звание. Полное наименование организации (в скобках – сокращенное), город, телефон, электронный адрес. Аннотацию (150–250 слов), ключевые слова (5–7 слов или словосочетаний), список литературы, на которую ссылается автор. Данная информация должна быть представлена на английском языке, за исключением ФИО автора (авторов) и списка литературы, которые транслитерируются.

Текст статьи должен быть набран на компьютере в текстовом редакторе Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25. Не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов. Объем статьи 8–20 страниц машинописного текста (стандартная страница – 1800 знаков с пробелами, включая таблицы, рисунки и список литературы). Статья представляется в редакцию в электронном (диск, электронная почта) и распечатанном виде. Файл, содержащий статью, называется по фамилии автора.

Список литературы приводится в конце статьи. В тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы, а через запятую – номер страницы (например, [3, с.25]). Обязательно указываются следующие данные: для книг – фамилия и инициалы автора (редактора), название книги, место издания (город), год издания; для журнальных статей – фамилия и инициалы автора, название статьи, название журнала, год издания, номер, выпуск, страницы (первая и последняя).

Статья должна быть вычитана и подписана автором (авторами) следующим образом: «Материал вычитан, цифры, факты сверил с первоисточником. Не возражаю против размещения моей статьи в электронной библиотеке». Далее ставится дата и подпись. Статьи соискателей, адъюнктов и аспирантов визируются научным руководителем. Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать и сокращать статьи. Отклоненные редакцией материалы не рецензируются и не возвращаются.

Направляя статью для опубликования в журнале, автор (соавторы) безвозмездно предоставляет редакции журнала «Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина» неисключительные права на использование данной статьи, в том числе на неограниченное её распространение любым способом, включая создание её электронного варианта для размещения в локальной сети Бел ЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, а также в сети Интернет (на сайте института, в научных электронных библиотеках и т.д.), с целью доведения статьи до всеобщего сведения и выполнения требования ВАК при Минобрнауки России об информационной открытости научной периодики.

Статьи, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала по согласованию с автором.

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объем статей и принимать решение о включении их в журнал. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала.

Ответственность за достоверность фактов несут авторы статей.

Научные публикации, включенные в журнал, представляют точку зрения автора на актуальные проблемы правоохранительной и нормотворческой деятельности, которая не всегда совпадает с мнением редакционной коллегии журнала.

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и размещается в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка»

eLIBRARY.RU

